

Наталия Зыкова

Меч, крест и Корона



*Кипр
Ларнака 2021*

Наталия Зыкова

Меч, крест и корона



*Кипр
Ларнака
2021*



~ 1 ~

Меч, крест и корона.

**Издательство Русского православного
образовательного центра**

Кипр, Ларнака, 2021. – 192 стр.

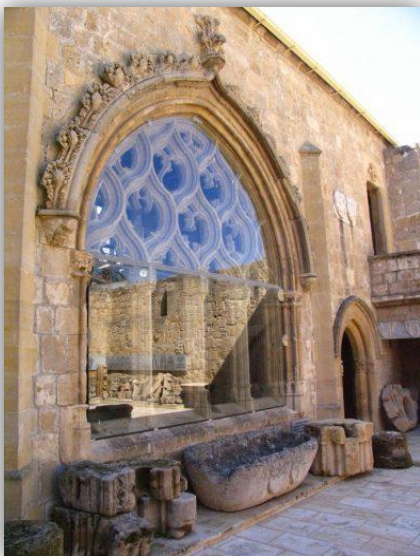
**© Copyright Natalia Zykova
ISBN 978-9925-7498-3-6**

Книга историка и литератора Наталии Зыковой «Меч, крест и корона» посвящена теме, которая мало изучена - истории средневекового Кипра. Впервые главы из книги были опубликованы в кипрском еженедельнике «Европа-Кипр». В очерках автор рассказывает о важных событиях, заметных исторических деятелях, о достижениях и потерях эпохи кипрского королевства франкской династии Лузиньянов. Интересная фактологическая сторона повествования, стиль изложения делают чтение книги познавательным и доступным для широкого круга читателей, любящих историю.

*Памяти моего наставника
Клеантиса Георгиадиса, ученого, который открыл мне
мир истории Кипра, с благодарностью.*

От автора.

Идея написания этой книги пришла ко мне однажды совершенно неожиданно во время посещения музея-лапидария в Никосии.



Лапидарий – это музей камней, в котором собраны фрагменты памятников, дворцов, храмов, надгробий, скульптур и т.п. Многочисленные осколки былой роскоши средневекового Кипра навевали грустные размышления о бренности земного бытия. Глядя на обломки некогда прекрасных колонн, треснутые саркофаги, в которых были когда-то с почестя-

ми похоронены знатные дамы и кавалеры, а то и короли, - трудно было представить былое величие Никосии, столицы кипрского королевства, восторженные воспоминания о котором дошли до нас в средневековых описаниях путешественников. Более ярко здесь представляешь жестокие нападения захватчиков, которые крушили всю эту красоту совершенно безжалостно. Я уже собралась было покинуть столь грустный музей, как вдруг увидела пре-

красное окно, вернее, каменную изящную резную раму, которая некогда обрамляла окно исчезнувшего дворца. Я подошла к этому дивному экспонату. Казалось, стоило заглянуть в это средневековое окно, и воочию предстанет Кипр эпохи Лузиньянов. А вдруг сквозь это чудное окно можно проникнуть в прошедшее, перенестись в эпохи, давно минувшие? Помните, замечательный фильм «Окно в Париж»? Окно в средневековое королевство звало и манило. Оставалось сделать шаг ему навстречу. Но волшебства в нашем мире, увы, не существует. А это значит, надо было прочитать горы исследований, посвященных средневековой истории Кипра, призвать на помощь воображение. Ведь памятников этой эпохи на Кипре сохранилось до обидного мало. Средневековое королевство Кипра – это Атлантида, которая ушла в пучину забвения. Название книги пришло само собой. Кипрское королевство основали крестоносцы, которые шли на восток, чтобы утвердить Крест на Святой земле. Мечом завоевывались земли, основывались государства. Кипрским королевством правила династия франкской семьи Лузиньянов. Корону Лузиньяны несли на протяжении трехсот лет. Вряд ли они обращали внимание на голодные глаза кипрских крестьян, вряд ли стучал в их сердца пепел тринадцати сожженных православных мучеников, с которыми католические власти королевства расправились в Кантарских горах. Лузиньяны – это тот случай, когда можно с уверенностью сказать: «Слишком далеки они были от народа своего королевства». Но все, же и они имеют право на свое пространство на страницах истории Кипра...

Подготовившись, я приглашаю вас, дорогие любознательные читатели, отважно заглянуть в магическое окно, дабы встретиться с Кипром средневековым.

Пролог

Три века Лузиньянов

Оккупация или развитие?

В многовековой истории Кипра отмечен удивительный период, когда Никосия была номинальной столицей трех королевств, а кипрские короли венчались на правление тремя коронами: Кипрского королевства, Киликийской Армении и Иерусалима. Уникальность ситуации заключалась в том, что короны наличествовали, торжественные коронации проходили, а вот самих королевств - ни Армении, ни Иерусалима – к тому времени уже не существовало. Но существовал титул, пышный и значительный. В текущем году исполняется 820 лет с того времени, как первый из трех королевских венцов был возложен на церковный алтарь и первый из Лузиньянов был коронован. Королевство просуществовало ни много ни мало, а три столетия. Срок немалый (так, династия Романовых в России правила столько же), а вот материалов об эпохе правления Лузиньянов очень мало. Это и понятно: для кипрских историков триста лет Лузиньянов – период иностранного владычества. В кипрской историографии существует даже термин «латинская оккупация». Что было, то было. Как говорит русская пословица: «из песни слова не выкинешь». При всей моей любви к Кипру, кипрскому православию, которое подвергалось страшным унижениям и преследованиям в годы Лузиньянов, - мы объективно должны признать, что в течение веков существовало Кипрское королевство со своей историей, своими значительными историческими деятелями, многонациональным составом жителей и священством, православным, и католическим. Это государство стало по-

следним оплотом христианства на Востоке. Вспомним, что были и многие поколения киприотов, которые создавали на протяжении трех веков духовные и материальные ценности. Они строили грозные крепости, роскошные дворцы, неприступные замки и красивейшие храмы. Они торговали со своими соседями, ближними и дальними. Жители острова писали книги и музыку, создавали фрески, потрясающие и ныне духовностью и мастерством. Они работали на земле, превращая ее в цветущий сад, который восхищал многочисленных заморских путешественников.

Об истории, историках и жанре.

На мой взгляд, ни разу за всю многовековую историю Кипра не были столь безжалостно уничтожены все материальные следы эпохи. Античный Кипр и то оставил больше следов на кипрской земле, чем триста лет королевства. Многое разрушено врагами, многое не пощадило время, но неужели вся эта работа, творчество, материальное и духовное, пропало втуне?! Конечно, нет. Боккаччо и Шекспир писали о Кипре, помещали сюжеты своих бессмертных произведений на благословенный остров. История средневекового Кипра вдохновила современника Лузиньянов кипрского летописца Леонтия Махера, автора «Повести о сладкой земле Кипр», написанной на кипрском диалекте греческого языка XIV - XV веков. Последователи этого хрониста, наши соотечественницы искусствовед Галина Росси и историк Светлана Близнюк уже в XXI веке продолжают изучать Кипр периода Лузиньянов. Их исследования неопровержимо свидетельствуют, что в многоцветном венке европейской культуры есть и кипрские цветы: редкой красоты и непохожести. Интерес наших соотечественников к истории средневекового Кипра велик. Мне довелось коснуться некоторых страниц этой истории. По-

сле публикации в еженедельнике «Европа-Кипр» ряда очерков автор получила многочисленные отклики. Читатели задают вопросы, на некоторые из них нелегко ответить. Читатели спрашивают: «Ваши очерки – это подлинная история или выдумка?» Вопрос не так прост, как это может показаться. Я назвала бы свой метод реконструкцией. Факты, даты, персонажи - все соответствует реальности, почерпнуто из документов, которые уцелели и дошли до наших дней. Сохранились и портреты некоторых моих героев: они взывают к нам из вековой дали с прекрасных фресок кипрских агиографов и уникальных витражей соборов Западной Европы. Многие представители франкской знати были благотворителями и изображали себя, согласно бытовавшей традиции, рядом с заказанными святыми образами. И все же мои очерки – это не строго историческое исследование. Они имеют элементы беллетризации. Надеюсь, я не отпугну читателей таким признанием. Вспомним, что само слово «беллетристика» означает в переводе с французского «изысканная словесность». Метод беллетризации - это изложение документального материала с использованием художественного повествования, что не отменяет наличие авторской позиции, занимательности сюжета, углубления в психологический мир героев. Надеюсь, все перечисленное присутствует на страницах этой книги.



Глава первая

Три короны кипрского королевства

Корона (от латинского слова «согопа» - «венец») - драгоценный головной убор - знак монаршего достоинства и обозначение государственной власти в монархических государствах (Большой энциклопедический словарь).

Итак, мы начинаем с рассказа о трех коронах Кипра. Нас ожидает встреча с интереснейшим периодом в кипрской истории. Надеюсь, что эта встреча станет увлекательным открытием, знакомством с неизвестными историческими персонажами и кипрской землей, которая таит столько загадок и тайн. Мы будем исследовать историю трех корон, а значит, историю трех государств: Иерусалимского королевства, Кипрского королевства и государства Киликийская Армения. Каждое прошло свой исторический путь, имеет свою историю, свои достижения, внесло свой вклад в культуру человечества. В каждом государстве были свои видные правители, были гордые победы и позорные поражения. И каждое из королевств в отведенный историей срок исчезло, растворилось в океане времени, оставив на земле - руины, в документах - память. В какой-то исторический момент все три короны оказались на Кипре, обозначая власть кипрских королей над землями, чьими символами эти короны являлись. Что ж, посетим и мы три королевства, узнаем об их королях и даже побываем на коронациях.

Путешествие в Палестину. Русский взгляд.



Приглашаю любознательных читателей отправиться в паломничество в Палестину XII века. Там мы встретимся с первым монархом, который был увенчан короной Иерусалима. Имя этого короля Балдуин (ок. 1060 - 2 апреля 1118). Нам о нем поведал посланец Киевской Руси, паломник - русич игумен Даниил, который в начале XI века посетил и Кипр, и Святую

землю. Страницы книги игумена Даниила «Хождения» помогут нам познакомиться с Балдуином Иерусалимским. Итак, давным-давно, в конце XI века в восточной Франции, в Нижней Лотарингии жил-был герцог Бульонский. И было у него три сына: Готфрид, Балдуин и Евстафий. Были они рыцарями вовсе не богатыми, но весьма честолюбивыми. Мечтали братья воинскими подвигами добыть себе славу, почести, богатство, новые владения и подданных. Да где это все добудешь? Таких рыцарей тогда было немало, но Европа невелика, на всех поместий не хватало. Призыв главы католической церкви Папы Римского идти в Крестовый поход в Святую Землю и освободить Гроб Господень нашел в сердцах европейцев живейший отклик. Это для читателя XXI века Сирия, Палестина, Ирак - символы нестабильности, войн и насилия. А на заре века XII эти края были символом роскоши и богатства. Там раскинулись плодородные земли, благоухали цветущие сады, ломились от товаров богатейшие города. Там мечом можно было завоевать себе не маленькую крепость и нищую деревеньку с голодными крестьянами (как на родине), но подлинные сокровища, подданных, славу и безбедную

жизнь. Впрочем, будем справедливы: не только о наживе думали будущие крестоносцы. Искренняя, иногда даже иступленная вера в то, что миссия освобождения Гроба Господня возложена на рыцарей свыше, горячие проповеди священников, - все это вело посланцев западных государств на неведомый Восток, навстречу смертельным испытаниям и опасным приключениям. Игумен Даниил прибывает в Иерусалим спустя семь лет после взятия Святого Города крестоносцами. В своем труде он ярко и образно передает атмосферу времени, ситуацию в Палестине, описывает портрет короля Балдуина. Еще были живы в памяти события штурма Иерусалима, жесточайшее избиение мусульман крестоносцами, сожжение иудеев в синагогах. Тогда кровь текла потоками по узким улочкам Иерусалима. Среди пожарищ и плача стоял один из предводителей крестоносцев Готфрид Бульонский, который в походе проявил особенную храбрость. Он видел горящий город, и кто знает, о чем думал этот сын Лотарингии? Но когда предложили ему соратники стать королем Иерусалима, он смиренно ответил, что в этом городе никто не может быть властителем, кроме Господа Иисуса Христа. Через год Готфрид умер. А вот его брат Балдуин ни на йоту не сомневался: он имеет все права стать первым королем Иерусалима.



На миниатюре XIII века мы видим торжественный момент: представители Папы коронуют Балдуина короной Иерусалима. На это событие мы обратим особенно пристальное внимание, поскольку эта корона в будущем ста-

нет одной из трех, символизирующих власть монархов в Кипрском королевстве.

Став королем Иерусалимским, Балдуин стал завоевывать страну, в которой крестоносцы владели лишь несколькими городами. Историки отмечают, что король при этом проявил выдающиеся способности, которых не было у его брата. Он завоевал большую часть Палестины, расширил свое государство, сделал его жизнеспособным. Был он и незаурядным дипломатом. Так, он вернул в Иерусалим православных священников, которые были жестоко изгнаны в первые годы правления крестоносцев. Подчеркнутое гостеприимство короля, оказанное игумену Русской земли Даниилу, свидетельство тому. Впрочем, не будем забывать, что Даниил, по мнению многих авторитетных историков, был духовником великого князя Владимира Мономаха, чей отец был братом королевы франков Анны, дочери Ярослава Мудрого. Вглядимся еще раз в старинную миниатюру. Это первое известное изображение короны Иерусалима. Изготовлена была и корона для королевы. Однако, с королевой Балдуину не повезло. Он женился на армянской принцессе по имени Арда. Однако вольное поведение супруги разгневало короля, и он выслал супругу. Не разведясь с Ардой, Балдуин нашел себе на Сицилии новую жену: Аделаиду Савойскую. Невеста согласилась стать королевой и прибыла в Иерусалим. Балдуин короновал Аделаиду. Но Папа, обнаружив, что Балдуин де-факто стал двоеженцем, предписал расстаться с королевой, что и произошло в 1118 году. Впрочем, в этом же году король и изгнанная королева умерли. Один – в Палестине, другая – в Палермо.

Иерусалим, 20 июля 1186 г.

Если бы в этот день, 20 июля 1186 года, мы оказались на шумных улицах Иерусалима и смогли пробраться через толпу, то увидели бы торжественную процессию. Во главе

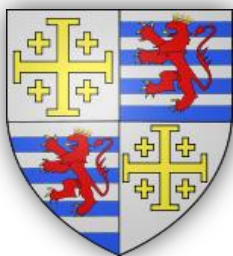


процессии шествовали мужчина, высокий, стройный, настоящий красавец, и пышно одетая молодая женщина. Их сопровождали католические священники в праздничных одеяниях, армянские послы, знатные дамы и кавалеры, ры-

цари в грозных доспехах, итальянские купцы. В толпе, которая, расступившись, давала проход блистательной паре, раздавались восклицания: «Смотрите, как нарядна Сибилла! А Ги де Лузиньян хорош, да только он не наш, приезжий. Ну и что, приезжий?! Его старший брат Амори тоже приезжий, а ведь конненетабль Иерусалима!» Амори Лузиньян шел в самой первой шеренге процессии. Он был чрезвычайно взволнован. Амори был старшим братом Ги, чувствовал свою ответственность за брата. По его настоятельному совету Ги приехал из Европы в Палестину. Кто бы мог подумать, что сейчас его младший брат, который не отличался ни особенной удалью, ни храбростью, - без пяти минут король?! Дивны дела Твои, Господи! Процессия проследовала в храм Воскресения Господня. На пороге храма прибывших встречал католический патриарх Иерусалима Ираклий. Именно он должен был возложить королевские венцы на Сибиллу Анжуйскую и Ги де Лузиньяна. Началось богослужение. И вот настал кульминационный

момент. «Патриарх, возложив корону Иерусалимского королевства на Сибиллу, обратился к ней со словами, в которых упомянул, что она лишь хрупкая и немощная женщина, неспособная справиться с тяжелым трудом управления государством во время смут и раздоров. Патриарх призвал новую королеву избрать достойного лорда, который бы управлял Королевством в союзе с ней. И в то время, когда присутствующие на церемонии возносили к Богу молитвы о том, чтобы Он даровал им достойного короля, Сибилла, взяв положенный возле ее кресла королевский венец в руки, возложила его на голову своего мужа Ги, провозгласив: «Я выбираю тебя своим королем и своим господином, и господином земли Иерусалима; да не разъединят человеки тех, кого соединил вместе Господь» Именно так изложено событие в «Анналах» английского хрониста XII века Роджера Ховедена. Итак, в историю вошла новая королевская чета. Амори де Лузиньян почтительно приблизился к брату, приклонил колено. Мог ли он знать, что пройдет десять лет и по воле Провидения он, Амори Лузиньян, станет королем Кипра, а потом еще и королем Иерусалима?! В самых смелых мечтах он не мог об этом и мечтать. Амори низко склонился пред королевской четой.

Лузиньяны.



Коронация первого кипрского короля произойдет через десять лет. Им станет тот самый Амори (еще его называют в литературе Альмарихом) де Лузиньян, который 20 июля 1186 года присутствовал на коронации своего младшего брата. Что это за семья, какого рода-племени? Любопытных читателей я отсылаю к ин-

тереснейшей работе историка Галины Росси «Ги де Лузиньян – последний король Иерусалима». Здесь же отметим, что род Лузиньянов известен с раннего средневековья. Их родина - французская провинция Пуату. Представители фамилии принимали участие в Первом крестовом походе, стояли у истоков Иерусалимского королевства. Были Лузиньяны и среди участников Второго крестового похода. Отец Амори и Ги, Гуго де Лузиньян, был любимцем короля и, когда попал в плен к мусульманам, - был королем выкуплен и получил высокий пост сенешаля (это один из высших сановников, заведовавших внутренним распорядком при дворе). В 1174 году после кончины короля, сын Гуго Амори прибыл из Франции в Палестину, был обласкан новым королем и получил должность коннетабля. Как видим, Лузиньяны были опытными царедворцами. Это вызвало зависть пулеинов (потомков крестоносцев, которые прибыли в Палестину еще в конце XI в). Они считали себя коренными жителями Палестины, а всех остальных – пришлыми.

Однако путем хитроумных интриг Лузиньянам удалось не только удержаться вблизи монарха, но организовать свадьбу с сестрой короля Сибиллой младшего Лузиньяна Ги. Ну, а в 1186 году Ги своей супругой был коронован.

Кипрский вопрос.

Исаак Комнин и Ричард Львиное Сердце.

Итак, мы узнали историю короны Иерусалима. Этот символ власти ждут еще немало приключений, о которых мы расскажем в свое время. Но наша глава называется «Три короны Кипрского королевства». А что же в это время происходило на Кипре? За два года до описываемых событий на Кипре тоже состоялась коронация императора Кипра. Вот так, ни много ни мало. Видимо планировал вновь ис-

печенный император, Исаак Комнин, превратить Кипр в империю. Да только была та коронация фальшивой. Основанием для коронации стало «письмо басилевса», византийского императора. Это письмо было подложным, а изготавил его ни кто иной, как сам соискатель кипрского трона. Исаак Комнин был племянником императора. В фальшивом «указе» византийского императора приятель Исаака объявлялся патриархом, а сам Исаак императором. Удивительно, но смиренные киприоты ничего не заподозрили до тех пор, пока налоги резко не подскочили, а все тяготы ужесточились, и жизнь медом не показалась.

Между тем, из Европы в Святую землю собирался Третий крестовый поход. Одним из руководителей крестоносцев выступил английский король Ричард Львиное Сердце. Его сопровождали сестра Джоанна Английская и невеста Беренгария Наваррская.

В 1191 году армада крестоносцев, проплывающая мимо Кипра, потерпела кораблекрушение. Знатные дамы были пленены Исааком. Ричард был оскорблен и захватил Кипр, взяв в плен подлого обманщика. Затем он женился на своей невесте Беренгариин в Лимассоле. Овладение Кипром вовсе не входило в планы короля, спешащего на Святую землю, Ричард продал Кипр рыцарскому ордену тамплиеров за 100 тысяч безантов. Затем, после того как киприоты восстали против тамплиерского правления, в 1192 году английский король выкупил остров обратно и перепродал бывшему иерусалимскому королю Ги де Лузиньяну. Но почему бывшему? Ведь все так романтично начиналось... Вспомним, что сказал при коронации Сибилле католический патриарх: «Ты - немощная женщина, неспособная справиться с тяжелым трудом управления государством, особенно в это время смут и раздоров». Эпоха и впрямь была сложной, кровавой, непредсказуемой, смутной. А в

наше повествование вторгается фигура яркая, грозная и неоднозначная.

Юсуф ибн Айюб или Саладин.

В наши дни всем известно, что Израиль – это земля, на которой по праву находится государство Израиль. По праву



происхождения и истории своего народа. Не то было в XII веке. И сегодня арабы относятся к израильтянам с подозрением и порой с предубеждениями, считая, что они заняли территории, на которых арабы жили многие века.

Уже в раннем средневековье в арабской среде было забыто, что Палестина - исконная иудейская земля, что римляне изгнали евреев из их отчизны. От римлян Палестина перешла к Византии. Ромеи с трепетом относились к своей палестинской вотчине, ведь эта земля помнила Воплотившего Бога, Палестина для христиан была и остается Святой Землей. Мать Константина Великого царица Елена совершила сюда свое славное паломничество, заложив традицию для христиан совершать поездки в Палестину с целью поклонения святым местам. В седьмом веке арабские племена, сплоченные верой в Аллаха и учением пророка Мухаммеда, захватили Палестину, отторгнув ее у Византии. Пятьсот лет арабы владели Палестиной, и Крестовые походы они восприняли как глумление над своей верой, ведь, согласно представлениям арабов, именно из Иерусалима с Храмовой горы пророк совершил свое восхождение на Небеса. В этом арабы были уверены, и от могущественного халифа до последнего воина - все жаждали освобождения

Палестины от неверных (так они называли христиан). Юсуф ибн Айюб не был исключением. Интересно, что в его полное имя входило 14 имен: Аль-Малик-ан-Насир и т.д. Этого исторического деятеля впоследствии стали называть Саладином (от арабского Салах-ад-дин, что означает «благочестие веры»). Но это будет потом, а пока юный Юсуф (мальчик родился в Месопотамии в 1137 году) рос среди воинов. Его отец Айюб, курдский наемник во втором поколении, добился многого. Он стал правителем Дамаска. Все мужчины семьи были военными, было очевидно, что судьба Юсуфа предрешена: он должен был стать воином. Но о военной карьере юноша не мечтал, предпочитая чтение Корана и пребывание в мечети военным играм. Однако, на семейном совете было решено, что ждет его стезя воина. Впоследствии Саладин вспоминал, что это решение было для него «как удар кинжала в сердце». Тем не менее, его путь был успешным, личная храбрость, острый ум, талант военачальника, непреклонная убежденность в справедливости войны против христиан, - все эти качества привели его к руководству арабской армией в Египте. Вскоре он становится правителем Египта. В 1174 году Саладин произвел переворот и создал новую династию Айюбидов. Он поставил на ключевые посты своих близких друзей и родственников. Саладин решил усилить войска. Он улучшил флот. Начал военные операции, чтобы подчинить весь Ближний Восток.

За двенадцать лет он смог покорить все регионы Ближнего Востока, кроме Палестины, где обосновались крестоносцы. Саладин объявляет им джихад, т.е. «священную войну».

В 1187 году Саладин повел свое двадцатитысячное войско в Палестину. Армию крестоносцев, которая должна была защитить свое королевство, возглавил супруг королевы Сибиллы Ги де Лузиньян. Саладин с помощью притворно-

го отступления заставил крестоносцев гнаться за ними по безжизненным пустыням, тем самым истощая их силы. А четвертого июля он напал на врагов при местечке Хаттине, и армия крестоносцев была полностью разбита. Ги де Лузиньян был взят в плен.

Первый франкский правитель Кипра.



Описывая давние века и прошедшие эпохи, хочется представить не только события, но и их участников. Люди двенадцатого века... О чем они мечтали, к чему стремились, какие помыслы обуревали их, какие чувства владели их сердцами? И чем глубже погружаешься в давно минувшее время, тем отчетливее осознаешь: человек остается все тем же, меняются только исто-

рические декорации, да технические новшества возникают с пугающим ускорением. В XII веке, как и сегодня, люди любили и страдали, на алтарь своего честолюбия порой клали жизнь свою и своих близких. Наш герой, несостоявшийся король Иерусалима Ги де Лузиньян, пережил страшные и позорные моменты своей жизни. Казалось, судьба отвернулась от нашего красавца. Унизительный плен и обвинения в трусости своих подданных, иерусалимских баронов, пережить было непросто. Оставалось, конечно, преданное сердце Сибиллы. Она написала письмо Саладину, заплатила выкуп за любимого мужа. Но вскоре она умирает от чумы, умирают и две малютки-дочери. Бароны избирают мужа сестры Сибиллы своим правителем. Казалось, все кончено, другой на его месте покинул бы Палестину, посыпав свою главу пеплом, и удалился в от-

чизну - Пуату, в родные места. Но не таков был наш герой. Он действительно удаляется, но не в Пуату, а на Кипр. Но что он там забыл? А дело в том, что на Кипр прибывает английский король Ричард, совершающий Третий Крестовый поход. Когда-то еще на франкской земле в Пуату Ги принес Ричарду омаж (присягу на верность). На Кипре наш герой искал защиты у своего сюзерена. Итак, В 1191 году Ги покинул Палестину с небольшим флотом и высадился в Лимассоле, чтобы искать поддержки у Ричарда I, английского короля. Ги встречает короля Англии, рассказывает о своих злоключениях, но самое главное, выражает готовность встать в ряды крестоносцев, чтобы в войске Ричарда отомстить Саладину и баронам, вернуть себе корону. Он клянется в верности Ричарду, и присутствует на его свадьбе с Беренгарией Наваррской, воюет вместе с королем против лжеимператора Исаака Комнина. Затем прибывает с Ричардом в Палестину и участвует в военных действиях, которые были безуспешными для крестоносцев. Такими поступками Ги завоевывает полное доверие английского короля. Оставляя Палестину, Ричард ставит вопрос ребром: кому быть королем Иерусалима. Бароны единогласно голосуют против Ги, избирая королем Конрада Монферратского, мужа младшей сестры Сибиллы Изабеллы. И все же в душе Ги продолжал считать себя королем Иерусалима, а судьба ему уже готовила щедрый подарок: появилась возможность купить остров Кипр у религиозного ордена тамплиеров и стать его правителем. Совсем недавно тамплиеры купили Кипр у Ричарда, но, видимо, разочаровались в своем приобретении. Где только взять сто тысяч сарацинских безантов? Сумма немаленькая, почти полтонны золота в монете. Таких денег у Ги не было, но он оказался весьма находчивым и сообразительным: решил занять денег у правителей западноевропейских государств. Самую

большую помощь оказали генуэзские купцы в расчете на торговые привилегии, которые Лузиньяны им и предоставили. С миру по нитке - сумма была найдена, и Кипр был куплен. Сам Ги считал, что его королевство – это Иерусалим, и он только прирастил свою корону новым кипрским владением.

Коронация.

В августе 1194 года первый франкский правитель Кипра Ги де Лузиньян внезапно умер и был похоронен тамплиерами в Никосии. По окончании траура встал вопрос о том, кто будет его наследником. Покойный Ги в свое время высказывался в пользу младшего брата Жоффруа. Однако младший Лузиньян вовсе не хотел себе столь неверной участи. Видимо, устав от всех перипетий в Палестине, он удаляется в милую Францию. А вот старший брат Ги Амори (Альмарих) был вовсе не прочь стать не только правителем Кипра, но и королем. Для этого по закону его должен был короновать император и благословить папа, глава католической церкви. Но кто признает его монаршую власть? Обращаться к императору Византии, считавшему, что Кипрское королевство у него похищено, было просто невыносимо. К папе Амори взывать не стал из страха, что тот провозгласит его королем лишь при условии, что он полностью подчинится католическому престолу. В итоге оставался один лишь император - монарх Священной Римской империи германской нации, сын Фридриха Барбароссы, - Генрих VI. В 1195 году Амори отправил к императору посла с ходатайством о признании его королем. В момент получения письма Генрих планировал поход в Палестину. Вассальное государство на Ближнем Востоке пришлось бы чрезвычайно кстати. Император соглашается и посылает на Кипр королевский скипетр как залог грядущей корона-

ции. В августе 1197 года первые германские крестоносцы императора Генриха добрались до Святой Земли. Войска прибыли в Акру, но первым делом имперский канцлер вместе с папским легатом, который целиком поддерживал императора, и германскими дворянами посетил город Никосию на Кипре. Здесь в сентябре 1197 года и прошла торжественная коронация первого короля Кипра Амори I, было основано Кипрское королевство с франкской династией Лузиньянов во главе. Итак, в нашем повествовании появилась кипрская корона, судьба которой будет непростой. Сколько погибнет претендентов в борьбе за обладание ею, сколько погубленных репутаций и несбывшихся надежд! Но пока Амори де Лузиньян, которому неведомо будущее, с готовностью приносит присягу Германскому императору. Он счастлив, он – король! Рядом его сын - Гуго (будущий король Кипра) и супруга, Эшив де Ибелин.

Изабелла: трудная судьба первой королевы Кипра.



Увы, не прошло и месяца, как наш король овдовел, супруга скоропостижно скончалась. Это печальное событие вскоре приведет Амори к совершенно неожиданному возвышению: вдовец-король Кипра станет еще и королем Иерусалима. Там, в недалекой от кипрских берегов Палестине, несет свой нелегкий жизненный крест королева Иерусалима Изабелла. Она, как и кипрский король, недавно овдовела. Судьба этой женщины столь необычна, что хотелось бы несколько слов сказать о ней. Младшая дочь короля Альмариха Иерусалимского, девочка родилась настоящей принцессой. Ее мать была внучкой императора Византии. Злоключения

начались, когда она потеряла отца в двухлетнем возрасте, а мать вышла замуж. Отчим был человеком суровым, у него родились свои дети, и Изабелла была просто ненужной в доме отчима. И вот ее, восьмилетнего ребенка, обручают с внуком коннетабля (высшая военная государственная должность) королевства Онфруа де Тороном. По правилам того времени девочку отослали в дом жениха, где семья его родителей должна была Изабеллу воспитывать. В ноябре 1183 года состоялось бракосочетание одиннадцатилетней Изабеллы и девятнадцатилетнего Онфруа. Неожиданно свадебное торжество ночью прервало наступление Саладина, осадившего крепость, в которой проходило празднование. Мать жениха послала султану в дар хлеб, вино и овец с письмом, в котором напомнила Саладину, что, будучи подростком, он некоторое время содержался в плену у их семьи, и его никто не обижал. Саладин поблагодарил за доброе отношение к нему и поинтересовался, в какой башне крепости спальня молодых. Узнав, тотчас же прекратил обстрел той башни... Между тем, Палестину сотрясали нашествия арабов, мамлюков, распри между крестоносцами. А девочка подрастала, взрослела. Она полюбила своего молодого мужа, хотя все хроникеры в один голос утверждают, что был он слабохарактерным, излишне мягким. Наверное, по контрасту с жестоким временем нежный и ласковый супруг покорила ее сердце. Но, увы... Их развели. Во время уже упоминавшейся битвы при Хаттине между крестоносцами и египетскими мамлюками, в ходе которой Ги де Лузиньян был пленен, был взят в плен и юный муж Изабеллы. Правда Саладин проявил благородство и отпустил его с миром. Палестинские бароны негодовали: столь робкий и изнеженный правитель в такое напряженное время был им совсем не по душе. И тут 14 июля 1187 года к сирийским берегам прибывает суровый и

опытный воин - крестоносец Конрад Мофerratский. Он доблестно обороняет Тир и даже разбивает флот Саладина. Именно о таком лидере мечтали бароны. Ги де Лузиньяна они отвергли, Онфруа их никак не устраивал. Но этот же Онфруа, муж королевы, был и препятствием для нового брака юной королевы. И вот тогда организуется развод Изабеллы и ее мужа. Против воли любящих супругов, против существующих тогда законов. Онфруа стонал и плакал, когда жену уводили из его шатра, однако не бросился вдогонку, не защитил. В 1190 году Изабелла была обвенчана с новым претендентом на корону Иерусалима. Возможно, малодушие первого мужа изменило отношение к нему Изабеллы. Она стала привыкать к своему второму мужу, который оказался большим любителем музыки и поэзии, что сблизило супругов. Изабелла ждала своего первого ребенка, а муж трудился над укреплением христианских владений. Историки отмечают незаурядные таланты Конрада, он был не только храбрым воином, умелым администратором, но и талантливым дипломатом. И вдруг - внезапная смерть. Гибель его была трагична: его закололи члены религиозной секты ассасинов. В это время в Тир прибыл участник Третьего крестового похода граф Шампани Генрих. Некоторые летописцы утверждали, что Изабелла сама попросила Генриха жениться на ней. Поскольку уже было известно о беременности королевы от Конрада, брак оказался скандальным, однако свадьба была политически важным событием. Королеве был срочно нужен новый муж, чтобы защитить королевство. Генрих попросил разрешения на брак у своего дяди Ричарда, который дал согласие незамедлительно. Но злой рок преследовал Изабеллу и ее избранников. Генрих умер в результате несчастного случая, выпав из окна своего дворца в Акре. Существуют различные версии этого происшествия. Большинство летописцев предпо-

лагают, что окно-решетка провалилась, когда Генрих прислонился к ней. Слуга, карлик по имени Скарлет, выпал вместе с господином, пытаясь его спасти: он схватил Генриха за рукав, однако слуга весил слишком мало, чтобы удержать крепкого и физически развитого Генриха от падения. И вновь наша королева осталась без короля, но с четырьмя дочерьми, которые она родила за пять лет второго и третьего брака. Впрочем, все ее три мужа не успели короноваться. Этой чести удостоился только кипрский король Амори де Лузиньян. Уже в январе 1198 года Изабелла вышла замуж в четвертый раз - за Амори де Лузиньяна, старшего брата Ги де Лузиньяна, второго мужа ее сестры Сибиллы, который был почти ровесником Конрада, второго мужа Изабеллы. От четвертого мужа Изабелла родила еще троих детей - дочь Сибиллу в 1198 году, дочь Мелисенду в 1200 году и сына Амори в 1201 году. В феврале 1205 года умер единственный сын Изабеллы. Первого апреля того же года умер и ее четвертый муж, а четырьмя днями спустя за ним последовала и она. В этом браке произошла встреча двух корон: кипрской и иерусалимской. А как насчет третьей короны, ведь наш рассказ называется «Три короны Кипрского королевства»?

Потомки Наири.

Третьей короной, которой, которой венчались монархи на Кипрском острове в средние века, была корона Армянского королевства. Корона появилась в 1198 году, когда армянский князь Левон готовился к своей коронации. Это важное событие должно было произойти в столице Армении городе Тарсе. Многие наши читатели, возможно, удивятся: как же Тарс, ведь столицей Арменией является город Ереван.

Ну что ж, давайте взглянем на карту Ближнего Востока в тот период, о котором мы ведем повествование.



Иерусалимское королевство занимает центральную часть карты. Рядом другие христианские образования: Триполи, Эдесса, Антиохия. Недалеко Византийские владения: Кипр, часть Малой Азии. И совершенно неожиданно для непосвященных между владениями Византии и государствами крестоносцев видны контуры Армянского королевства. Неожиданно, ибо мы привыкли видеть Армению совсем в другой географической точке – в Закавказье. Тридцать тысяч квадратных километров, которые занимает сегодня Республика Армения, составляют лишь малую часть, менее одной десятой, Армянского средневекового королевства. История этого государства является весьма значительной главой истории мировой. Обратимся к исто-

кам. Еще в XIV веке до Р.Х. в юго-восточной части Малой Азии на территории Армянского нагорья близ озера Ван существовало государство Наири. В IX веке до н.э. ассирийцы образовали на его месте союз государств Урарту. Только после падения Ассирийской империи возникло первое армянское государство, которое находилось в VII веке до н.э. во власти Мидии, а в VI веке - в составе Персии. После воцарения Александра Македонского, Арменией правила династия Ервандуни. Наибольшего расцвета страна достигла во время правления царя Тиграна II Великого. В первом веке от Р.Х. он расширил границы Армении от Малого Кавказа до Палестины. В более поздние эпохи Армянское нагорье стало яблоком раздора между соседними империями. Во второй половине IV века н.э. государство поделили между собой Рим и Персия. В VII веке после разгрома Персидской империи арабы взяли под контроль большую часть страны. В IX веке территория Армении разделилась на несколько небольших государств, крупнейшим из которых было царство Багратуни. Столица была перенесена в город Ани. Однако вскоре это государство разделилось на части - отдельные княжества. Войны между княжествами не прекращались. Кроме того, армяне в течение полувека вели военную и дипломатическую борьбу одновременно с тремя противниками и соперниками—греками, тюрками и франками (крестоносцами). Греков они полностью разбили и изгнали из пределов Киликии; с тюрками они заключали договоры о ненападении, хотя обе стороны часто нарушали мир; с франками, или крестоносцами, они устанавливали родственные, семейные связи. Так Левон, правитель Киликийской Армении из рода Рубенидов, женился на Сибилле Лузиньян, дочери Аморри, кипрского короля, и Изабеллы, королевы Иерусалимской. Но это будет позже, а пока наступал 1198 год...

Левон Рубенид– король Армении.



6 января 1198 года в армянском городе Тарс, столице Киликийской Армении, в соборе святой Софии проходила коронация первого короля Киликийской Армении Левона. Был день Богоявления, красочное убранство собора, блестящие одежды почетных гостей, прибывших на торжество, наконец, самая коро-

на, лежащая на специальном возвышении – все говорило о величии момента. Были у армян цари, были и князья, а вот короля не бывало, и Левон Рубенид должен был стать первым. Кардинал Конрад Виттельбах, архиепископ германского города Майнц, произнес приличествующую моменту речь, где особенно благодарил будущего короля за похвальное желание стать под крыло папы на службу германского императора. Кроме того, архиепископ призвал будущего короля стать верным сыном католической церкви. При этих словах католикос Григорий, глава Армянской апостольской церкви, нахмурился. «Кто вы такие, нам указывать, - раздраженно подумал католикос. - Здесь, в Киликии родился апостол Павел, мы от апостолов ведем историю своей Церкви, а вы...». Его размышления прервал Левон, который взглянул на старца и приветливо кивнул, словно напоминая недавний разговор. Тогда Левон сказал: «Ваше святейшество, мы ведь эти германские обычаи соблюдать не намерены. Надо только для вида подчиниться, а потом они уедут, и мы о них и думать забудем». Наконец, корона была возложена на главу Левона. Народ ахнул, восхищаясь. Корона была увенчана крестом, лепестки серебряных лилий, искусно вырезанных по кругу, были усы-

паны жемчугами. Император Фридрих II прислал настоящее чудо ювелирного искусства. Так он выразил благодарность Рубенидам, ведь когда его отец Фридрих Барбаросса проходил по землям Киликии, правители края помогали этому мужественному крестоносцу и его армии. И не их вина, что именно в Киликии нашел Барбаросса свою смерть. А еще, безусловно, Фридрих видел в Левоне своего помощника в грядущих Крестовых походах, о которых германский император мечтал. Он к короне не случайно прибавил еще один дар: знамя с изображением льва (намек и на имя нового короля и на его храбрость), держащего крест. Интересно, что фрагментом современного герба республики Армения является и это изображение. Левон формально признал себя вассалом Рима. В письмах к папе он подписывался: «со всем почтением, благодарною преданностью». Добавим, забегая вперед, что при первом удобном случае новоиспеченный король показал характер и изгнал представителей папы за пределы своего королевства. Но, с политической точки зрения, выбор столь отдаленного сюзерена был делом весьма дальновидным. Ни папа, ни германский император никакого реального влияния на дела Киликии иметь не могли, но этот номинальный вассалитет теснее связывал новое царство с христианскими государствами Азии и Европы и давал надежду на помощь в борьбе с врагами. Мамлюки и турки-сельджуки тучами, омрачавшими небосвод королевства, буквально теснились на его границах, совершая грабительские вылазки. Королевство нуждалось в поддержке соседей, коими были христианские государства Палестины и Кипр. «Соседние народы, — пишет армянский историк, — после коронования послали посольства, чтобы принести дары новому государю». Значение совершившегося понял и византийский император Алексей Ангел. Он тоже поспешил признать Ле-

вона королём, послал от себя «великолепную корону, украшенную золотом и драгоценными камнями». При этом Алексей писал: «Не возлагай на свою голову корону латинян, но мою, ибо твое государство ближе к нам, нежели к Риму». Лев принял послов Византии почтительно и отпустил их с дарами.

Исчезнувшее королевство.

Профессия историка приучает к философскому взгляду на события давно минувшие. Читаешь описания достижений и триумфов или наоборот трагедий и падений, а в памяти оживают слова из притчи о кольце Соломона. Помните, на его кольце была надпись: «Все проходит. И это тоже пройдет». И все равно грустно оттого, что труд тысяч и тысяч людей, в нашем случае армян Киликии, их творчество, их памятники – все это было предано мечу и огню. Но это будет через двести лет. А пока король Левон I постарался организовать своё государство по западным образцам. Его супругой была Сибилла - дочь короля Иерусалима и Кипра. И этот брак сблизил его с христианскими государствами-соседями. В Киликии был правильно организованный суд, поставлено дело взимания податей и пошлин, торговля подчинена определенным правилам. На всей культуре Киликии лежал отпечаток западного влияния. Характерны в этом отношении жалобы одного из киликийских писателей конца XII века, св. Нерсеса Ламбронского: «Население заимствует у франков любовь к благам временным, также как и много прекрасных вещей, забывая о духовных благах». Но как бы то ни было, развитие Киликии вершилось, несмотря на постоянную опасность вражеских нашествий. Столицей страны со временем стал город Сис. Средневековые хроники описывают этот великолепный город как многонаселенный, говорят, что в нём было «огромное ко-

личество людей, великолепные церкви, дворец с бельведерами и садами, архивы, святые мощи». Кроме Тарса и Сиса был в Киликии ряд других значительных городов. Были и прекрасно оборудованные гавани, иностранные купцы имели в Киликии свои фактории и колонии. Была и сильная армия: сорок тысяч кавалерии и восемьдесят тысяч пехоты. Проходы вглубь страны защищал ряд хорошо укрепленных крепостей. Но лучше всего была укреплена Киликия природой. Один путешественник писал о Киликии: «Эта страна в высшей степени защищенная, ибо с одной стороны она окружена морем, а с другой укреплена высокими и неприступнейшими горами, через которые существует лишь несколько проходов, охраняемых воинами». Плодородная земля, талантливый и трудолюбивый народ (население Киликии было более миллиона человек), прекрасное географическое положение – это вызывало зависть и не давало покоя мусульманским соседям. Гибели королевства способствовали также внутренние раздоры.

Как корона армянского королевства оказалась на Кипре.



Последним правителям Киликийской Армении выпал жребий тяжкий и даже трагический. Появились новые враги – турки-сельджуки, жестокие и непримиримые. Пядь за пядью пришлось отдавать им земли Киликии. Надежды на западных соседей-христиан оказались тщетными, союза с татаромонголами тоже не получилось. Боль-

шой бедой стали и кровавые распри среди правящей эли-

ты, антикатолические восстания народа, сложная политическая и религиозная борьба внутри королевства. Египетские мамлюки воспользовались такой сложной ситуацией и в 1359 году захватили всю равнинную Киликию. А в 1375 году пал и красавец Сис, столица королевства. Более того, сам король, а тогда правил Левон VI, попал в плен и провел там несколько лет. В это время из другого плена, генуэзского, вернулся его родственник, наследник престола Кипрского королевства принц Янус. По праву крови, он при короновании провозгласил себя и королем Армении. Левон в это время освободился из плена и уехал в Европу. Его возражения были весьма слабы, и это дало «право» сыну Януса Жаку уже короноваться тремя коронами: Кипрской, Иерусалимской и Армянской.

Иллюстрации

- *В музее–лапидарии - стр.3*
- *Игумен Даниил у Гроба Господня - стр.9*
- *Коронация Балдуина, короля Иерусалима - стр.10*
- *Сибилла возлагает корону на Ги де Лузиньяна - стр.12*
- *Герб Лузиньянов - стр.13*
- *Саладин, арабская миниатюра - стр.16*
- *Ги де Лузиньян - стр.18*
- *Изабелла, первая королева Кипра - стр.21*
- *Карта Ближнего Востока - стр.25*
- *Левон Рубенид - стр.27*
- *Левон VI, последний король Киликийской Армении - стр.30*



Глава вторая

Свеча светозарная



В этой главе речь пойдет об одном из самых трагичных событий в истории Кипра. Речь пойдет о судьбе Кантарских мучеников. Но коснемся мы и вообще положения Кипрской православной церкви при латинском владычестве. Названа глава «Свеча светозарная», это прекрасное словосочетание я встретила в одной старинной молитве, в которой было прошение к великомученикам-первым христианам, указавшим нам духовный путь ко Христу. Их подвиг сравнивался

со свечой, свет которой вовеки неугасим. Именно такой свечой во мраке оккупации была для киприотов родная православная церковь. Она освещала их жизнь, свет ее не давал народу Кипра забыть о вере отцов. Итак, с глубокой печалью автор приступает к описанию событий 1231 года и того, что привело к этим событиям.

Два потока времени.

Вообще складывается впечатление, что на Кипре в тот период времени было как бы два потока истории. Один поток - история Лузиньянской династии, борьба за корону, придворные интриги, ядовитые кубки с отравленным вином, возжеленная мечта о короне Иерусалимского королевства.

Лейтмотив всегда один - стремление обрести власть любой ценой. Подспудно, неявно вершилась и другая история. В том, другом потоке времени кипрский народ отдавал все свои душевные и духовные силы сохранению себя, своего языка, своего уклада жизни, культуры и, главное, - своей родной православной веры. Еще в 1196 году при правлении кипрского короля Амори папа Римский Целестин III издал Буллу, в которой предписывалось создание католической архиепископии с центром в Никосии, а в Пафосе, Лимассоле и Фамгусте устанавливались католические епископаты. Финансирование католической архиепископии было решено следующим образом: на киприотов наложили специальный налог «декати» (десятину): одну десятую часть всех доходов жители острова должны были отдавать католической церкви. А ведь прибыли католические священники не в пустыню, а на святую землю, где апостолы проповедовали Слово Божье еще в I веке от Рождества Христова. Есть прекрасная работа исследователя Афанасия Зоитаниса о стойкости предстоятелей Кипрской Православной Церкви в начальном периоде латинского правления на острове. Речь идет об архиепископах Исаие (1209–1222гг.) и Неофите (1222-1254гг.). Этим приснопамятным пастырям Господь судил стоять во главе древней апостольской Кипрской церкви в трагичное время. В правление архиепископа Исаии в 1220 году на Кипр прибывает посланец папы Гонория III кардинал Пелагий. Некоторые современные ему католические историки описали кардинала далеко не лучшим образом: один из авторов заявил, что кардинал был «безнадежно недальновиден и тупо упрям». Посланец папы созвал синод католических епископов, также были приглашены представители знатных фамилий. На повестке дня стоял вопрос: как поступить с Кипрской православной церковью. Вопрос был поставлен,

а вот ответ на него произнесли лишь два года спустя. Видимо все-таки не решались сразу унижить братьев во Христе. В 1222 году католики провели второй синод, на котором постановили: отобрать у православной Церкви всю собственность, упразднить православные митрополии и епископии, насильно заставить народ присягнуть католическому архиепископу. Когда постановления католического собора стали известны православному народу, в Константинополь была послана делегация во главе с архиепископом Исаией.

В Константинополе.



Напомню, что события разворачивались в 1222 году, всего лишь восемнадцать лет спустя после захвата крестоносцами Константинополя. На берегах Босфора Кипрскую делегацию принял православный патриарх Герман II. Об этом замеча-

тельном богослове и пастыре историк Никифор Григора писал: «Умный человек, он украсил свою жизнь и словом, и делом». Кипрским гостям патриарх рассказал о том, что произошло в Константинополе после взятия его крестоносцами. Жители города вышли навстречу латинянам с крестами и святыми иконами, они предавали себя в руки западных христиан. Но это не возымело никакого влияния на рыцарей. После взятия города началось массовое мародёрство. Около двух тысяч человек были убиты в первые дни после захвата. В городе бушевали пожары. В огне бы-

ли уничтожены многие памятники культуры и литературы, хранившиеся здесь с античных времён. Особенно сильно от огня пострадала знаменитая Константинопольская библиотека. Здесь позволю себе привести свидетельство историка Никиты Хониата, который писал о разграблении Константинополя латинянами: «О разграблении храма Святой Софии нельзя и слушать равнодушно. Святые аналои, затканые драгоценностями и необыкновенной красоты, приводившей в изумление, были разрублены на куски и разделены между воинами-крестоносцами. Когда им нужно было вынести из храма священные сосуды, предметы необыкновенного искусства и чрезвычайной редкости, серебро и золото, они ввели в притворы храмов мулов и лошадей, оскверняя их калом священный пол храма». Конечно, киприоты слышали о разграблении Константинополя и раньше, но рассказ очевидцев их потряс. Осенью 1204 г. представители латинского воинства подписали Договор о разделе Византийской империи (*Partitio terrarum imperii Romaniae*), положивший начало длительному периоду правления на византийских землях франкских рыцарей и венецианцев. Греческое население массово покидало столицу. К концу правления крестоносцев в городе оставалось не более пятидесяти тысяч человек. Константинополь сделался столицей Латинской империи, образовавшейся на территории Византии. С 1219 года на кафедру православных Константинопольских патриархов был посажен католический патриарх Матвей. (Такое положение продолжалось до освобождения Константинополя императором Михаилом Палеологом в 1261 году). Патриарх Герман все же имел влияние и смог по мере сил заступиться за киприотов. В результате было решено, что количество епископов на Кипре сократится до четырех (католических епископов было столько же). Также православные епископы должны

были покинуть города и переселиться в дальние деревни. В дальнейшем кафедра православного архиепископа будет на Кипре упразднена. А пока кипрскому предстоятелю Исаие было запрещено возвращение на родину.

Мученики и инквизиция.

Можно представить, что переживал тогда простой люд, какая горечь наполняла сердца православных киприотов. И тут пришла духовная помощь. В 1228 году, с целью поддержать угнетенных единоверцев, на остров прибывают мужественные и духовно крепкие люди. Это были монахи Иоанн и Конон, из известного монастыря в Малой Азии. Монахи стали подвизаться в монастыре во имя иконы Богородицы Махера. Иоанн и Конон в монастыре вели подвижнический образ жизни, и в дальний горный монастырь потянулся простой люд, который ясно понимал: православная вера под угрозой. Видимо на праведников власти начались гонения, и они через некоторое время перебрались в еще более дальний монастырь Пресвятой Богородицы, именуемый Кантарским. В это время в Никосии на архиепископском троне был Евсторгий, фанатичный католик. Прослышав о духовном влиянии на киприотов кантарских монахов, он отправил в Кантарский монастырь своих посланцев. Они пытались уговорить Иоанна и Конона, а также их последователей отказаться от православия. В знак принятия вероучительных основ католицизма, кантарским монахам было предложено отслужить литургию, используя хлеб без закваски (опресноки). Праведники категорически отказались. Им было приказано явиться в столицу. Состоялся спор об основах христианской веры. Обсуждались положения об исхождении Святого Духа от Бога-Отца (филиокве). Католики, заблуждаясь, считают, что Святой Дух исходит и от Бога-Отца, и от Бога-сына, дискутировался

вопрос об образе бытия Святой Троицы, Благодати и другие несогласия. На все аргументы латинян Иоанн, Конон и их подвижники, которых было одиннадцать, отвечали словами святых отцов. Тогда, не зная более, что возразить, охваченный гневом архиепископ велел их бичевать, а затем бросить в тюрьму. Далее автор приводит строки жития Кантарских мучеников, ибо строки этого документа вопиют: «Три года они с непоколебимой верой в Бога страдали, заточённые в тёмном сыром и зловонном застенке, где в пищу им давали лишь немного хлеба, а стражники издевались над ними и нередко били. Но мученики оставались непреклонными и отвергали все предложения, которые им делал архиепископ через своих помощников. Когда в начале второго года заключения их снова привели к Евсторгию, они возражали ему еще отважнее, чем раньше. Тогда их передали палачам. Феогност первым обрел мученический венец, после чего тело его было сожжено. На третий год заключения святые отцы вновь предстали перед помощником Евсторгия инквизитором Андреем, получившим приказ умертвить непокорных. Мученики единогласно объявили, что до конца будут стоять в исповедании православной веры, невзирая на угрозу смерти. Через три дня их привели к латинскому королю Кипра Генриху I, а тот передал их Андрею, приказав покарать, как тому заблагорассудится. Палачи привязали святых за ноги к коням и погнали тех по улицам города, чтобы навести ужас на православных христиан. Затем полумертвых мучеников отвязали и бросили в костер. В пламени игумен Иоанн продолжал читать молитвы. Тогда один из присутствующих ударил его по голове дубиной, но, падая под ударом, святой загасил огонь. Тогда палачи разожгли новый костер, в который бросали тела святых вперемежку с трупами животных. Затем прах развеяли. Это произошло в 1231 году». В истории

Кипрской Православной Церкви говорится, что Господь скоро явил Свой суд над палачом мучеников. После казни святых инквизитор Андрей, ставший епископом Авилы в Испании, сгорел заживо, задремав у камина. Мученический подвиг Кантарских иноков сделал их память незабвенной на Кипре. Их иконы бережно хранятся в храмах и в семьях киприотов, им возносятся молитвы. Долгое время они оставались местночтимыми на острове, в синаксари их имена не включались. На рубеже XX-XXI вв. их жития стали бол известны и за пределами Кипра. Имена мучеников были внесены в «Большой месяцеслов» епископа Агафангела Фанарийского. Это известный деятель Элладской православной Церкви, авторитетный богослов и миссионер. Сведения о тринадцати кантарских мучениках помещены ныне в сербских церковных календарях, появился церковно-славянский перевод тропарей и кондака святым. Вот, какие трагичные события вершились в том потоке времени, который был направлен на исполнение Воли Божией. Кантарские мученики явили великое мужество, отстаивая свою православную веру. Само слово «мученик» по-гречески «мартирос», означает «свидетель». Так называли святых страдальцев, потому что своим мужеством, верностью Христу и готовностью идти не только на кровавые пытки, но и на смерть, свидетельствовали они о силе своей веры, и об истине христианства.

Иллюстрации

*Икона святых Кантарских мучеников - стр.32

*Крестоносцы в Константинополе (1204 г.) - стр.34



Глава третья

Битва при Агриди или неизвестный триумф

Поле битвы.



Чтобы узнать о самой неизвестной битве Кипра, мы отправимся в западные предгорья Керинийских гор на севере Кипра. Эти горы - часть горного кряжа Пентадактиль. Долина в предгорьях сегодня активно застраивает-

ся жилыми массивами. Туристические автобусы устремляются к крепости в городке Кериния. Величественная крепость стоит на самом берегу Средиземного моря. Это настоящее чудо средневековой архитектуры. Гиды рассказывают об истории Керинии, а вот о битве при селении Агриди не упоминают. Автор, прожив на Кипре четверть века, вынуждена признать, что об этой битве на Кипре вообще известно очень мало. Кажется, что о сражении с персами флотоводца Кимона в V веке до Р.Х. известно гораздо больше. Между тем, летним днем 1232 года здесь, в долине близ Агриди конные рыцари бились между собой, и грохот их доспехов оглашал долину. Слышны были воинственные крики и звон ударов копий о латы. Падали, обливаясь кровью, сраженные тевтоны - воины рейсмаршала Филанджери, подданные императора Фридриха Гогенштауфена. Шли в контратаку войска правителя Бейрута

Жана Ибелина. В битве при Агриди армия кипрского королевства победила.

В Никосии, в храме госпитальеров.



Но что привело участников битвы на Кипр? Агриди - маленькая кипрская деревушка, от Ливана вдаль, а Германия и вовсе – за морями - за долами. Какие интересы столкнулись на средиземноморском острове? Чьи амбиции стали побудительным мотивом кровавой битвы? И, наконец, почему

эта битва, несмотря на победу киприотов, канула в лету, оказалась забытой? Чтобы ответить на эти вопросы мы должны перенестись в начало тринадцатого века, в столицу Кипрского королевства город Никосию, где в соборе Ордена госпитальеров происходила печальная церемония: перезахоронение кипрского короля Гуго I. Король умер в 1218 году в Триполи, и сегодня его тело предадут земле в его родном королевстве. У гроба собрались бароны Кипра, члены Высшего Совета, рыцари ордена Госпитальеров (для того, чтобы защитить Кипр от посягательств извне, Гуго способствовал созданию на острове резиденций орденов Госпитальеров и Тамплиеров). В храме присутствует католическое священство, богатые горожане, иностранные купцы. Все сочувственно поглядывают на молодую королеву Алису Шампанскую. Она в траурном платье, темная кружевная накидка покрывает волосы.

Здесь же, на руках у дяди Алисы, Филиппа Ибелина, маленький наследник трона – король Генрих. Гуго скончался внезапно, в расцвете сил. Ему было всего лишь 23 года. И католический архиепископ Евсторгий в прощальном слове говорит, что в памяти подданных Гуго сохранится как настоящий воин, рыцарь Христа, участник Крестового похода, сильный правитель. Но, что ж делать, Воля Божия. Как говорилось в те времена: «Король умер, да здравствует король!». Произносит Архиепископ и слова, посвященные королеве. На нее возлагается миссия нелегкая, быть регентшей при маленьком короле. У регентши много прав. Ей до исполнения сыну пятнадцати лет, согласно законам Кипрского королевства, должна принадлежать военная и политическая власть. Но она должна помнить и мудрое латинское изречение, что на Кипре король только «*Primus inter pares*» - «первый среди равных». И она должна уважать знатных баронов королевства, мать католическую церковь. Алиса слушает внимательно, в какой-то момент силы ее покидают и она прислоняется к дяде, он – ее опора, за ним – как за каменной стеной. А малыш Генрих дремал. В этом маленьком существе ее будущее, будущее вверенного ей Господом королевства. Филипп Ибелин тихонько шепчет: «Все будет хорошо». И она верит ему. Неподалеку стоит группа геновских купцов. Они подобострастно кланяются. Мудрый Ибелин прекрасно знает, чего ждут от него эти расчетливые посланцы Лигурийской республики. Они понимают, что Алиса – лишь слабая женщина и власть будет сосредоточена в руках Филиппа. Он будет правителем, а правителю всегда нужны деньги. Народ на Кипре не то, чтобы очень бедный, но каждую лишнюю копейку несут киприоты в свои православные церкви. Геновцы богаты, Ибелин даст им привилегии, они отблагдарят займами. А православные подданные – тут и думать

нечего: имущество церквей конфисковать, пусть принимают правильную католическую веру, оставляют свою ересь. Конфискат - в пользу государства, впрочем, можно часть выделить и папе. Так размышлял Филипп Ибелин, и так он поступит в недалеком будущем.

Восьмилетний король.

Коронация Генриха состоялась через семь лет, в 1225 году. Событие огромной важности происходило в Соборе Святой Софии в Никосии, он еще не был завершен, оставались лишь отделочные работы. Храм был огромным и торжественным. Восьмилетний Анри, так на французский манер звали Генриха, был смущен. Хорошо, что рядом был



дядя Филипп, который тихонько приободрял его. Было отчего смущаться. Вон на престоле лежит большая корона, украшенная самоцветами. Он знал, что корону наденут на его голову, а потом произойдет таинственный обряд - помазание. Дядя все ему подробно растолковал. А сколько кругом народа! Все нарядны, радостны. Так много народа он видел лишь однажды. Когда

он был маленьким (понятно, что сейчас он уже совсем большой, целых восемь лет!) на Кипр приезжала из Палестины сестра матери Алисы Иоланта. (Заметим здесь в скобках, что Иоланта родилась в городе Акре (Палестина) и была единственным ребенком Марии, королевы Иерусалимской, и Иоанна де Бриенна. Мария умерла вскоре после

родов в 1212 году. После этого Иоланта под именем Изабелла II была провозглашена королевой Иерусалима, хотя ей было всего несколько дней от роду. Её отец, Иоанн де Бриенн, правил как регент до 1225 года). Она приезжала проститься, так как отбывала с Востока в Италию, где ее ждал грозный жених, император Фридрих. Она горько плакала и совсем не радовалась тому, что станет императрицей. Маленький Анри тогда радовался празднику и не понимал, о чем печалются мама и тетя Иоланта.

Размышления Филиппа Ибелина.



«Как быстро летит время, - размышлял Филипп Ибелин, - кажется, совсем недавно отец Анри, покойный король Гуго, был таким же несмышлеником. И именно род Ибелинов опекал юного короля». А в 1206 году Филипп сопровождал совсем еще девочку Алису, которую сосватали за кипрского короля, на остров. И вот судьба предоставила ему такую возможность: он не только присутствует на коронации сына Гуго, но и руководит всеми делами королевства. Вообще Ибелины обладали всеми качествами, чтобы самим быть королями. Они были мужественными опытными воинами, имели крепкие родовые связи, были богаты. Но незнатное происхождение навсегда закрыло им дорогу к трону. Их жребий всегда стоять подле. Впрочем, почему лишь стоять? Именно Филипп Ибелин является подлинным правителем на Кипре. На коронации маленького Анри Филипп настоял и поспешил ее организовать, так как на то была грозная необходимость. Олицетворением грозной необходимости, о которой неотступно думал Филипп Ибелин, был Фридрих II Гогенштауфен.

О Фридрихе II Гогенштауфене.



Император Священной Римской империи германского народа засобирался на восток. Но какое отношение к Кипру имел грозный император и почему он вскоре прибудет на Кипр не как почетный гость, но как рассерженный хозяин? Чтобы ответить на эти вопросы, мы должны будем познакомиться с этой незаурядной фигурой в европейской истории, не избежать нам и изучения некоторых положений ленного права. Фридрих Гогенштауфен в детстве стал игрушкой в руках группировок, борющихся за власть. Его похищали, прятали, предавали. Рано выросли тогда европейцы. Вот и наш герой в двенадцать лет стал супругом вдовы венгерского короля Констанции Арагонской. С ней в Сицилийское королевство, владельцем которого был юный Фридрих, прибыло пятьсот храбрых рыцарей, которые помогли навести порядок в Сицилийском королевстве и упрочили там власть Фридриха. Фридрих вырос и являл такие качества как изворотливость ума, огромную жажду власти, щедрость к союзникам и звериную жестокость к противникам. Был он беспринципным и нечестным, но

мог быть и великодушным. Все зависело от его выгоды. Он стал императором Священной Римской империи, государственного образования, которое существовало в Европе с 962 года по 1806 год. Империя объединяла многие территории Европы. (В период наивысшего расцвета в состав Священной Римской империи входили: Германия, являвшаяся её ядром, северная и центральная Италия, Чехия, а также некоторые другие регионы). Свою империю, которая раскинулась на пространстве от Балтики до берегов Средиземного моря, Фридрих стремился расширить и упрочить. А вот папа Римский с подозрением смотрел на эти усилия честолюбивого императора. Папа был озабочен другим, он видел в императоре соперника, мечтал отправить его на Восток. Предлог для того был весьма благовидным: освобождение Гроба Господня. К тому времени Фридрих овдовел. Чтобы как-то заинтересовать императора восточным направлением, папа сосватал ему в жены Иоланту Иерусалимскую. Это она, молодая тетушка Анри, приезжал на Кипр, чтобы проститься со своей сводной сестрой королевой Алисой перед отъездом в Италию, там состоялось ее венчание с Фридрихом. Предчувствия не обманули Иоланту, больше она никогда не увидела родины, дорогого Заморья, как называли Кипр и Палестину крестоносцы. В 1228 году жена Фридриха умерла родами, оставив малютку-сына Конрада. Фридрих пошёл на жёсткий конфликт с папой Римским Гонорием III, был отлучён от церкви и объявлен антихристом, но тем не менее предпринял крестовый поход в Палестину и был избран королём Иерусалима. Но все по порядку.

Император на Кипре и кое-что о ленном праве.

28 июня 1228 года императорская флотилия во главе с самим Фридрихом (сорок кораблей с несколькими сотнями

воинов) отплыла из порта Бриндизи, чтобы бросить якоря в кипрском порту Лимассол. «Так знайте же со всей достоверностью: Мы с Нашими кораблями и галерами, со славным сопровождением рыцарей и количеством бойцов под предводительством Христа, за чье дело отправляемся сражаться, счастливо отплываем в Сирию из Бриндизи, поспешно и при благоприятном ветре», - писал Фридрих папе Римскому. В Лимассоле с тревогой готовились к встрече с императором. К тому времени Филипп Ибелин скончался, и его дело продолжил родной брат Жан Ибелин. Встреча императору готовилась весьма торжественная, были украшены и гавань, и улицы города, готовились богатые дары. Однако императора несколько не впечатлило столь рьяное выражение верноподданческих чувств. Он прибыл на Кипр вовсе не как гость, пусть даже и почетный, но как хозяин. Знали и Штауфены, и Ибелины как Лузиньяны стали королями Кипра. Когда первый правитель Кипра Ги де Лузиньян умер, его брат Амори (Альмарих) в 1195 году обратился к отцу Фридриха Генриху VI с просьбой признать его королем. Он принес Генриху присягу в соответствии с ленным правом. А это был целый комплекс правовых норм, определяющих отношения между сюзереном (в нашем случае императором Генрихом и его потомками) и вассалом (Альмарихом и его потомками). В сентябре 1197 года прошла торжественная коронация первого короля, было основано Кипрское королевство с франкской династией Лузиньянов во главе. Отныне каждый кипрский король был ленником германского императора. А ленник должен был участвовать в походах своего сюзерена, платить ему дань и оказывать своему господину надлежащее уважение. Сразу по прибытии на Кипр Фридрих в довольно резкой форме напомнил о вассальских обязанностях кипрских королей. Фридрих также грозно заявил, что кипрское королевство

задолжало ему податей за десять лет. Затем хитростью Фридрих заманил трех сыновей Жака Ибелина вместе с юным королем в Лимассольский замок. Юный король был необходим Фридриху, он объявил себя опекуном Анри, то есть законным правителем Кипра. Сыновья Жака Ибелина стали заложниками Фридриха. Их подвергли жестоким пыткам. Убитый горем и униженный, Жак согласился на все условия германского императора. Как бы дальше стали развиваться события, неизвестно. Но дела собственной империи призвали императора домой. Его цинизму не было предела: опекунов над захваченным королем он продал за десять тысяч марок серебром пяти баронам. Итак, на Кипре появились целых пять регентов.

Ибелины и регенты.

Ярым гневом пылало сердце Жака Ибелина, столько пережившего во время пребывания императора на Кипре. Естественно, стоило императору отчалить в Европу, Ибелины бросили вызов регентам. 14 июля 1227 года близ Никосии состоялось сражение между кипрским войском и войском регентов. Цель Жака была одна: освободить короля и вернуть себе регентство и она была достигнута. Когда до Фридриха дошли вести о своеволии Ибелина, он отправил к кипрским берегам своего рйехсмаршала Рикардо Филанджори во главе флотилии. Неожиданно Жаку Ибелину пришлось спешно покинуть Кипр, так как возникли проблемы в Антиохии, князем которой он являлся. Воспользовавшись отсутствием Ибелина, регенты развили бурную деятельность, им помог рейхсмаршал, который высадился со своим войском на северном побережье Кипра и захватил все королевские замки на севере острова. Увы, ни один из них не сохранился в бурном потоке кипрской истории. И только очертания замка святого Илариона угадываются в

его руинах. Вот этот-то замок остался непокоренным. Жак Ибелин возвращается на Кипр и молниеносным ударом разбивает регентов в Фамагусте, Кантаре и освобождает столицу королевства Никосию. Но регенты окончательно не разбиты.

Главная битва.



И вот 15 июня 1231 года состоялась решающая битва. Больше всех волновался пятнадцатилетний король Анри. Он в настоящих доспехах ехал на коне рядом с дядей Жаком, чтобы командовать своей армией, защи-

щать свое королевство. Жак Ибелин имел под своим командованием 233 рыцаря и шестьдесят пехотинцев, которых тогда называли сержантами. Войско он разделил на пять подразделений. Ими должны были командовать три сына Жака и преданнейшие бароны. За передовым эшелоном выстроился арьергард. Им командовал юный король под тщательным присмотром Жака Ибелина. У каждого из командиров были свои личные мотивы сражаться не на жизнь, а на смерть, ибо каждый был обесчещен регентами, а сыновья Жака еще имели следы от пыток на руках. А всех остальных участников битвы сплавивала ненависть к чужеземцам, которые свалились как снег на голову и требовали податей, похитили короля и вообще вели себя высшей степени нагло. Интересно, что войско императора превосходило в семь раз войско короля. Но сражались воины Фридриха на чужой земле. Их первая атака была отражена. Королевская армия выжидала. Вторая атака им-

ператорского войска была неорганизованной, хаотичной, явно не хватало пехоты. И вот когда атака захлебнулась, Жак скомандовал наступление передовым подразделениям. Они пошли в атаку и разгромили войско неприятеля.

Вместо послесловия.

Итак, битва при Агриди завершилась триумфальной победой королевской армии. Будем справедливы, трагичная история Кипра знает не так много столь победоносных сражений. Удивляет то, что и битва, и ее ход и результаты забыты. Только узкий круг историков средневековья помнит и знает об Агриди. А вот о тринадцати кантарских мучениках на Кипре знает и стар и млад. В храмах их иконы, им киприоты молятся, о них пишут исследования. Их духовная стойкость стала великим примером для всех последующих поколений киприотов. А что показала битва при Агриди? Показала то, что Кипр в очередной раз стал яблоком раздора внешних сил, которых меньше всего волновала судьба народа. Вот народ и ответил забвением.

Иллюстрации

*Крестоносцы у стен средневекового города- стр.39

*Генрих I, король Кипра. Миниатюра из Больших французских хроник. XIV в. - стр.40

*Коронация короля Анри - стр.42

*Герб Ибелинов - стр.43

*Венчание Фридриха и королевы Иерусалима Изабеллы (Иоланты)- стр.44

*Крестоносцы в бою - стр.48



Глава четвертая

Король и узурпатор

Читая Леонтия Махера.

Летописец назвал свой труд «Повесть о сладкой земле Кипр». Название о многом говорит потомкам. За ним - человек, сердце которого билось любовью к родной земле. Его труд не только поэтический манифест, пронизанный горячим и искренним чувством. Ученые-историки называют хроники Леонтия Махера энциклопедией Кипра эпохи правления династии Лузиньянов, путеводителем в мире кипрского средневековья. Сохранилось только три рукописи этого уникального труда. Одна хранится в Оксфорде (Бодлианская библиотека), другая - в библиотеке св. Марка в Венеции. Относительно недавно, в конце XX века, в Равенне (Италия) была обнаружена еще одна рукопись. Российская исследовательница Светлана Близнюк перевела хронику Махера на русский язык, снабдив свой перевод выверенными научными комментариями. Теперь у любителей истории есть прекрасная возможность прочитать на родном языке летопись кипрского средневековья.

Автора!

Кем же был этот удивительный хронограф, который описал историю Кипра с IV века и довел свое описание до века XIV, в котором сам жил и творил? К сожалению, нам о нем известно очень мало. Родился Махера в восьмидесятые годы XIV века и был греком-киприотом. Его судьба совершенно нетипична для того периода. Лузиньяны предпочитали окружать себя европейскими феодалами, а не местной знатью. Византийская элита кипрского общества с приходом крестоносцев была либо физически уничтожена,

либо покинула остров. Земли кипрских аристократов были пожалованы Лузиньянами за службу вновь прибывшим рыцарям и баронам из Германии, Испании, Палестины. Сохранить кипрскому помещику владения было возможно лишь в одном случае: превратив свое поместье в монастырь. Так и поступил, например, хозяин земель в горной деревне Лагудера, который и сам принял монашество, и земли обратил в монастырские. Горькую жалобу на несправедливую судьбу читаем мы на монастырской стене. Каким образом семья Махера не только выжила, но сохранила свой статус, неясно. Известно то, что Леонтий Махера состоял на службе высокопоставленного вельможи Кипрского королевства Жана де Нореса. А в 1432 году ему доверено исполнять поручения самого короля Жака II при дворе Иконийского султана (это образование было основано на захваченных у византийцев землях).

Сопричастность.

Чтение труда Леонтия Махера - это увлекательное путешествие во времени вместе с автором. Ибо его присутствие ощущаешь на каждой странице хроники. Склад личности этого историка таков, что он не просто описывает факты, но пытается их анализировать. Он показывает причины события, его течение и подводит итоги. Летописец не скрывает своего отношения к описываемым событиям. Он не скрывает своих симпатий и антипатий, он любит свой остров всей душой. Он называет Кипр землей сладкой, милой, возлюбленной. Леонтий Махера пишет не на латыни, как это было принято при дворе франков, а на кипрском диалекте греческого языка. Лингвисты отмечают живость его языка, выразительность описаний, меткость сравнений, уместность цитат. Близость ко двору давала Леонтию Махера исключительную привилегию: возможность знаком-

ства с архивами. Кроме того, он присутствовал на дипломатических переговорах, мог делать личные наблюдения. Он и сам был свидетелем многих важных событий в жизни королевства, и мог беседовать с очевидцами событий, которые проходили ранее. На пространстве десяти веков кипрской истории Махера воссоздает ход событий. Они трагичные и забавные, реальные до мелочей и укутанные в облачения мифов, легенд и фантазий. Мне доводилось читать не единожды хроники Леонтия Махера, работая над книгой «Слово о Кипре». Каждый раз отрадно встречать знакомые названия: то мелькнет в повествовании имя деревушки Менико, то в рассказе упоминается пригород Никосии Строволос. Горную вершину Ставровуни наш историк называет Олимпия, так как современное имя тогда еще полностью не прижилось. А какие яркие персонажи населяют хронику! Святые и грешники, короли и крестьяне, под пером Махера они оживают и свидетельствуют об эпохе, в которой им довелось жить.

Самое долгое правление.



Об одном таком персонаже, кипрском короле Генрихе II, и его неблагодарном брате Амори, сегодня пойдет мой рассказ. Приглашаю любознательных читателей во вторую половину XIII века, в 1286 год. В славном городе Тире в День Успения Богородицы проходила пышная коронация короля Кипра Генриха II короной Иерусалима. Но причем здесь священный город? Иерусалим уже захвачен египетскими мамлюками. Однако кипрские коро-

короли продолжают верить, что однажды они вернут себе Землю Обетованную. Будучи номинально королями Иерусалима (см. главу «Три короны Кипра»), Лузиньяны и после падения священного града, продолжали короноваться его королями. Место Иерусалима заменил им Тир. (В описываемый период Тир – крупнейший город на Востоке под властью христиан. Пройдет четыре года, и в 1291 году мусульмане захватят Тир, но никому из собравшихся в храме эти события еще не ведомы). Начиналось правление нового властителя Кипра Генриха II. Рядом с королем стояли мать Изабелла из могущественного рода Ибелинов, братья и сестра. Родственники поздравляли нового короля, и никто не мог предположить, что в недалеком будущем в этой семье разыграется вечная трагедия о Каине и Авеле. Каинова печать на лице одного из братьев еще не была видна.

Падение Акры.

Правление Генриха II Лузиньяна оказалось самым продолжительным в истории Кипра. Кто еще из правителей Кипра руководил островом почти четыре десятилетия?! Было правление Генриха II и весьма драматичным, так как король был тяжело болен. Приступы эпилепсии настигали внезапно и мучили его с ранней юности. Серьезной проблемой было и прибытие многочисленных беженцев из Сирии и Палестины после падения Акры. Взятие египетскими мамлюками этого последнего владения крестоносцев произошло вскоре после восшествия Генриха на трон. Это сейчас городок Акко мало, кому известен за пределами Израиля. В XIII веке Акра была красивейшим и цветущим городом, кроме того, это была прекрасно укрепленная цитадель. Монастырь госпитальеров и туннель тамплиеров и сегодня свидетельствуют о былом могуществе неприступного города. В конце XIII века Акра стала одним из

последних христианских владений на Востоке, ее называли «воротами к святым местам Обетованной Земли». В то время противостояние между христианами и мусульманами в Сирии и Палестине продолжалось. Султаны Египта мечтали о покорении всего христианского Востока. Правящая элита Акры была занята внутренними распрями: тамплиеры, госпитальеры, рыцари Сирии и Кипра, Англии и Франции соперничали за власть. Молодой король Генрих II не имел еще достаточного авторитета, чтобы эти распри прекратить. Он заключил перемирие с египетским султаном, но его собственный гарнизон это перемирие и нарушил, чем дал повод султану Килауну, а затем и его сыну Альмелику Азашрафу, отправиться на осаду Акры. Вот как историк-современник описывает те давние события: «В марте 1291 года авангард мусульманских войск прибыл на поле под Акру. В начале апреля явился и султан с огромным войском. В нем насчитывалось 92 осадные машины. Бой начался мелкими и крупными сражениями в открытом поле перед воротами города. Христиане отличались смелыми вылазками, твердостью и отвагой. При этом тамплиеры, отмечая превосходство неприятеля и отсутствие помощи с запада, пытались побудить Азашрафа к перемирию. Но переговоры не удались. 4 мая к осажденным прибыл король Генрих II и небольшой кипрский вспомогательный отряд. С 5 мая мусульмане начали одновременный штурм Акры в нескольких местах, используя подкопы, нападения и обстрелы города. Бой длился несколько дней, истощая силы обороняющихся. Многие зажиточные граждане покинули Акру с женами, детьми, сокровищами и бежали на Кипр. А в ночь с 15 на 16 мая на Кипр вернулся и король Генрих со своими войсками и тремя тысячами беглецов, присоединившимися к нему. Короля осуждали за это бегство, и извинить его может лишь то об-

стоятельство, что это был болезненный человек. Оставшийся в крепости гарнизон насчитывал от 12 тысяч до 13 тысяч человек». 16 мая мусульмане вновь пошли на штурм. Часть стены была разрушена, и победный крик мусульман уже раздавался по улицам наполовину завоеванного города. Но христиане собрали все свои силы, и вытеснили мамлюков из города, замкнув бреши временной стеной из камней и всяческих орудий. Несмотря на это, падения крепости уже невозможно было избежать. Крепостные знали об этом и 17 мая обсуждали возможность всеобщего отступления на Кипр. Но кораблей не хватало, и было принято решение — вместе дожидаться конца. Перед последним боем христиане молились и причащались. 18 мая, воодушевленные религиозными призывами, мусульмане двинулись на штурм. Осажденные неоднократно отбивали их приступ, но в конце концов бреши были разобраны, ворота сломаны, и мусульмане ворвались в город. Они убивали мужчин и забирали в плен женщин и детей. Только немногим удалось бежать в гавань и сесть на корабли. Но и из них мало, кто спасся, так как на море началась сильная буря, и переполненные суда стали тонуть. Несколько тысяч христиан бежали в крепкий замок тамплиеров, который расположен был на западе города у моря. Целые дни здесь продолжались переговоры и битвы. Некоторые из осажденных спаслись бегством к морю, остальные погибли от меча свирепого противника. Очевидец писал: «Мусульмане ликовали хоть и о поздней, но полной мести за убиение Саладинова гарнизона в Акре, которое некогда совершил Ричард Львиное Сердце. Затем город был сожжен и сровнен с землей».

Единственный оплот.

Итак, Акра пала, и Кипр стал единственным оплотом христианства на Востоке. Тысячи беженцев прибыли на остров под защиту своего короля. Перед Генрихом стояла сложная задача: всех беженцев надо было как-то разместить, накормить. Кроме того, Сирия была крупным торговым центром. И теперь Кипр должен был принять торговую эстафету. Надо отдать должное Генриху, он не растерялся. Если военачальником он оказался неуспешным, то организатором прекрасным. На Кипре не было приспособленных для активной торговли портов, никакой инфраструктуры. Больше всего заинтересованы были в торговле представители богатых торговых республик Генуи и Венеции, которые лишились своих возможностей в Палестине и Сирии. Король им дал право строительства в кипрских городах портов, постоянных дворов, бань, хлебопекарен, административных построек, складских помещений. У королевства на это не было средств. Строительство закипело, торговля активизировалась, а король сумел решить финансовые проблемы своего королевства. Была создана четкая система налогообложения. Даже в наши дни она поражает последовательностью, расчетом, логичностью и аккуратностью. Судите сами: король предоставил иностранным купцам льготы на ввоз и вывоз товаров, но каждый товар при купле-продаже на Кипре облагался налогом в пользу государства в размере десяти процентов. На практике это выглядело так: каждый товар подлежал взвешиванию и оценке, затем продавец уплачивал ответственному чиновнику десятую часть стоимости товара в доход королевства. Целая армия чиновников, инспекторов, оценщиков трудились не за страх, а за совесть, чтобы ни один грош не прошел мимо казны. Королевство крепло, благосостояние его жителей росло. Часть построек времен Генриха мы и сего-

дня можем видеть в историческом центре Фамагусты. Этот город был особенно важен для короля. С потерей Акры Фамагуста стала для короля воплощением Иерусалима. В дальнейшем именно в Фамагусте происходила коронация Лузиньянов Иерусалимской короной. Вот, что пишет историк Светлана Близнюк: «Король Генрих начал обширные строительные работы в порту Фамагусты, которые превратили город в крупнейший международный торговый центр. Одновременно началось строительство собора святого Николая, ставшего самым большим готическим сооружением во всей Латинской Романии». Кипрские города в то время имели космополитический характер. Причем, король не разрешал иностранцам создавать свои собственные кварталы. Население жило вперемешку. Космополитизм киприотов поражал путешественников. Жители говорили на всех иностранных языках, были предприимчивы и весьма практичны, о богатстве киприотов в Европе ходили легенды.

Знаменитый Ордонанс.

Но были и беженцы, оказавшиеся в нищете, не все смогли приспособиться к жизни на Кипре. Так, прибыли сирийские рыцари под защиту иерусалимского короля, коим и был Генрих. Он принимал их в кипрскую армию, всем положил жалование. А в 1296 году произошло событие, которое долгие столетия кипрский народ хранил в памяти. Ибо было это событие едва ли не единственным за всю историю острова: король издал Ордонанс (закон) об ограничении роста цен на хлеб. Государственный контроль за ценами на самый главный продукт был непрерываем, люди вздохнули свободнее, голодных на Кипре не стало. Но великодушные короля не иссякало. На свои собственные средства он стал строить приюты для бедных людей, бездомные обретали кров. И еще одно строительство задумал и

начал осуществлять король: оборонительные стены вокруг столицы своего королевства – города Никосии.

Мамлюки.



Но кто же угрожал кипрскому королевству? Главным врагом был предводитель мамлюков, султан Египта. У Византии арабы еще в VI веке отторгли египетские земли.

Египет стал частью Арабского халифата, однако уже в IX веке правители Египта добиваются независимости. После создания государств крестоносцев в Палестине и Сирии отношения христиан с Египтом были враждебными. Между тем, в Египте власть захватывают мамлюки (Это представители военного сословия, которое формировалось из юношей – рабов, захваченных египтянами в походах, на Кавказ, в Грузию, Армению. Этих юных рабов обращали в ислам и готовили из них умелых и беспощадных воинов). После захвата египетскими мамлюками Акры, целью султана, вполне очевидно, должен был стать Кипр – последнее христианское владение на востоке. Генрих понимал, что любые договоры не могут быть прочными, что мамлюки уважают только силу. А вот этой-то силы у кипрского королевства и не было. И король вступает в соглашение с папой Римским, Николаем IV. Тот присылает на Кипр двадцать галер, король также снаряжает пятнадцать галер и организует экспедицию против Александрии. Кроме того, король ищет союзников и находит их в лице татаро-монголов. Пусть они не

христиане, но враждуют с мамлюками. И вот кипрский король отправляет посольство к хану Газану Махмуду. Переговоры несколько раз начинались, но не увенчались успехом по разным причинам. Но показателен сам факт стремления использовать татаро-монголов как ударную силу против Египта. Как мы уже говорили, более умелыми были действия короля на экономическом фронте. Так, он полностью запретил торговлю с египтянами. И это торговое эмбарго строго контролировал.

Удар в спину.

Как видим, несмотря на жесточайшую болезнь, король был весьма деятелен. В центре его забот были интересы Кипрского королевства, и он был уверен, что уж кто-то, а родные братья - самые надежные его союзники и помощники. Особые надежды возлагал Генрих на брата Амори. Брату король оказывал уважение. В Тире Амори Лузиньян имел пост сеньора. Когда после падения Акры вместе с другими беженцами брат короля прибывает на Кипр, ему жалуются должность коннетабля Иерусалимского королевства.

Вскоре Амори выгодно женится на дочери армянского короля Левона II Изабелле и в браке рождаются шестеро детей. Казалось бы, что еще надо: почет, богатство, уважение брата короля. Но все это не радовало Амори. И причиной тому была элементарная зависть. Он чувствовал себя обделенным судьбой. Должностью он был не доволен. Пусть коннетабль - высший государственный пост и ему принадлежит верховный надзор над всеми королевскими войсками; пусть он - первое лицо после короля, во время военных действий именно ему должна принадлежать верховная власть. Но Иерусалимского королевства, увы, не существует. И он только второе лицо на Кипре, а первым всегда будет король Генрих. Ему – все почести, ему принадлежат

все богатства королевства. И вот этот немощный человек – король, а он, Амори? Но нельзя ли исправить эту несправедливость? И начинает Амори искать союзников, которые недовольны королем. Справедливости ради надо сказать, что слухи до короля доходили. Вот, что пишет Леонтий Махера: «А король был очень добрым человеком и не поверил этим слухам. Он сказал: «Я не хочу верить, что мои братья могут быть изменниками». Между тем, Амори нашел себе союзников в среде рыцарей-тамплиеров, которых не устраивало жалованье, выплачиваемое королем. Некоторые знатные семейства тоже были недовольны, не всем были по душе налоги, которые уходили в королевскую казну, минуя их собственные закрома. Поддержала Амори и армянская партия, и купцы-генуэзцы, которые мечтали о более выгодных условиях торговли на Кипре. Король, занятый управлением своего небольшого, но такого хлопотного хозяйства, и не подозревал о зреющем заговоре. И только когда однажды ночью в его спальню вошли заговорщики, среди которых были его братья и дядя, король понял, что те слухи, которые иногда доходили до него, являются жестокой реальностью. Заговорщики зачитали свое постановление, приказывая королю передать власть Амори, которого называли «ректором и губернатором» Кипра. Затем они вышли из спальни, заняв все залы дворца, и объявили: «Регентом королевства является господин Амори Лузиньян и никто не может покинуть дворец, не повиновавшись ему. В противном случае тот, кто не повинуется, будет повешен». Король, придя в себя, захотел внимательно изучить постановление о своем отрешении от власти и послал к брату двух монахов-доминиканцев, но Амори с гневом прогнал их. Затем Амори послал рыцарей на улицу, чтобы, согнав народ на площадь перед дворцом, принять у жителей Никосии присягу на верность. Угрозами застави-

ли принять присягу жителей Лимассола и Кирении. Король проявил смирение, он не стал жаловаться папе Римскому, не требовал себе никаких отступных. Он удалился в любимый дворец в Строволосе, передав все свое состояние монастырю св. Доминика. Но Амори не унимался. «А Амори обуяла ревность. Он призвал своих людей придти и арестовать короля», - пишет Махера. Король был предупрежден о преступном намерении брата, он вышел ночью из своего дворца и отправился в Никосию. Рассвирепевший Амори решил навсегда избавиться от брата - короля. Он отправил Генриха к своим армянским родственникам в Киликию, где несчастный король несколько лет провел вдали от столь любимого им Кипра.

Смерть узурпатора.

Казалось, Амори мог успокоиться, мечта его сбылась: он правил на Кипре единолично, наслаждаясь властью. Но счастья власть не принесла. Однажды его поверженный брат, король Генрих, сказал: «У вас нет права лишать меня власти. И если один из вас осмелится пойти против присяги, которую вы мне принесли, у меня есть Господь – Судья мой, который захочет свершить справедливость». Было еще одно обстоятельство, которое не могло не беспокоить узурпатора. Когда Амори свергал брата, их мать, королева Изабелла, встала на сторону Генриха. Вначале она умоляла Амори. «Говорила с огромным смирением, говорила добрые слова и много плакала», - пишет Махера. А затем прокляла сына-узурпатора. И это материнское проклятие висело над Амори дамокловым мечом. Правление узурпатора не отмечено ни единым достижением. А вот его кончина оказалась весьма позорной. Его собственный паж по неизвестной причине убил его во время посещения, извиняюсь за подробность, туалета. Произошло это 5 марта 1309 года,

имя пажа – Симон де Монтолиф. Вот и все, что нам известно о бесславном конце Амори Лузиньяна. А что же Генрих? Он вернулся на Кипр, вдову Амори и шестерых детей отправил в Армению к ее родственникам. Кстати, дети Амори положили начало армянской ветви Лузиньянов. А сам Генрих продолжил правление своим королевством, созидавая основы для экономического его процветания. В 1316 году Генрих женился на дочери Сицилийского короля Констанции, которая вместе с королевой Изабеллой поддерживала все начинания мужа. Они прожили вместе семь лет, до смерти Генриха в 1324 году, но их брак оказался бездетным. В 1331 году Констанция вышла замуж за Левона V, короля Киликийской Армении. Этот брак послужил усилению латинского влияния в раздираемом религиозными противоречиями армянском дворе. В 1341 году Левон был убит, и Констанция вновь стала вдовой; детей во втором браке у неё также не было. В 1343 году Констанция вышла замуж за коннетабля Кипра Жана де Лузиньяна. Через некоторое время она скончалась; брак также оказался бездетным.

Труды и дни Генриха II

Последние пятнадцать лет правления Генриха II Лузиньяна были мирными и созидательными. Генрих продолжает строительство укреплений вокруг всех кипрских городов. Экономическое значение Кипра для европейского купечества возрастает. Во всех начинаниях он ставит главную цель – это интересы своего королевства. Он не оставляет надежд вернуть Иерусалим. И эта идея стала своеобразным завещанием потомкам, которые позднее, попытались даже организовать новый крестовый поход. Себе в приемники король готовит племянника Гуго. Юноша был сиротой. Его отец, один из братьев Генриха, умер, когда Гуго было че-

тыре года, впоследствии умерла и мать. Гуго воспитывался при дворе Генриха, получил блестящее образование. Умер Генрих в 1324 году бездетным. Кипрский трон перешел Гуго, который стал одним из самых выдающихся представителей своего рода. Именно при нем Кипрское королевство засияло яркой звездой на международной политической арене. Но это, как говорится, совсем другая история...

Иллюстрации

**Король Генрих II (среднев. миниатюра) стр. 52*

**Мамлюки в бою (совр. рис.) стр. 58*



Глава пятая

Святой Крест и королева Алиса

«Я верю! Это частицы из древа Креста Животворящего, на котором Господь Иисус Христос был распят!»



(По преданию, эти слова произнесла королева Кипра Алиса, когда после трехлетнего молчания обрела дар речи).

Монах из древнего монастыря.

Старенький монах Гавриил подвизается в древнем горном монастыре Махера с юных лет. Без него и монастырь представить трудно. Он невысок, худощав, а в дни постов кажется совсем бесплотным. Седые волосы старца ниспадают серебристой волной на строгие монашеские одежды. В морщинистой ладони непреременные четки. А самое главное — глаза. За толстыми стеклами очков они поблескивают молодо, взгляд старца внимателен и пристален. Вот и готов портрет монаха. В монастырском храме, где в полумраке сияет чудотворный образ Богородицы, у отца Гавриила послушание особое: служить подле Иконы. Когда в этот дальний горный монастырь приезжают паломники — старец деятелен. Его легкий силуэт возникает всюду, где нужна помощь. Он подскажет, как и где затеплить свечу, ведь в монастыре свои многовековые традиции возжигания

свеч. По-гречески напишет записочку о здравии либо об упокоении. Объяснит, как заказать сорокоуст о дорогих усопших. А когда храм опустеет, сядет отец Гавриил в уголок, молится, либо читает, а то и тихо поет, перебирая четки. В этот монастырь туристы приезжают лишь в определенные дни. Они стараются не беспокоить монахов. На подворье монастыря эта шумливая братия входит притихшей, с любопытством осматривая дворик и монастырский храм. А отец Гавриил внимательно наблюдает за всеми из своего уголка. Деликатно делает знак не в меру говорливым, тихонько ответит на вопрос. Не раз видела я, как старец общается с посетителями монастыря. Одна встреча мне запомнилась и стала отправной точкой поисков и открытий. Но обо всем по порядку. В монастырь я приезжаю довольно часто, по делам научным, поработать в книгохранилище, либо на службы, которые отличаются здесь особенной строгой красотой. А иной раз и без видимых причин душа так и рвется туда, где слышно строгое пение монахов, где сияет свет любимой иконы, звенят чистотой родники и прозрачен воздух. В тот приезд у монастырских ворот стоял туристический автобус. Туристы толпились в монастырском магазине. А в храме задержалась одна семья. Супруги и их дочка, девочка-подросток, осматривали храм. Подошли они к иконостасу. У Царских врат девочка задержалась, и вдруг коснулась рукой завесы. Из полумрака тут же появилась тонкая фигура Гавриила. Он тронул девочку за плечо и тихо сказал:

- Туда нельзя, милая.
- Почему?- капризно спросила девочка.
- Там алтарь, святая святых, надо смириться. А зовут-то тебя как?
- Алиса, - надувшись, ответила девочка и отошла к родителям, которые строго ей что-то сказали.

Повернувшись ко мне, отец Гавриил загадочно произнес:

- Еще одну Алису Господь послал.

И, отвечая на мой немой вопрос, пояснил:

- В стародавние времена к нам тоже Алиса приезжала. Так она дерзнула даже в алтарь зайти, бедная.

- Почему бедная, батюшка? Да и как это возможно, женщине в алтарь зайти? – с удивлением спросила я. А старец ответил:

- Ты, Наталия, погоди немного. Я, вот, Алису провожу, а потом пойдем чайку попьем и потолкуем.

В руке у отца Гавриила появился маленький крестик из темного дерева.

- Крест-то Христов чудеса творит, - сказал монахи подошел к семье туристов.

Не знаю, что говорил он им и на каком языке. Отец Гавриил для меня лингвистическая загадка. Он утверждает, что не знает иностранных языков. Однако беседует с паломниками и туристами из разных стран мира. И никто ни разу не пожаловался, что старец их не понял. Вот и сейчас, он что-то говорил Алисе, а когда вложил в ее ладошку маленький крестик, девочка расцвела улыбкой. Семья покинула храм. Мы же отправились в трапезную, где нас ждал ароматный чай, настоящий на горных травах. Как дороги мне минуты, которые удастся провести подле отца Гавриила! Они как драгоценные бусинки четок. Позднее перебираю эти четки-воспоминания, и каждая – наполнена светом Горнего мира. Предчувствую, что ждет меня интересный рассказ, но ни о чем не спрашиваю, не тороплю. Старец, сотворив молитву, пьет чай, не торопясь, маленькими глоточками. А потом начинает рассказ. Его глуховатый голос звучит спокойно, словно батюшка не рассказывает, а читает страницы манускрипта, заполненные ровным каллиграфическим почерком.

Рассказ старца.

«Это было давно. На Кипре правили франки, династия Лузиньянов. Какие они были? Католики, а все ж христиане. Богу молились, Христа почитали, храмы строили. А то и православных выгонят, а сами в их храмах и молятся. Ну, да Бог им судья. Киприоты Слово Божие услышали еще в первом веке от апостолов. Изменять вере отцов не стали. Ну и досталось нашим предкам. Притесняли их франки-латиняне. Ты видела икону кантарских мучеников? Их католики заживо сожгли за то, что от православия не отступили. Множество тогда из Европы к нам понаехало епископов, монахов, священников. Господь, конечно, милостив и долготерпелив. Однако, и Его терпению приходит конец. А дело было так. Правил тогда на Кипре франкский король Гуго. Правитель он был мудрым, много книг прочитал. Был и строгим, когда надо было. А вот жену свою, королеву Алису, в строгости держать не мог. Наверное, очень любил, а она была своевольной и капризной. Однажды король и королева прибыли в наш монастырь, жарко им, наверное, в Никосии стало. У нас-то всегда в горах прохладно и свежо. Монахи встретили королевскую чету с уважением. Рассказали об истории обретения иконы, которую сам святой Лука написал. Зашли они и в храм, к иконе приблизились. Король слушал с интересом рассказ монахов, а Алиса все время с любопытством озиралась по сторонам. Ей, католичке, многое казалось странным в православном храме. «А что у вас там, за иконостасом? – спросила она игумена. Хотя и странным показался вопрос королевы игумену, он смиренно произнес: «Там алтарь, место святое, это обитель Господа». Несмотря на такие благочестивые слова монаха, дерзкая королева приблизилась вплотную к Царским вратам, и вознамерилась отодвинуть завесу. «Нельзя в алтарь женщинам», – воскликнул игумен. Да куда там, нечестивая

королева, не слушая увещевания, быстро открыла Царские врата и со словами «Хочу посмотреть» вошла в алтарь. Однако вскоре она вышла, король ей что-то сказал, а она рот то от крыла, а сказать ничего не может, онемела королева Алиса. Видно в тот час терпению Господа пришел конец. Вскоре разнеслась по Кипру весть: королева речи лишилась, онемела. Лечили несчастную, заморские лекари приезжали, всякие знахари. Все тщетно. Горько было Алисе, а делать нечего. Пришлось смириться, понимала она, что кара небесная за святотатство ее настигла. Молилась, каялась, надеялась на прощание. И так прошло три года. Три года молчания. Поэтому я давече и сказал: «Бедная Алиса». Отец Гавриил неспешно продолжил пить чай. Возцарилась пауза. Наконец, я не выдержала и спросила:

- Отец Гавриил, а дальше-то что было?

- Дальше? Гм-гм, а ты сама разужнай,- ответил старец, и в его глазах вспыхнули озорные искорки.

- А как я разужнаю?

- А ты, милая, поезжай в деревню Тохни. Там придешь в церковь святого Креста, со священником поговори, с сельчанами. Там и узнаеешь, как история королевы Алисы завершилась.

Огненный столп и святая царица.

История онемевшей королевы показалаь мне интересной, и вскоре я отправилаь в Тохни. Эту небольшую старинную деревню нашла я легко. От Ларнаки, города, в котором я живу, на машине добираться не более получаса. Деревня небольшая, живописно расположенная на холмистой равнине. В центре деревни стоит красавец-храм, историю которого можно прочитатъ во всех путеводителях по Кипру. Оказывается, он был основан еще в IV веке, в период с 325 по 327 г.г. Конечно, за семь столетий, храм ни раз пе-

рестраивался. В XIV веке к храму была пристроена часовня, в 1426 году храм сильно пострадал от пожара, и в XIX веке храм был отреставрирован. Стоит храм на возвышенности, все деревенские улочки здесь встречаются. Это место – средоточие духовной жизни местных жителей. Тохни – красивое место. Впрочем, на Кипре много живописных деревенок и сел, в расположении и архитектуре которых средиземноморские мотивы, итальянские и южнофранцузские, столь ощутимы. Гармонично вплетаются в это созвучие и восточные элементы. И все это переплавлено за сотни лет, образуя стиль, который мы называем кипрским. Добавьте сюда пронзительную синь небес, пятна ярких цветов на светлом камне, из которого на Кипре все построено, и южное солнце, которое освещает всю эту красоту, – вот и готов пейзаж. Однако Тохни известно вовсе не благодаря красотам, столь не редким на Кипре. Это селение необыкновенное. Здесь произошло столько необычайных событий, что Тохни по праву зовется чудесным. О тохнийских чудесах мне рассказали его жители. Здесь узнала я и о судьбе несчастной королевы Алисы. И я очень благодарна отцу Гавриилу, который «откомандировал» меня в Тохни, чтобы здесь я прикоснулась к интереснейшим страницам истории кипрского православия.



...Когда святая царица Елена, мать императора Константина, возвращалась из Палестины в Константинополь, ее сердце переполняла радость. Она предчувствовала встречу с любимым сыном. Не так давно она покинула новую столицу империи Константинополь, упростила сына отпустить ее в паломничество в Святую землю,

а сколько событий произошло с тех пор. Там, на земле, которая хранила следы земной жизни Господа, царица отыскала Голгофу. В ее каменистой почве обрела святая Елена Животворящий крест Господень. Заложила царица в Святой земле Палестины храмы и монастыри. С драгоценной находкой возвращалась она домой. Не намеревалась святая Елена где-либо делать остановку, спешила разделить радость обретений с сыном. Но Господь управил иначе. Недалеко от кипрских берегов разыгрался в море сильнейший шторм. Он вынудил царскую ладью пристать к острову, укрыться от шторма в тихой гавани. Подданные Константины, киприоты торжественно встретили любимую царицу свежей водой, теплым хлебом и цветами. Народная молва давно донесла до Кипра рассказы о ее небесной доброте, духовных дарах, которыми обладала милостивая царица. Киприоты принесли святой Елене не только дары, но и свои горести и заботы. И главнейшей была жестокая засуха, которая замучила островитян. Давно живительная влага не проливалась на измученную землю. Пересохли реки, погибли сады. Страдала природа, страдали люди. Царица близко к сердцу приняла заботы киприотов. Она обратилась к Господу с горячей молитвой, и Кипр оросили благодатные дожди. На Кипре посетило святую Елену и дивное видение: ангел Господень призвал ее воздвигнуть на кипрской земле Божии храмы, как сделала она это в Палестине. А однажды, восстав ото сна, увидела царица чудо великое. Вот, что написано об этом событии в книге «Монастырь Святого Креста»: «Истинный Крест силой Божией был перенесен на вершину горы Олимп (ныне Ставровуни). И тем самым было указано царице то место, где она должна была воздвигнуть храм в честь Святого Креста Господа нашего. Покорная воле Божией, святая Елена смиренно поднялась на вершину горы Олимп. Ее спутники и жители окрестных

сел разрушили стоявшее на горе языческое святилище и на его руинах воздвигли церковь во славу истинного Бога. Этой церкви и принесла царица Елена крест из дерева двух разбойников, в центр которого была помещена частица Истинного Креста Господня и один из Священных гвоздей Распятия». Святая Елена основала на Кипре еще несколько храмов. Жителям острова были переданы драгоценные частицы Животворящего Древа, священные реликвии Страданий Господа нашего. В те дни царица посещала кипрские селения, встречалась с киприотами, помогала и утешала народ. Однажды неподалеку от селения Тохни увидела царица огненный столп. Он, то приближался к ней, то удалялся, словно призывал последовать за двигающимся огнем. Удивленная царица последовала вослед чудному знамению. Привел столп огня царицу в Тохни. Она решила, что этот знак призывает ее построить здесь храм. И заложила царица в Тохни церковь во имя Святого Животворящего Креста, даровав сельчанам драгоценную частицу Распятия.

Потеря и обретение святыни.

Почти тысячу лет жители села хранили как зеницу ока драгоценную реликвию. В самом конце XII века Кипр был вероломно отторгнут от Византии. Стал он владением самозванца Исаака Комнина, затем английского короля Ричарда. Тот продал остров крестоносцам. Те, в свою очередь, за хорошее вознаграждение передали многострадальный остров франкской семье де Лузиньянов. Католические правители острова заботились об интересах католической церкви. На Кипр хлынули католические монахи и священники. Им были даны привилегии, права православной церкви умалялись. Деревня Тохни не стала исключением. Здесь появился падре, к храму была пристроена католическая

часовня. Да только сельчане продолжали молиться у Распятия, в котором хранилась драгоценная реликвия, а католического священника сторонились. Вот падре и раззавидовался. Бес видно попутал служителя папского престола, и пошел он на преступление, на такой поступок, который по справедливости называется святотатством. Однажды, дождавшись, когда все богомольцы покинут храм, падре приблизился к Распятию, и, воровато оглядываясь, вынул из него Частицу Животворящего Древа. Трудно даже предположить, что планировал нечестивец. Только спрятал он святыню в дупле рожкового дерева, которое росло на окраине деревни. А сам... впрочем, жители Тохни разное говорят: то ли похититель после своего преступления бесследно исчез, то ли был наказан Господом внезапной смертью. Известно лишь, что двадцать с лишним лет горевали тохнийцы об утраченной реликвии. Между тем, Господу было угодно явить милость своим верным чадам. Один пастушок, славный мальчуган из Тохни, пас как-то стадо коз за селом, близ того самого рожкового дерева. Разморило парнишку на солнышке, прилег он в тени под деревом и задремал. В тонком сне дано было мальчугану откровение. Стало ему известно, кто похитил святыню, когда и при каких обстоятельствах. А главное, узнал пастушок, где Животворящие частицы находятся. А были они спрятаны прямо над ним, в дупле дерева, под которым мальчик и заснул. Очнувшись от своего чудного сна, пастушок первым делом обследовал дупло, в котором обнаружил сверток. Он побежал в село, к священнику. Волнуясь, рассказал о пережитом. По селу быстро разнеслась радостная весть об обретенной святыне. Вздолнованные сельчане собрались у храма, запели певчие, начался благодарственный молебен. Обретенная святыня под звуки молитвенного пения была возвращена на положенное место. И лишь один человек не

разделял общего ликования. То был католический монах, который служил при часовне в сельском храме. «Все это фантазии ребенка», - скептически проговорил он. А потом, указывая на распятие, добавил: «Надо епископу сообщить, пусть власти решат, свят ли этот крест». В толпе раздался гул недовольства, были слышны и резкие слова: «Вы наших епископов в деревни сослали, монастыри и храмы захватили». Поминали и кантарских мучеников, которых сожгли католики за верность православию. Назревали волнения, епископу сообщили о происшедшем. Полетела весть о чудесном обретении и в королевский дворец. Гуго был мудрым королем. Недаром сам Боккаччо восхищался его умом. Король принимает «соломоново» решение, рассуждая следующим образом: «Как известно, Животворящий Крест нашего Господа Иисуса Христа потому и называется Животворящим, что творит чудеса. В этом согласны и католики, и православные. А таково ли Распятие в селе Тохни? Его надо испытать. И если явит сельский крест чудо, то вложены в него частицы Креста Животворящего. А как испытать тохнийский крест? Пусть решают это мудрые и искушенные духовные лица».

Испытание Креста или возвращенный дар речи.

Вскоре в неприметную деревушку Тохни явилась невиданная процессия. В окружении пышной свиты и группы католического духовенства в позолоченной карете прибыли в Тохни король Гуго и королева Алиса. У сельского храма был сооружен помост, на котором восседала королевская чета в окружении придворной челяди. Все жители деревни собрались у храма. В толпе перешептывались, поглядывая на королеву: «Алиса-то как онемела три года назад, так и до сих пор молчит. Вот ведь как Господь наказал», - говорили иные. А какая-то сердобольная женщина сказала:

«Бедная королева! Три года молчит. Я вот и минуты не могу молча пробыть». Зазвонили колокола. На серебряном блюде вынесли частицы Животворящего Креста. Толпа замерла. Принесли и жаровню. Раскалили ее. Сам епископ взял частицы и бестрепетной рукой положил их на горячую поверхность. Православные начали тихо, но истово и горячо молиться. А католический монах уверенно произнес: «Сейчас сгорит, и делу конец». В глубокой тишине его слова услышали многие. Еще теснее сельчане приблизились к месту испытания. Стоящие в первых рядах, передавали: «Не горят!». Прошло полчаса напряженного ожидания. Возгласы удивления уже не тихо, но громко и уверенно раздавались в толпе: «Не горят!». Собравшиеся в этот вечерний час на деревенской площади люди понимали, что присутствуют они при совершении события, которое верующие люди называют коротко и значительно: чудо. Между тем, солнце клонилось к закату. И, как это бывает в южных краях, после заката, минуя сумерки, ночная темнота обняла храм, его подворье и собравшихся людей. После часа ожидания явно разочарованный епископ вынужден был подхватить щипцами дары святой Елены, и поднял невредимые драгоценные частицы над головой. Их алый цвет был непобедимо-ликующим. И толпа в едином порыве пала на колени. И тут в звенящей тишине раздалось: «Я верю! Я верю!» То были слова королевы Алисы. Радостная и изумленная, она говорила отчетливо и громко: «Это частицы из древа Креста Животворящего, на котором Господь Бог Иисус Христос был распят». Православные грянули: «Кресту твоему поклоняемся Владыко». И не было в тот миг на подворье храма чужих, все были христиане, дети Божии. Так Господь вразумил своих чад, а королеве был возвращен дар речи, отнятый до времени в наущении благочестия и благодетельности. А что же было дальше? Никто в

Тохни мне не ответил на этот вопрос. А вот в одной интереснейшей книге довелось прочесть, что частицы Животворящего Креста были взяты из Тохни матерью королевы Алисы и перенесены в столицу кипрского королевства город Никосию. Для хранения столь чудесной реликвии был выбран монастырь Фанеромени (Явления Богородицы). Существует ли в наши дни хотя бы фрагменты этого монастыря? Сохранились ли драгоценные реликвии? Если да, то какова была их судьба в годы иностранного владычества на Кипре? Вопросы, вопросы...

Что ж, буду продолжать поиски. Знал монах из древнего монастыря отец Гавриил, что отправляет он меня в путь не простой. Ну да ничего, с Божьей помощью дорогу осилит идущий.

Иллюстрации

**Вид на Махерасский монастырь- стр.64*

**Икона святой равноапостольной Елены- стр.69*



Глава шестая

Пьер или Петрас, кипрский король

Король Кипра Гуго IV.



Он отказался от власти. Случай редчайший не только в те далекие годы XIV века, но и в наши дни. В тот же год происходила коронация его сына Пьера. Вся кипрская знать и иноземные купцы собрались в храме святой Софии в Никосии. Роскошный готический собор, построенный еще в XIII веке, вмещал огромное количество гостей. С гордостью старый король Гуго IV смотрел на своего сына, молодого кипрского короля Пьера I, думал: «Окончены труды. Можно и на покой». Его ждали любимые книги, занятия философией, беседы с мудрым Георгием Лапитосским, известным мыслителем и ученым. Старый король Гуго был доволен прожитой жизнью. Господь привел его на кипрский трон в непростое время. Впрочем, были ли на этой земле простые времена?! Когда-то античный мудрец назвал Кипр «прообразом рая». И он был прав, этот прекрасный остров - подлинная жемчужина Средиземноморья. Предки Гуго, девять поколений королей из рода Лузиньянов, правили на Кипре с 1197 года. Гордые франки, они сражались, покоряли врагов, вели расчетливые дипломатические переговоры, писали льстивые и уклончивые письма католическому папе и... мечтали. Из поколения в поколение одна мечта тревожила воображение франкских королей, правивших на Кипре. Ведь Лузинья-

ны, будучи на троне Кипрского королевства, были еще владельцами короны королевства Иерусалимского. Корона была, а королевство было захвачено мусульманами. Стать властителями Святой земли - это было самым заветным желанием кипрских королей. Гуго IV не был исключением. Он с энтузиазмом помогал европейским монархам в крестовых походах. Именно о нем папа Римский Климент VI как-то сказал: «Это храбрейший защитник христианства». И все же будущее своего королевства Гуго видел не столько в неверных военных походах, сколько в успешных торговых операциях. Недаром же Господь промыслительно расположил Кипр на перекрестке торговых путей. Чуть ли не каждый день богатые торговые караваны следуют вдоль кипрских берегов. Их снаряжают ловкие итальянские купцы: венецианцы и генуэзцы добиваются усиления своего влияния на Кипре. А король, словно искусный дирижер, должен управлять этим нестройным оркестром. И ему удавалось многое. Чтобы ни одна из сторон не получила слишком много влияния на Кипре, король предоставлял льготы купцам из разных городов. На Кипре появились купцы из Марселя, Флоренции, Пизы. В правление короля Гуго IV город-порт Фамагуста стал настоящим городом мира. Разноязыкая речь слышалась на его улицах, в гавань прибывали корабли из Европы, Малой Азии и Северной Африки. В городе сосредоточились огромные богатства. Современники писали, что приданное дочери горожанина в Фамагусте превосходило все сокровища французской королевы. О богатствах Фамагусты в Европе ходили легенды. Были, конечно, и бедняки. Где их нет? Данте, который не любил кипрского короля, написал обличающие строки: «Стон Никосии, Фамагусты крик, которых лютый зверь терзает яро...». Эти поэты слишком впечатлительны. Жизнь есть жизнь. Через четыре года после его коронации,

например, после обильных дождей на Кипре было грозное наводнение. Жертвы были весьма многочисленные. В сухопутной Никосии утонуло пять тысяч человек, в Лимасоле – две тысячи. Что можно было сделать? Божий гнев. А в 1348 году пришла на кипрские берега чума. И вновь тысячи смертей. Король философски относился к этим бедствиям. А Данте драматизировал ситуацию, зато другой великий поэт, Боккаччо, ценил его и посвятил ему свою поэму «Генеалогия богов». Достойное завершение его правления. Король взглянул на сына. Красавец, в цветущем тридцатилетнем возрасте. Гуго улыбнулся. Совсем, кажется, недавно он был сердит, когда ему доложили, что отцовский любимец Пьер тайно, без его разрешения покинул Кипр, отправился с братом Джоном в путешествие по Европе. Пьеру тогда было двадцать лет, своенравный мальчишка. И хотя он послал корабль за дерзким путешественником и даже арестовал его в наказание, в душе он понимал Пьера. Тесен был ему Кипр, рвался он на просторы Европы. Ну что ж, теперь у сына будет возможность править королевством по-своему, а он будет рад стать молодому королю помощником и советчиком. Лишь бы здоровье позволило. И вот наступило 24 сентября 1358 года – день, когда на его сына будет возложена корона. Рядом стоит красавица-невестка, испанка Элеонора де Арагон-Гандия. Ее черные глаза сияют счастьем. На руках у кормилицы маленький годовалый Пьер II. Нет, недаром он отказался от власти. Ему есть, кому передать корону. Боже, храни короля!

Чудо, которое произошло с принцем.

Для Пьера 24 сентября было важнейшим днем в его жизни. В храме святой Софии сбылась мечта, которую лелеял он с того момента, когда стал себя осознавать. Он был вторым

сыном короля - отца, поэтому стал наследником престола только после смерти брата Ги в 1346 году. Тогда же с ним произошло чудо. Однажды юный принц Пьер де Пуатье Антиохийский (таков был его титул до коронации) отправился на священную для киприотов гору Святого Креста. По-гречески «крест» - «ставрос». И монастырь, стоящий на вершине горы, назывался Ставровуни («Крестовая гора»). Когда-то Кипр посещала святая Елена. Царица возвращалась из Палестины, где она обрела Животворящий Крест Господа. Драгоценную часть Креста она вложила в распятие основанного ею на вершине горы монастыря. С приходом франков на остров Кипр, на Ставровуни обосновались католические монахи-бенедиктинцы. Священная реликвия привлекала многих паломников. Юный Пьер к православным относился с уважением, он не вдавался в подробности, из-за чего произошло разделение церквей. Он шел на Ставровуни, чтобы поклониться Кресту. И никто не знает, что произошло. Только много лет спустя близким друзьям Пьер открылся, что ему, семнадцатилетнему мальчику, явился Господь Иисус Христос. На Пьера Господом была возложена миссия: возвратить Святую Землю под власть христианских королей. Это событие произвело на молодого принца глубочайшее впечатление.

Орден Меча.

Пьер принял обет крестоносца и основал Орден «для привлечения рыцарей доброго нрава к обретению Земли Обетованной, а также бывалых солдат, нуждающихся в спасении своей души». Отец не поощрял увлечения и мечтания сына. Поэтому прием в Орден Меча (так Пьер назвал свой Орден) велся тайно и без особой шумихи. Об этих событиях пишет в стихотворной форме современник Пьера фран-

цузский хронист Машо. А на Кипре до сих пор из уст в уста передается легенда:

«Король Петрас был правоверным католиком. Он сердцем был чист и Бога любил. За то ему, франку, было откровение. На горе Ставровуни ему явился Господь Иисус Христос, который открыл ему будущее. И он узнал, что как под ударами османских турок падет Константинополь. И такие картины он увидел, что с горы спустился воином Христовым. А почему именно ему это откровение было? Есть причина. Как-то заболел наш Пьер удалой. Сильный жар и лихорадка открылись у него. Лекари были призваны. И лечили они Пьера снадобьями заморскими, да только ничего не помогало. От какого-то знатного киприота узнал наш король, что есть на Кипре деревня Менику, а в той деревне есть храм, где покоятся мощи известного святого Киприана, который был борцом с сатаной. При храме источник есть с водой целебной, заживляющей раны, помогающей от всех болезней. Наш Пьер не погордился, не стал приказывать, чтобы ему воду во дворец доставили, а сел на коня, да и прибыл в бедное село, в простой деревенский храм. Молился с другими богомольцами, а затем пошел смиренно к источнику, с молитвой приступил к нему, напился воды, да и собой набрать приказал в кувшин целебного напитка, хотя вода была солоноватой на вкус, горчила. А вскоре исцелился Пьер и не забыл причину исцеления. Приехал поблагодарить святого Киприана, денег выделил для реконструкции обители в Менику. Храм получился нарядным, и в большом городе иметь такой было бы не стыдно. И была Петрасу награда за его благочестивое отношение к православной святыне. Удостоился видения чудного на Ставровуни. А со святой горы спустился он бесстрашным воином Христовым».

Так все было или нет, только, казалось, Пьер знал о буду-

щем, и не хотел оставаться сторонним наблюдателем грядущих катаклизмов.

Три короны короля Пьера.

Он стал королем Кипра. Вот все они: рыцари и бароны, герцоги и графы, богатые гентуэзские и венецианские негодьяны преклонили колени, обещая преданность и повиновение ему, королю Кипра Пьеру I. Да здравствует король! И на породистом белом коне он ехал в королевский дворец Ла Кава. Коня вели под уздцы. С правой стороны шли гентуэзцы, с левой - посланцы Венеции. Этот старинный обычай подчеркивал, что итальянцы на Кипре имеют права, чуть ли не больше, чем франкская знать. Видел он и киприотов, которые с надеждой смотрели на молодого короля Петраса, как звали его в народе. Он знал, что простые люди любили его, и тому была причина. Он с уважением относился к греческой церкви. Часто посещал храмы, где молились киприоты. Делал щедрые вклады, полагая, что Господь любит свои обители, и не разбирает, кому подчиняются священники, папе или православным епископам... Только несколько месяцев отец Пьера, старый Гуго, наслаждался покоем и отдыхом. Не прошло и года, как он скончался. И еще одна коронация состоялась, на этот раз в Фамагусте. Там, в храме святителя Николая, Пьера короновали на трон Иерусалимского королевства. Что значила для Пьера эта корона? Для христианина Святая земля – место священное. Пройти пилигримом по той земле, которой касались божественные стопы Христа, было заветным желанием тысяч людей. А каково быть королем Иерусалима? Его предок Ги де Лузиньян, основатель династии, в свое время женился на дочери иерусалимского короля Амори. Принцесса Сибилла принесла в приданое супругу Иерусалимскую корону. Другой его предок, Альмарих, приобрел

эту заветную корону в результате династического брака. Король Гуго III Лузиньян попытался дать отпор мамлюкам египетского султана, когда они захватили Сирию и Палестину. Но вассалы не поддержали короля, им не хотелось покидать спокойный Кипр ради неверного военного счастья. Впоследствии корона Иерусалима была потеряна в междоусобной борьбе с другими европейскими феодалами. Затем права были восстановлены, но только права. В 1291 году египетский султан Ашраф захватил королевство Иерусалимское, и, казалось, что никогда оно не вернется к христианам. Король Пьер имел право на Иерусалим, он был в этом совершенно уверен. Ведь за ним поколения Лузиньянов, коронованных властителей Палестины, их кровь течет в его жилах. Иерусалимская корона возлагала на Пьера бремя ответственности. Он размышлял над причинами неудач крестовых походов. Строил планы на будущее. И в планах этих были военные походы. Вскоре об Ордене меча было объявлено официально. Многие рыцари из Европы, отправляясь на Святую землю, останавливались на Кипре. Здесь они вступали в Орден. Кипрские ры-



цари также становились его членами. Они были самыми верными преданными единомышленниками Пьера, всюду следовали за ним. Каждый на своих одеждах носил изображение креста и золотую цепь, звенья которой были переплетены в форме латинской буквы «S», ведь именно с этой буквы начиналось слово «молчание» на латинском языке. Эмблема напоминала о том, что Орден

начинался как тайная организация, а его члены пустым разговорам предпочитают дела. А дела королю Пьеру и его верным рыцарям предстояли великие. Ведь недаром Господь явил молодому Пьеру знамение на Ставровуни. Любимая супруга, черноокая Элеонора, поглядывала на мужа с грустью. Выходя замуж, дочь Педро Арагонского надеялась, что рыцарственный и энергичный муж превратит ее жизнь в нескончаемый праздник. Ей хотелось блестящих приемов, балов, турниров и маскарадов. Сколько прекрасных нарядов и драгоценностей хранилось на ее половине в роскошном королевском дворце Ла Кава в Никосии. Почти каждый день купцы из Генуи Венеции преподносили молодой королеве все новые и новые дары, надеясь завоевать ее расположение. Но к чему наряды, если ее Пьер не любит шумных светских раутов. Он или на охоте, или уезжает в горный замок Лузиньянов Святой Илларион. Там сидит король со своими рыцарями в каминном зале, строит планы на будущее. Наверное, он мог бы править иначе, не вмешиваясь в большую политику. Такая позиция сулила и материальные выгоды. Ведь и Генуя, и Венеция готовы были щедро платить кипрскому королю за невмешательство в их торговые дела. Торговлю же вели они на землях, захваченных турецким султаном. А судьба Святой земли и Гроба Господня их нисколько не заботила.

Корхигос. Первые победы.

Все мысли кипрского короля были заняты Палестиной. А вскоре произошло то, что Пьер посчитал Промыслом свыше. В 1361 году он стал королем и еще одной многострадальной земли. Наверное, не все читатели этого повествования знают, что когда-то Армения, маленькая страна с древней историей, вовсе не была маленькой. Армению называли великой, и называли по праву. А во времена прав-

ления короля Пьера Армения переживала тяжелую пору своей истории. Под ударами турок страна раскололась. Та ее часть, которая омывалась Средиземным морем, Киликийская Армения, особенно страдала. Уже двести городов были захвачены и разрушены турками. Несчастный правитель, царь Леон, бежал во Францию, с ее королями его связывали родственные узы. Свою корону Леон передал Пьеру, кипрскому королю. Пьеру Армения не была безразлична, ведь на ее территории жили не только армяне, христианский народ, но и греки. И вот единоверцы, христиане, остались без защиты. Особенно печальна была судьба Корхигоса, важнейшей армянской крепости, турки постоянно атаковали пригороды, захватывали дома обитателей пригородов, а жителей убивали, либо продавали в рабство. Жители Корхигоса послали просьбу о помощи на Кипр. Однажды, еще в правление короля Гуго, отца Пьера, они уже посылали такую просьбу, но тогда кипрский король решил не вмешиваться в армянские дела, тем более, что своих проблем хватало. Не таков был Пьер. Призыв о помощи, который молодой король получил от корхигосцев, нашел в его сердце горячий отклик. Тем более, что, зная рыцарственную натуру короля, письмо написали женщины города. Письмо на Кипр было привезено делегацией горожан, которых встретили при дворе короля Пьера сочувственно. Было заметно, что встреча с посланцами Корхигоса воодушевила короля, еще бы: начинало сбываться предренное. Пьер был уверен, что Господь дает ему возможность совершить ратный труд на земле, которую незаконно захватили иноверцы. Ведь когда-то это были приделы цветущей Византии, и под ее крылом жил армянский народ. Сначала у Византии отобрали эти земли арабы, на службе у которых были тюркские племена. В XIII веке большая волна туркмен бежала от жестоких монголов, одного из

предводителей туркменских племен звали Осман, он и дал название будущей империи турок. Во времена Пьера турки прочно обосновались в Киликийской Армении, арабские эмиры платили им дань. Там ждали Пьера как избавителя. А от Корхигоса рукой подать до Палестины. Как тут было не разволноваться, не начать строить планы о военном походе... И вот уже кипрские корабли взяли курс к берегам Малой Азии. Видимо, для турок такая быстрая реакция кипрского короля оказалась неожиданной. Крепость оказалась не готова к противодействию посланцам Кипра. Жители Корхигоса открыли киприотам ворота крепости, они вошли в город, не встречая сопротивления. Адмирал Роберт де Луз, который был назначен комендантом крепости, начал свою деятельность с того, что прибыл в кафедральный собор города. Там на святом Евангелии была принесена клятва, в которой говорилось, что посланцы короля Пьера будут охранять Корхигос во имя святого Животворящего Креста. Так, впервые в истории династии Лузиньянов, в их владении оказалась земля Малой Азии. А кипрский король подтвердил право на владение короны Киликийской Армении. Но корона – это не только слава, но непростые обязательства и ответственность за их исполнение. Турецкий правитель края, чей титул был «великий караман», сильно разгневался. Турки решили нанести удар по кипрским берегам. Надо было принять меры по защите родного острова, но и корхигосцев теперь следовало поддерживать. А еще король Пьер был уверен: успех в Малой Азии следовало развивать, а не почивать на лаврах победителя. Пока великий караман угрожал Кипру и готовил поход, Пьер оперативно снарядил армаду кораблей и отправил ее к берегам Турции, так все чаще называли Малую Азию. Войска кипрского короля высадились недалеко от крепости Атталия, и вновь жители-христиане устроили торжест-

венную встречу кипрскому войску. Турецкие войска бежали, а правитель города Теке-бей скрылся в неизвестном направлении. Впрочем, через некоторое время этот турецкий правитель тайно пробрался в Атталию, в злобе он наблюдал реющие флаги кипрского королевства над крепостью, которой совсем недавно турки владели безраздельно. После взятия Атталии началось триумфальное шествие кипрского войска по южному берегу Малой Азии. Правители сопредельных с Атталией земель безоговорочно признавали себя данниками Пьера, преподносили ему богатые дары и водружали его штандарты над башнями своих городов. Оставив самых преданных офицеров командовать покоренными крепостями, в сентябре 1361 года король Кипра Пьер вернулся на родину. Его корабль входил в гавань Кирении, морской крепости на северном побережье Кипра. Толпы народа с ликованием встречали победителя турок. В те счастливые дни Пьер много размышлял о своих следующих шагах. Он прекрасно понимал, что в одиночку Кипра не выполнить миссию освобождения Святой Земли.

Путешествие в Европу.



Он должен был обрести союзников. И вновь рука Всевышнего была с ним: вскоре по возвращении из Малой Азии он получил письмо, призывающее его прибыть во французский город Авиньон, где находилась в то время резиденция Римского папы. Дело в том, что папе пожаловался принц Галилеи, племянник Пьера, сын его умершего брата. Молодой человек жил

при дворе французского короля и до поры не высказывал своих претензий на кипрский трон. Но с тех пор, как слава о кипрском короле достигла европейских берегов, принц Галилеи лишился покоя. Осенью 1362 года король Пьер покидает кипрские берега. Он стоял на палубе корабля, свежий морской ветер наполнял паруса. О, сколько планов и надежд переполняли его сердце! Претензии племянника его нисколько не беспокоили, это вопрос разрешимый. Деньги поубавят амбиции принца. А деньги у Пьера были, и добыл он их способом, который современными историками рассматривается как весьма смелый и прогрессивный. В делах финансовых Господь послал ему замечательного помощника по имени Жан де Статиа. Он был человеком незнатного происхождения, благородством своего рода похвастать не мог. Зато был верный Жан весьма рачительным управляющим, талантливым финансистом. А еще был он честным и порядочным, сочетание сколь редкое, столь и драгоценное во все времена. Король назначил де Статиа казначеем королевства. Вскоре верный Жан подсказал королю, как раздобыть денег для поездки в Европу: освободить подданных от подушной подати. Желаящие могли заплатить две тысячи безантов за себя и свою семью, и стать свободными. Многие подданные откликнулись на возможность обрести свободу, казна государства пополнилась. И теперь король ехал в Европу не с пустым карманом. Пьер жадно вглядывался вдаль. «Скорее бы Родос, а там и европейские берега. Он будет уговаривать святейшего папу, богатых венецианцев, спесивых генуэзцев, европейских монархов. Надо прекратить распри, умерить тщеславие, собирать силы. Святая земля ждет своих избавителей», - так думал король Пьер. А на мачте корабля чья-то заботливая рука прикрепила маленькую иконку святителя Николая-чудотворца, покровителя моряков. Несколько не-

дель назад он видел еще одну икону святителя в Фамагусте. Украшенный цветами образ стоял в центре храма святого Николая. С особым почтением преклоняли колени все входившие в храм. Икона была привезена из Мирр, родины чудотворца. Этот город в Малой Азии также был взят войсками Пьера под командованием храброго кипрского адмирала Жака де Сюра. Пьер осенил себя крестным знаменем. Это, несомненно, добрый знак. Сам святитель сопровождает короля в его путешествии, оно должно быть успешным. Вспомнились стихи, которые еще совсем молодым юношей он прочитал в старинной книге из библиотеки отца:

«Судьба вас, рыцари, хранит.
Вас шлет Господь, чтоб пали в прах
И турок и эльморавид,
Что зло творят о сих порах.
О, рыцари, пора пришла
Оружье взять и сняться с мест.
Тому отдайте в дар тела,
Кто ради вас взошел на Крест».

Как никогда кипрский король ощущал себя тем, кого призывал Господь. Услышав зов свыше, он готов был следовать ему до конца...

В Европе Пьер де Лузиньян пробыл с марта 1363 года до августа 1365. Это были незабываемые дни. Сначала король Пьер посетил Родос, владение рыцарей-госпитальеров (1362 г.). В декабре он был уже в Венеции; в марте 1363 г. - в Авиньоне. Между тем, во время пребывания в Авиньоне кипрского короля, скончался папа, вызвавший его для решения спора с племянником. Новый папа, Урбан V, отнеся к кипрскому королю с сочувствием и симпатией. Неурядицы с племянником, как и ожидалось, были быстро

и успешно разрешены. Папе был по душе энтузиазм Пьера, его планы нового Крестового похода. Папа благословил Пьера посетить европейские королевства, чтобы найти для такого похода союзников. Путешествие началось. Пьер стал единственным кипрским королем за всю историю династии Лузиньянов, который совершил столь длительный вояж. Вызывает изумление только перечень стран, которые посетил Пьер: Англия, Франция, Чехия, Польша, немецкие княжества на Нижнем Рейне, районы Фландрии и Брабанта. Кипрский король встречался с европейскими монархами. Его собеседниками становились выдающиеся исторические деятели эпохи: император Священной Римской империи Карл IV, венгерский король Людовик I, датский король Вальдемар IV, французский король Иоанн II. По приглашению английского короля Эдуарда III Пьер Кипрский принял участие в Лондоне в легендарном «Пире пяти королей». В Кракове он был гостем польского короля Казимира III и принял участие в Краковском съезде, встрече европейских монархов. Каждую встречу, каждую беседу кипрский король использовал для одного: он не устал рассказывать европейцам о бедствиях своего маленького христианского королевства. Он призывал к объединенному Крестовому походу против турок. Летописец свидетельствует: «На Краковском съезде король Пьер выступил в первый же день, рассказав о плачевном состоянии дел христианства на Востоке и попросив помощи. Император заверил его, что помощь будет оказана и что в ближайшее время проблему обсудит собрание курфюрстов; присутствующие выразили своё одобрение». Летописец отмечает, что кипрскому королю всюду был оказан самый радушный прием и проявлено сочувствие. По мнению современных ему историков, личность кипрского короля, его харизматичность вызывала у окружающих горячее сочувствие и

симпатию. Согласно традициям времени, политическое мероприятие, которым был Краковский съезд, было украшено рыцарским турниром. В состязании победу одержал кипрский король, что, безусловно, прибавило ему популярности.

Как результат, многие европейские монархи поддерживали Пьера, и многие западные рыцари выразили готовность лично принять участие в будущем походе, была оказана и практическая помощь. Так, Фредерико Корнаро, венецианский аристократ, пожертвовал шестьдесят тысяч дукатов, и сам вступил в Орден Меча.



Между тем, с Кипра приходили недобрые вести. Вновь вспыхнула чума. Страшная болезнь словно ждала, затаившись, отъезда короля, чтобы наброситься на его народ. Алчные генуэзские купцы использовали каждый предлог, чтобы добиться новых и новых привилегий. Пришлось Пьеру подписать с Генуей несправедливый договор, он сосредоточился целиком на подготовке похода на восток. В разгар переговоров с европейскими монархами Пьеру доставили письмо от эмира Сирии Мелика Бехни. Полное оскорблений и угроз, оно вызвало у кипрского короля отча-

янное воодушевление. Он приказал переписать письмо несколько раз. Все копии он разослал европейским монархам. Вот оно, доказательство необходимости похода на восток. И Пьер посылает на родину приказ: начать подготовку к походу. Сам кипрский король отплывает к берегам Родоса. В морской поход против обидчиков кипрского короля отправляются и западные рыцари. Вскоре 108 кораблей отошли от кипрских берегов и тоже взяли курс на Родос, где их с нетерпением ждал кипрский король.

Александрия.

Он и возглавил армаду, которая в начале октября покинула Родос и взяла курс на Александрию, к берегу которой флот прибыл 9 октября. Что произошло далее? Конечно, можно вообразить события, попытаться изложить их ярко и красочно. Но автор предпочитает умолкнуть, чтобы предоставить слово выдающемуся кипрскому историку Леонтию Махера, который жил на Кипре в XIV веке. Он родился спустя лишь пятнадцать лет после штурма Александрии. Он мог слышать об этих событиях от их непосредственных очевидцев и участников. И вот, что он написал в своем знаменитом труде-хронике «Повесть о сладкой земле Кипр»:

«В четверг 9 октября кипрский флот достиг Александрии. Когда сарацины увидели войско кипрского короля, то задрожали от страха. Многие люди вышли из города и бежали. Затем около десяти тысяч сарацин, конных и пеших, вышли для защиты гавани. Но они не смогли этого сделать. Когда киприоты сошли на берег, сарацины очень обрадовались, говоря: «В их войске нет лошадей» Сарацины спустились с крепостных стен и всю ночь говорили много непристойных и высокомерных слов. Но еще до рассвета король приказал спустить на берег лошадей. Когда сараци-

ны увидели лошадей, то пришли в ужас. Многие из сарацин бежали. На следующий день, в пятницу 10 октября сарацины поднялись на городские стены, чтобы защитить город. Но Бог был благосклонен к христианам. Они сели на коней, и высадившееся войско направилось к городу. Пять тысяч сарацин встали у городских ворот. Но христиане сожгли ворота и силой проложили себе дорогу. То же самое совершили галеи в воротах старой александрийской гавани. При благосклонности Бога христиане взяли Александрию, которая была самым укрепленным из всех городов, которые сарацины имели на побережье». Сквозь дымку столетий видится мне король Пьер, едущий по улицам поверженного города на красавце-коне. Его плащ развивается на ветру, которому Пьер подставляет разгоряченное лицо. Его мысли стремительно несутся к сирийским берегам, туда он мечтает совершить следующий поход. А пока, оставив в Александрии гарнизон, наш герой возвратился в столицу своего королевства, город Никосию. В апреле 1366 года толпы народа встречали Пьера на улицах нарядного города. Той весной в королевском дворце Ла Кава почти каждый день давались балы, проходили рыцарские турниры. На всех празднествах блистала королева Элеонора, вызывая восхищение знатных баронов и рыцарей. Те счастливые дни Пьера были омрачены лишь одним тягостным воспоминанием, которое темным облаком закрывало солнце его победы. Перед мысленным его взором часто возникала зловещая александрийская башня. Тогда, взяв Александрию, рыцари короля Пьера обнаружили городскую сокровищницу, которая была спрятана в некоей высокой башне. Там хранились золотые и серебряные слитки, изделия из благородных металлов, украшения из драгоценных камней. Западные рыцари алчно хватали сокровища, спешно грузили награбленное добро на корабли.

Пьер не принимал участие в вакханалии грабежа александрийской сокровищницы. Он был уверен, что не за этим христиане пришли в Александрию. Военная экспедиция в этот город - владение эмиров Сирии, должна была стать прологом освобождения Святой земли. Об этом и говорил Пьер своим соратникам, но тщетны были его увещевания. Западные рыцари засобирались по домам. Они рассуждали примерно так: «Наша цель достигнута. Богатства добыты. Пусть кипрский король заботится о своей иерусалимской короне. Помогай ему Господь». Как оказалось, судьба Святой Земли и Гроба Господня не очень-то волновали западных рыцарей. Воспоминания о случившемся в Александрии омрачали настроение короля. Однако он ни минуты не сомневался, что воля Господа ведет его освободить Святую землю. Увы, все случится совсем не так. Через два года ранним осенним утром король Кипра Пьер из династии Лузиньянов будет жестоко убит теми же рыцарями, которые сопровождали его в александрийском походе. В расправе примут участие и родные братья короля. И уйдет Пьер в мир иной, не выполнив миссии, которую считал главным делом своей жизни. Но обо всем по порядку.

Месть королевы.



Любовь короля к своей супруге вошла на Кипре в пословицу. Элеонора была для Пьера воплощением прекрасной дамы. Расставаясь с ней, пусть даже ненадолго, Пьер укладывал в дорожный

ларец, который брал с собой в дорогу, ночную сорочку жены. Душистая ткань из тончайшего шелка, украшенная легким венецианским кружевом и изящным шитьем, хранила тепло и аромат любимой. Король любил засыпать вдали от дома, касаясь рукой этой сорочки. Во время своего путешествия по Европе, король Кипра не изменил своей привычки, вскоре все узнали о необычайной привязанности Пьера своей супруге. Однако в Европе царили иные нравы. Поведение монархов и их домочадцев было весьма фривольным, супружеская верность была не в чести. Зачастую фавориты и фаворитки решали государственные дела, там адюльтер правил бал. Преданность Элеоноре наивного короля-островитянина вызывала недоумение. С другой стороны, европейская свобода нравов поразила Пьера. Но сейчас, после блистательной победы, стремясь уйти от мрачных размышлений о предательстве рыцарей, наш король отвечал на восхищенные, а порой призывные взгляды знатных дам многообещающими улыбками, ласковым разговором. Это была игра в ловеласа. Тешила мужское самолюбие и безумная ревность любимой Элеоноры. При этом король оправдывал себя молодостью и горячностью натуры. В самом деле, какому мужчине не доставит удовольствия, например, внимание знатной дамы Эшив де Скандальон? Дама замужем, однако, похоже, супруг нисколько не возражает против связи, которая возникла между Эшив и королем. Любовница была порочна и доступна. Другое дело Жанна Алеманская. Красавица-вдова графа Жана де Монтолифа, кажется, искренне и горячо полюбила короля. Пьера она взволновала не на шутку. Траур особенным образом подчеркивал ее юную красоту. Король откровенно любовался Жанной. Она же не дерзала встретиться с ним взглядом. Тут уж Пьер проявил настойчивость. Возникла вторая связь, и грех вошел в душу короля. Впослед-

ствии историк напишет о тех событиях: «Кто-то бы мог сказать: как при такой любви, которую король питал к своей королеве, у него было две любовницы? Он сделал это из-за огромной чувственности, ведь он был молодым человеком». Итак, грех вошел в сердце короля. А грех – это лавина, которая начинается порой с одного камешка, который в падении увлекает за собой другие, и вот смертоносная гряда камней обрушивается вниз, губя все на своем пути. Грех, однажды войдя в душу, тянет за собой другие грешные помыслы и дела. И эту цепь бывает трудно разорвать, иногда только смерть грешника ставит точку в свершении его проступков, но затем приходит черед Небесного суда. А иногда еще и потомки отвечают за черное дело греха. Если б удалось в те дни заглянуть Пьеру в свой завтрашний день, он содрогнулся бы от ужаса и отвращения к самому себе. А пока Пьер собирался в путь. Он опять ехал в Европу. Он – победитель. Может быть, теперь европейские монархи более серьезно отнесутся к его просьбам о помощи. И крестовым походом христиане войдут в Святую землю, чтобы навсегда утвердиться там, где некогда прошел легкой поступью Сын Божий.

Лавры победителя сарацинов и амурные успехи закрыли от короля реалии жизни. Он совсем не думал о том, что на маленьком Кипре секретов не бывает. Между тем, королеве Элеоноре стало известно об изменах мужа. Рушился ее мир. Ее прекрасный рыцарь предал ее. Впервые за годы супружеской жизни она ждала отъезда мужа с нетерпением и мрачной решимостью жестоко покарать соперниц. Однако лицемерка Эшив де Скандальон всюду являлась вместе со своим супругом, демонстрируя образцовые супружеские отношения. Жанна Алеманская была беззащитна, тем более, что обнаруживались и последствия ее связи с королем: под сердцем она носила дитя Пьера. Это известие

вывело королеву из себя окончательно. Ослепленная ревностью и ненавистью, Элеонора начала мстить. Что случилось с этой гордой, но такой любящей женщиной? Цепная реакция греха продолжалась. Злоба захлестнула душу королевы мутным потоком. Элеонора перешагнула через свое женское естество. По приказу королевы несчастную Жанну схватили, пытали, издевались над ней и ее нерожденным ребенком. По свидетельству Леонтия Махера, мучители по приказу королевы, желая погубить нерожденное дитя, вызывали преждевременные роды. Они ставили на живот несчастной тяжелые грузы, секли крапивой. А когда родился младенец, который еще в утробе матери принял мучения, его отдали королеве. И никто не знает, что случилось с несчастным, как было загублено это невинное дитя. А грех ширился и разрастался, ядовитое его семя приносило отвратительные плоды. Как известно, путь греха ведет в никуда, его последняя станция – ад. Мечь не умирила Элеонору. Во время отъезда мужа королева не только чуть не до смерти замучила Жанну Алеманскую и погубила ее сына от короля Пьера. Она отомстила королю тем, что ответила на безумную страсть графа Эдессы Жана де Морфу.

Миссия невыполнима.

Думал ли Пьер, когда так бездумно изменял своей жене, что на него возложена Господом особая миссия? Нам это неизвестно. Очевидна истина: кому многое дано, с того и многое спросится. Полученные дары Пьер неразумно тратил. И, став причиной несчастий стольких людей, он уже не мог стать освободителем Святой земли. Грех ослепил короля, и он не видел, что Божий Промысел более не с ним. Пройдет еще два бесплодных года, в течение которых он будет разочаровываться в своих западных союзниках,

распутывать хитросплетенья интриг венецианских и генуэзских купцов, вести безуспешные переговоры с султаном и его приспешниками. Он начнет проводить обыкновенные грабительские рейды по владениям султана. Но все это не имело ничего общего с той миссией, к которой он готовил себя с семнадцати лет. Неудачи окружали короля плотным кольцом. В это сложное время узнал король об измене жены, узнал и о расправе над бедной Жанной, которая томила в мрачной тюрьме крепости Кирения. Вернувшись, король вызволяет несчастную пленницу, не прощает измены жене. А вскоре близкое окружение стало замечать, что с королем происходит что-то неладное. Беспричинная ярость стала обуревать его. Во время приступа гнева он совершал безумные поступки. Пьер словно пытался доказать своим придворным: честных женщин нет и быть не может. Он принуждал к изменам жен своих придворных, баронесс и графинь. Он не терпел ни малейшего неповиновения своим абсурдным приказам. В королевском дворце Ла Кава, где раньше проводились пышные празднества, царили радость и веселье, теперь в воздухе витали мрачное ожидание и тревога. Король больше ни разу не переступил порога покоев королевы Элеоноры. Чаще всего он проводил время в башне, которую недавно по его приказу построили в Никосии. В народе ее прозвали «Маргарита». Вокруг башни копали глубокий ров. Пьер стал бояться своего окружения. Лишь маленький Пьер, любимый сын, мог вызвать на его подурневшем лице улыбку. Ужасны были приступы королевской ярости. После них наступали часы просветления. Тогда король уединялся, лишь самые близкие слуги знали, что в эти минуты король-грешник рисовал образ Богородицы, пред которой лил слезы покаяния. Но эти светлые минуты проходили, и демоны злобы и безумия вновь терзали душу короля.

Особенности королевской охоты.

Кипрские феодалы любили охоту. Олени, вепри, лани и муфлоны были их добычей. Тогда они водились в кипрских лесах в избытке. Особенностью охоты было участие в ней борзых собак. На Кипре породистых собак разводили мало, из-за жары они не приживались на острове. Охотничьих собак привозили на остров из Малой Азии. Так и поступил Генрих де Жиблет, виконт Никосии, который заказал двух борзых для своего любимого сына Жана. Знал бы виконт, причиной каких трагических событий станут его приобретения. А случилось вот что. В редкие минуты просветления, когда отступала душевная болезнь, король возвращался к своим прежним занятиям. Среди них охота была наилюбимейшей. Теперь придворные участвовали в развлечениях монарха без желания. Они опасались: в любую минуту мог начаться приступ болезни, и тогда их жизни могли оказаться в опасности. Так и произошло. Король со свитой поехал на охоту в окрестностях села Акаку, и взял с собой маленького принца Пьера. На дороге принц встретил псаря Генриха де Жиблета, который вел на поводке красавцев-борзых. Маленький Пьер залюбовался животными, и выказал желание купить их для себя. Когда виконт узнал о желании принца, он отказал мальчику. «Я не хочу огорчать своего сына», - сказал де Жиблет. Маленький Пьер разрыдался. Когда король узнал о происшедшем, он послал слугу с требованием немедленно выполнить прихоть. Но де Жиблет отказал и королю. Этот случай свидетельствует о том, что к описываемому времени король потерял всякое уважение своих подданных. При других обстоятельствах виконт посчитал бы за честь услужить королевскому сыну. Король пришел в ярость. Викар сослали в Пафос, его сына заковали в кандалы и послали на рытье рва под стенами «Маргариты». Это потрясло кипрскую

знать. Но особенно все были шокированы, когда король приказал дочери виконта Марии, которая была вдовой, выйти замуж за простого кузнеца. Бедная женщина скрылась в монастыре, где ее нашли слуги короля и подвергли жестоким пыткам. Лишив аристократическую семью всего, король заключил всех троих в тюрьму, где они, закованные в кандалы, находились вместе с ворами, насильниками и убийцами. Де Жиблет – знатная семья. Согласно закону кипрского королевства, король мог совершить суд над этой семьей лишь по согласованию с Королевским советом, куда входили представители знатных родов (так называемых лигиев). Все законы королевства были поправлены.

Заговор.



Итак, наша история подходит к своему печальному концу. Наступил 1369 год. Все чаще король уединялся в башне «Маргарита», он стал мнительным, боялся покушения на свою жизнь. И не без основания. В ближайшем окружении короля зрел заговор. Вначале бароны и рыцари хотели придти к королю с серьезными предостережениями, напо-

нить ему об ассизах, своде законов Кипрского королевства, регулирующих отношения короля и его подданы, потребовать их неукоснительного исполнения. К заговорщикам

примкнули и братья короля. Было решено выпустить всех заключенных, которые попали в тюрьму по прихоти короля. Освободили всю семью де Жиблета, который горел желанием отомстить Пьеру за унижение своих детей, за свой позор. Знала ли о заговоре против короля Эшив де Скандальон, которая провела с королем последнюю в его жизни ночь? Нам это неизвестно... Едва забрезжил рассвет 17 января 1464 года, в королевскую резиденцию вошли рыцари. Эшив тут же покинула королевскую спальню через потайную дверь, ведущую из дворца. Среди вошедших были братья короля Якоб и Джон, был и Генрих де Жиблет. Он и нанес королю первый удар коротким ножом, который до этого он прятал под одеждой. Де Жиблета поддерживали другие рыцари. Заколотый кинжалами король скончался. Последними его словами были: «Помогите, пожалуйста, во имя любви к Богу». Но никого не тронул этот последний крик кипрского короля Пьера из рода Лузиньянов.

Послесловие.

Спустя 640 лет после описываемых событий автор идет по улицам северной части Никосии, столицы Кипра. Южный город живет своей обычной жизнью. Слышна турецкая речь, в положенный час раздаются призывы муэдзина к молитве. Там и сям возвышаются минареты, которые словно стражи стоят подле мечетей. Одна из них особенно прекрасна и зовется она Селими. Некогда это был кафедральный собор столицы королевства Лузиньянов. Белоснежные своды помнят те далекие времена, когда здесь, в храме святой Софии, проходила торжественная коронация кипрских королей. Ныне горожане совершают в положенный час намаз, повернувшись лицом на восток, в сторону Мекки. Никосия разделена, бывший храм святой Софии стал

мечетью в турецкой части города и никто здесь не знает ни о кипрском короле-франке Пьере, ни о его ревнивой жене, королеве Элеоноре. Все прошло. И только в средневековых кипрских хрониках, которые бережно хранятся в библиотеке святого Марка в Венеции, мы можем прочесть о том, что происходило на Кипре в XIV веке, в правление династии Лузиньянов. А что было бы, если бы Пьер не расточал богатства своей души, но собрал бы всю свою волю, подчинил свои страсти одному – исполнению миссии по освобождению Святой земли? Что было бы, если бы смог он сплотить западных монархов, если бы они развили александрийский успех? Если бы европейские рыцари оказали Пьеру реальную поддержку, а купцы Венеции не заигрывали с турецким султаном, мог ли бы Пьер добиться цели, которую поставил перед собой в юности? Увы, это риторические вопросы. У истории нет сослагательного наклонения... Далеко от Кипра, в испанской Барселоне в 1417 году умерла знатная сеньора, дочь испанского короля Педро Арагонского, вдова кипрского короля Пьера, мать другого короля Кипра Пьера II, пережившая своего сына. Ее звали Элеонорой. После смерти мужа королева провела на Кипре еще 11 лет. Главной целью ее существования стала месть убийцам мужа. Мотивы ее иступленной борьбы с ними нам понять весьма сложно. Была ли это безмерная любовь к супругу, которая после смерти Пьера, отринув все второстепенные эмоции, проявилась с такой силой, что лишь ненависть к его врагам стала движущей силой всех поступков Элеоноры? А может быть, она хотела обеспечить будущее своего сына, расправившись с врагами его отца? Хотела ли Элеонора сама править на Кипре полновластно и беспредельно, пока Пьер-младший подрастал? Все возможно. Но одно лишь не вызывает сомнения. О вверенном ей народе и кипрской земле гордая испанка ду-

мала меньше всего. Она писала к Римскому папе и монархам Европы, жалуясь на свою горькую долю. Вдове сочувствовали, но на помощь никто не спешил. В 1371 году произошла коронация Пьера II. После торжественной церемонии в храме святой Софии молодой король на породистом коне ехал во дворец. По старинной традиции коня вели под уздцы представители торговой знати Венеции и Генуи. Причем, обычно генуэзцы шли по правую сторону, демонстрируя этим свое главенствующее положение на Кипре. Но в этот раз правую вожжу ловко подхватил венецианский посланник, чем оскорбил заносчивых генуэзцев. Во время праздничного пира разразился скандал. Он вылился из покоев дворца на улицы Никосии. Горожане, которых давно возмущало высокомерие генуэзцев, стали громить их торговые склады, лавки и магазины. Элеонора, воспользовавшись ситуацией, обратилась к правителю Генуи, дожу, с жалобой. Реакция по тем временам была молниеносной. Уже в 1373 году генуэзский флот появился в кипрских водах. Адмиралу Педро Фрегосо дела не было до интриг кипрского двора, превыше всего для адмирала были интересы родного города Генуи. Богатейшая Фамагуста была ограблена, Лимассол и Пафос захвачены. Одно время и сама Элеонора вместе с сыном находилась под арестом, дабы не мешать адмиралу в достижении его целей. Братья Пьера, убитого короля, пытались спасти свое королевство. Якоб с преданным войском защищал Никосию. Когда город был захвачен генуэзцами, он вместе с верными рыцарями удалился в Кирению, город на северном побережье острова. Кирения была хорошо укрепленной крепостью. Но молодой король, под нажимом матери и генуэзских захватчиков, отдал своему дяде приказ сдать Кирению. Самого Якоба увезли в Геную, где заключили в тюрьму. Джон, второй брат несчастного Пьера, со своим неболь-

шим войском удерживал горную крепость святого Иллариона, где находилась летняя резиденция королей Лузиньянов. Его попытки отстоять крепость были обречены. После падения крепости св. Иллариона, Джон был казнен. И сегодня на одной из горных вершин, которые возвышаются над крепостью, можно увидеть руины башни, которая носит имя Джона. Согласно преданиям, именно отсюда в 1373 году были сброшены двадцать четыре болгарских телохранителя Джона, обвиненные в измене. Интрига была затеяна Элеонорой, которая мечтала отомстить убийцам мужа (или хотела убрать соперника?) Джон поверил обвинениям и расправился с преданными воинами, которые не только защищали крепость, но и совершали дерзкие вылазки против генуэзцев. Легенды рассказывают, что он лично сбрасывал болгар из окна крепости. А когда остался без охраны, был выброшен из того же окна стражниками Элеоноры...

И годы пошли чередой. Якоб томился в тюрьме, Элеонора, вынужденная каждый свой шаг обсуждать с генуэзцами, не чувствовала себя свободной и счастливой властительницей. Отношения с сыном стали осложняться. Молодой король выросл, он не хотел быть марионеткой в руках Генуи. Стал Пьер II искать союзников, кто бы мог поддержать его в отстаивании своих прав. Выбор был невелик, тогда правители Кипра имели лишь одну альтернативу – союз с республикой Венецией. А самый верный в средневековой Европе способ создания союза было заключение брачных уз. Пьер женится на Валентине Висконти, дочери дюка Милана, который был верным союзником Венеции. Элеонора невестку невзлюбила еще до ее приезда на Кипр, ведь гордая испанка делала ставку на Геную, годами выстраивала свои отношения с дожем Генуи, его высокомерными посланцами. Невестка не простила свекрови столь

нелюбезного приема. Валентина не уступала королеве-матери в искусстве интриг и заговоров. Кроме того, она имела огромное влияние на мужа, который и сам хотел выйти, наконец, из ненавистной материнской опеки. Были предприняты определенные усилия, в результате которых Элеонора Арагонская вынуждена была покинуть берега кипрского королевства, где столь блистательно когда-то начиналась ее семейная жизнь. А затем последовали годы, проведенные в Испании. Были они бесславными. Со скорбью узнала она о безвременной кончине сына, кипрского короля Пьера II, которая последовала в 1384 году. С горечью и отчаяньем приняла весть, что в 1385 году генуэзцы выпустили из заключения Якоба и короновали его кипрской короной. Казалось, Господь прогневался на их семью. Она потеряла мужа, королевство, сына. А в 1417 году Элеонора Арагонская скончалась, не оставив после себя ни внуков, ни добрых дел, ни благодарных воспоминаний. Да и могло ли быть иначе, если в основание своей жизни, эта незаурядная женщина положила ненависть. Не будь бы этого, наш рассказ мог бы получиться другим. Но у истории нет сослагательного наклонения.

Иллюстрации

**Пьер Первый, король Кипра- стр.76*

**Рыцарь Ордена меча- стр.82*

**На Краковском конгрессе- стр.86*

**«Пир пяти королей»- стр.90*

**Изабелла Арагонская (совр. рис.)- стр.93*

**Убийство короля Пьера(средневековая миниатюра)-
стр.99*



Глава седьмая

Дар адмирала Пьетро де Кафрана

Начну с банальной истины: жизнь человека коротка. Даже если ее течение проходит спокойно, без резких поворотов и катаклизмов (что бывает крайне редко), время этого течения весьма непродолжительно. В лучшем случае, семь – восемь десятилетий отпущено нам Господом. Любому хочется, чтобы после ухода в мир иной его вспоминали тихим добрым словом. Поэтому так важно наполнить наши недолгие земные дни делами добра и любви. Я не знаю, так ли думал старый кипрский адмирал Кафран, или иначе шел ход его мыслей, только однажды, все тщательно взвесив, рассчитав свои финансы, он решился на поступок, который дал его соотечественникам–киприотам возможность в течение двухсот лет получать бесплатно образование в одном из лучших университетов Европы. Случай совершенно беспрецедентный, и потому заслуживающий внимания.

В марте 1397 года.

Это происходило в далеком 1393 году. Старый адмирал Кафран в своем роскошном палаццо в Никосии ожидал прихода нотариуса Мануэле де Валенте. Предстояло составить завещание. Событие не из веселых, но все когда-то кончается. Клонилась к закату и его жизнь, бурная, полная приключений, побед и поражений в боях, сложнейших дипломатических переговоров на Кипре и за его пределами. Знал он и узы темниц, и блеск королевского двора, многое пережил. И вот теперь, готовясь перейти в мир иной, старый адмирал решился на необычный поступок. Об этом его решении пока никто не знает, даже душеприказчик

Марко Фальера. Он только посоветовался со своим духовником, старым монахом-бенедиктинцем. И тот одобрил его решение, сказав: «Сын мой, этим деянием ты во многом облегчишь себе путь на Небеса». Дай-то Бог! Март на Кипре месяц теплый, но только днем. С закатом солнца становится прохладно, адмирал приказал принести в кабинет свечи, подать горячего чая, укрылся теплым шерстяным одеялом. Он ждал нотария, а воспоминания, словно тени в полутемной комнате, окружили его, волнуя и бередя душу.

Слуга Лузиньянов.

Род Кафранов был известен со времен первых крестовых походов. Они были в родстве с могущественными Ибелинами, крупнейшими землевладельцами Иерусалимского и Кипрского королевств. Ибелины же состояли в близком родстве с королевской династией Лузиньянов и занимали высшие государственные посты в Кипрском королевстве. Однажды, будучи в Генуе, Кафран нашел в архиве документ от 1232 года, который за сто лет до его рождения подписал Филипп Кафран, предок адмирала, который был участником переговоров между Кипрским королевством и Генуэзской республикой. Четырем королям династии Лузиньянов исправно служил Пьер Кафран: Гуго IV, Пьеру I, Пьеру II и Жаку I в течение своей долгой жизни. Совсем недавно, три года назад, адмирал спас наследника престола, будущего короля Януса. Служил Кафран честно и преданно, порой рисковал своей жизнью. За верность был пожалован прекрасным поместьем. Его карьера сложилась так, что довелось ему сражаться в боях за родное королевство. В молодости Кафран участвовал в походах мудрого короля Гуго, освобождал Смирну от турок. Он принимал участие и в других походах короля, которого сам папа Климент VI называл «храбрейшим защитником христиан».

Блестящая военная карьера дала возможность Кафрану стать адмиралом. Исполнял адмирал и многие дипломатические поручения королевского двора. Был он талантливым дипломатом, предпочитая битвам переговоры. Примером для адмирала был сам король Гуго, который поощрял ученость, переписывался с мудрейшими людьми своего времени. Быть в свите такого монарха – это и честь, и огромная школа. Когда же король Гуго отрекся от королевского трона в пользу сына Пьера, адмирал Кафран стал верным помощником и молодого короля. В 1361 году он вместе с другими знатными рыцарями вступил в королевский Орден Меча, который был призван освободить Палестину от сарацинов. Король Пьер мечтал о новом Крестовом походе, за поддержкой главы католиков папы и европейского рыцарства отправился кипрский король в длительное турне. Кафран сопровождал короля Пьера вместе с другими благородными киприотами. Кипрские посланцы посетили многие страны Европы, и всюду король Пьер вел переговоры. План короля был необычен. Он планировал вначале разбить султана Египта, а уж потом отправиться в Святую Землю. Пьер нашел сторонников и желающих отправиться в очередной Крестовый поход. Папа благословил кипрского короля. Венецианские корабли привезли европейских рыцарей на Родос, откуда Пьер повел свой флот на штурм Александрии. Победа была триумфальной, но, к огорчению короля Пьера, на этом помощь европейцев и прекратилась. Они, ограбив Александрию, отправились с награбленным добром восвояси. Взятие Триполи в 1367 году, нервная болезнь короля, наконец, расправа над Пьером, которую учинило его ближайшее окружение, - все эти события не обошлись без участия Кафрана, но ему не хотелось вспоминать горькие страницы своей биографии.

Честолюбие Элеоноры и трагедия оккупации.

Король Пьер был убит в 1369 году. Ходили слухи, что участие в убийстве принимали братья короля Жан и Жак. В 1371 году произошла коронация тринадцатилетнего сына короля Пьера II. Кто будет опекуном при наследнике-подростке? На роль регента претендовали и братья убитого короля, и его вдова, мать наследника кипрского трона испанка Элеонора Арагонская. Это она пригласила генуэзцев, чтобы они поддержали ее притязания. Желание отомстить за мужа и честолюбие гордой женщины привели страну к краю гибели. В 1373 году генуэзский адмирал Педро Фрегосо подошел к берегам Фамагусты во главе грозной флотилии Генуэзской республики. Королева Элеонора и наследник стали заложниками генуэзцев. И они от имени Пьера II отдавали приказы, терзающие Кипр. Фамагуста, Лимассол, Пафос были полностью разрушены генуэзцами. Брат убитого короля Пьера Жак бежал в Кирению, второй брат, оборонявший Никосию, был коварно убит. Кирения защищалась отчаянно. Кафрран принимал активное участие в обороне города, помогая Жаку, но генуэзцы обложили город, как с моря, так и с суши. Кирения пала, Жака Лузиньяна вместе с семьей и знатнейшими рыцарями, среди которых был и адмирал Кафран, генуэзцы захватили. Так Кафран попал в генуэзский плен. Кипр же был опутан генуэзцами финансовыми обязательствами как цепями, большие территории страны стали принадлежать Генуе, кипрское королевство потеряло самостоятельность.

Тоска по родине.

Его вывели на палубу генуэзского корабля, берега Кипра удалялись, только вершины Троодосских гор были видны на горизонте, а вскоре и они растаяли вдали. Сердце сжалось. Острая тоска по жене и сыновьям пронзила сердце. А

еще он впервые почувствовал, что, возможно, никогда больше не ступит на кипрские берега. Он не был сентиментальным, этот бывалый моряк, не впервой уходить под парусом в неведомую морскую даль. Но сегодня он был пленником, и вероятность вечной разлуки накрыла душу темным крылом тоски и печали. Почему-то вспомнился мальчик-киприот, который во время военных действий пробрался в лагерь Жака Лузиньяна, чтобы сообщить о том, что предпринимают генуэзцы. Мальчишка рисковал жизнью. Когда Жак приказал его привести, мальчик сказал: «Я киприот, и поэтому пришел сообщить тебе об этом». В тот момент Кафран остро почувствовал, что он не только преданный слуга Лузиньянам, но еще и киприот, который, как и другие жители Кипра, любит свою родину и страдает из-за того, что на земле Кипра хозяйничают генуэзцы. Потом ученые-историки это чувство назовут «формированием национального самосознания и кипрского патриотизма». Кафран же просто тосковал по родине, вспоминая, как точно назвал Леонтий Махера, придворный историк, свой труд о любимом острове – ««Повесть о сладкой земле - Кипр». Сладкая и любимая земля, ужели навеки он расстанется с ней?

Пленник и заложник.

Нечего Бога гневить, не так уж трагично сложились обстоятельства. Кипрских пленников не морили голодом, не унижали физическими наказаниями. Скорее их можно было назвать заложниками. Жак Лузиньян свыкся с несвободой, в Генуе у королевской четы в неволе рождались дети, и первый среди них Янус, наследник престола. Шли годы. Кафран однажды попытался бежать из Генуэзского плена, но был схвачен и возвращен. Так продолжалось девять лет. Когда Пьер II умер в 1382 году, не оставив наследников,

парламент Кипра выбрал королём Жака. Генуэзцы отпустили претендента на престол, предварительно проведя с ним переговоры и подписав 2 февраля 1383 года мирный договор. По этому договору Генуя получала новые привилегии для коммерческой деятельности. Фамагуста, главный кипрский порт, оставалась под генуэзским управлением. До возвращения Жака Кипром управляли двенадцать представителей кипрской аристократии. Власть пьянила, делиться властью с королем совершенно не хотелось. И вот Жаку Лузиньяну довелось пережить еще один удар. Когда он прибыл на Кипр в 1383 году, его не приняли, унизив до такой степени, что он вынужден был вернуться в Геную. Затем в течении двух лет верный помощник короля Кафран и другие сторонники Жака Лузиньяна провели огромную работу, часто скрытую, и уже через два года приезд короля Жака и появление его в Никосии вызвало всплеск энтузиазма во всех слоях кипрского общества. Кипрский адмирал Пьетро ди Кафран был активным участником кипро-генуэзской войны на стороне дяди короля Жака Лузиньяна. После победы Генуи Жак Лузиньян вместе со своей супругой и приближенными находился в течение девяти лет в генуэзском плену. И лишь после смерти короля Пьера II пленники получили возможность вернуться на родину.

Принц –пленник.

Казалось, все беды позади. Король наказал всех своих врагов, вознаградил своих единомышленников и помощников, воцарилось спокойствие. Семья Кафрана воссоединилась, вдобавок к бывшим владениям адмирала король пожаловал ему новое прекрасное обширное поместье. Однако судьба готовила новое испытание для адмирала Кафрана. У короля был сын Янус, теперь он стал наследником пре-

стола. И вот именно его, любимого Януса, генуэзцы не отпустили из плена. Янус-пленник должен был быть гарантом того, что король выполнит все грабительские условия нового договора с Генуей. Главной целью короля стало освобождение наследника. Кому поручить столь сложное дело? Конечно, Кафрану. Историк XXI века пишет о нашем герое: «При дворе Жака I Кафран являлся одной из самых заметных влиятельных политических фигур. Он был искусный дипломат, мастер поиска и достижения компромиссов в очень деликатных и щекотливых кипро-генуэзских отношениях послевоенного периода». Кому же, как не ему поручить судьбу принца?! И вот Пьетро ди Кафран получает должность королевского посла. И начинаются его поездки в Геную, бесконечные переговоры, встречи с наследником и сердечные беседы, которые должны были подбодрить принца. Семь лет Кафран вел переговоры. В конце концов, договорились, что король Жак выдаст Генуэзской республике 125 тысяч золотых флоринов в течение сорока дней по прибытию наследника в Фамагусту. Адмирал Кафран выплачивал генуэзцам сразу десять тысяч флоринов и сам оставался заложником в Генуе до выплаты долга королем. Осенью 1392 года принц прибыл на Кипр. Вскоре вернулся домой и адмирал, снискавший глубокое уважение всей королевской семьи.

Пять тысяч дукатов.

Дорога воспоминаний вернула адмирала в день сегодняшний. С минуты на минуту зайдет в его кабинет нотариус, и пойдет разговор серьезный. Разговор о пяти тысячах дукатов. Именно эту огромную сумму намерен старый адмирал вложить в известный Венецианский банк под три процента годовых. Он уже написал подробное письмо своему душеприказчику Марко Фальера. И в письме дает указание вло-

жить полученный доход в прибыльные дела. Таким образом, сумма ежегодного дохода возрастала до двухсот дукатов. В этом его распоряжении ничего не было необычного. Такие договора, у юристов они назывались «контракты му-туум», вовсе не были редкостью. Удивительным было другое. Нотариальный акт определял, что на полученную прибыль от вклада адмирала предполагалось отправлять четырех наиболее достойных молодых киприотов для учебы в университете Падуи. Наверное, адмирал сейчас бы не смог четко сформулировать, почему его благотворительность приняла образовательное направление.

С думой о вечном.

Конечно, важной причиной было желание, говоря словами монаха-бенедиктинца, «облегчить себе путь на Небеса». Любой человек в его возрасте думает о вечном. Но было и еще очень важное соображение. Он много путешествовал, видел разные страны. Сравнивая Кипр с другими землями, старый адмирал видел его преимущества: плодородные почвы, удачное для торговых операций расположение, прекрасная природа, миролюбивый и смиренный трудолюбивый народ. Этот народ терпеливо нес налоговые тяготы. Платили нобилям (знатным рыцарям, баронам), католической церкви. Им не было числа, представителям европейских знатных родов, которые поселились на Кипре в средние века. Кого действительно не хватало, так это врачей, юристов, педагогов. Кипрское общество остро нуждалось в образованных людях и специалистах. Ко двору Лузиньянов приглашались иностранцы, киприотов среди интеллектуальной элиты почти не было. И вот, что придумал старый адмирал: он завещал фонду, который создавал, оплачивал учебу четверем киприотам. Каждый по приезду в университет получал пятьдесят дукатов ежегодно в течение всех лет

учебы. Как только кипрский студент завершал учебу, на его место прибывал новый кандидат, его земляк. С 1393 по 1569 г.г. сто семьдесят пять киприотов получили образование в Падуанском университете.

Университеты средневековья.

Почему же именно Падуанский университет привлек внимание адмирала Кафрана? К моменту написания завещания в Европе было основано несколько университетов, которые прославились как очаги культуры, искусства и науки. Чтобы стать университетом, учреждению нужно было получить папскую буллу (указ) о своем создании. Такой буллой папа Римский выводил школу из-под контроля светской и местной церковной власти и узаконивал существование университета. Права учебного заведения подтверждались привилегиями — особыми документами, подписанными папами или царствующими особами. Привилегии закрепляли университетскую автономию (собственный суд, управление, а также право дарования ученых степеней), освобождали студентов от воинской повинности. Профессора, студенты и служащие образовательного учреждения подчинялись не городским властям, а исключительно выборному ректору университета и выборным деканам факультетов. Если студент допускал какой-то проступок, городские власти могли лишь просить университетских руководителей судить и наказать провинившегося. Так, в конце XII – начале XIII вв. были открыты университеты в Париже, Болонье, Оксфорде, Кембридже и других городах. Особенно выделялся Парижский университет. Показательно, что в числе его студентов (а их всего было более 30 тысяч человек) входили и совершенно взрослые люди и даже старики: все приходили обмениваться мнениями и знакомиться с новыми идеями.

Виват, академия!

Университет в Падуе был также весьма престижным учебным заведением. Он был основан преподавателями и студентами, оставившими Болонский университет из-за конфликта с начальством в 1222 году. Во времена Кафрана в Падуе учились студенты со всей Европы, разделённые на «нации» (землячества) по месту происхождения. С 1339 года университет был разделен на два отделения (прообраз нынешних факультетов). Это Universitas Iuristarum, в котором преподавалось гражданское и каноническое право и богословие, и Universitas Artistarum, где преподавались астрономия, диалектика, философия, грамматика, медицина и риторика. В 1373 году папа Римский организовал еще Universitas Theologorum, который специализировался на богословских дисциплинах. Падуанский университет стал одним из центров науки эпохи Возрождения. Для адмирала Кафрана было очень важным еще и то, что университету в Падуе покровительствовала Венецианская республика, с которой он связывал будущее Кипра. Республика обеспечивала дух независимости от догматики. Интересны воспоминания русского путешественника, который описывает в XVI веке свои впечатления от медицинского факультета Падуанского университета: «В Падуе есть академия дохтурская великая, в которой бывает студентов по тысяче человек и болши. Приезжают в ту академию для дохтурских наук из розных государств многие честные люди. И бывает та академия заперта июня с первых чисел по сентябрь, и в те месяцы в той академии науки и действия никакова не бывает. Обыкность там о студентах имеют такую: которой студент науку свою дохтурскую скончит, того студента инспектор ево повинен взять за руку и водить ево в Падуе по всем улицам, а перед ними идут многие люди и кричат: «Виват!» И, короновав ево, дадут ему из тое ака-

деми от мастера ево лист о мастерстве ево и по обыкновению, как надлежит, из той академии ево с честью отпустят» (Орфография и пунктуация автором сохранена). Как правило, выпускника университета ждала прекрасная карьера. Вчерашние студенты становились писцами, нотариусами, судьями, адвокатами, прокурорами.

Фонд адмирала Пьетро ди Кафрана.

Но прежде надо было стать кандидатом в студенты. Адмирал установил, что претендентов отбирала комиссия из пяти человек. Критериями отбора студентов в XIV - начале XV веков были прежде всего яркость дарования к наукам и незаурядные способности к учебе. Приветствовалась знатность происхождения. В завещании говорилось, что необходимы были «природные способности, проявлявшиеся с детства, и способность мыслить». Указывалась и цель обучения: «Достичь вершины почета и величия с помощью учения и науки». Побеседовав и проэкзаменовав кандидатов, комиссия путем голосования делала свой выбор. Решение комиссии оформлялось специальным Актом, заверенным печатью. По приезду в Падую кандидат предъявлял Акт чиновникам, назначенным Фондом, которые опекали студентов, заботились о его проживании и учебе. Контроль за исполнением опекунских функций Кафран возложил на прокураторов (чиновников) республики Венеции. В архивах Падуанского университета сохранились имена кипрских студентов. Первыми лауреатами стипендии Кафрана стали юноши из знатных семей. Впоследствии студентами становились и простолюдины. Стать именным стипендиатом было весьма престижно. Однако, после 1570 года, после установления турецкого ига, студенты с Кипра перестали приезжать. У нас нет данных, что турецкая администрация запрещала киприотам учиться в Падуе,

но факт остается фактом. Несмотря на это фонд Кафрана просуществовал до 1772 года. Так как он не был востребован после 1570 года, его инкорпорировали в коллегия св. Марка. А историю Фонда Кафрана завершил Наполеон, который конфисковал деньги Фонда во время своей Итальянской кампании в пользу французской армии.

Забытое имя.

В заключении хотелось бы с сожалением отметить, что имя адмирала Пьетро ди Кафрана на Кипре совершенно забыто. Автор данного очерка о благородном поступке адмирала узнала из научной работы доцента исторического факультета МГУ Светланы Близнюк, которая изучила документы в архивах Генуи и Венеции. Хотелось бы выразить российскому ученому глубокую благодарность за интерес к истории Кипра и прекрасное исследование.



Глава восьмая

Бедный Янус



Это страница - одна из самых трагических в много-страдальной истории средневекового Кипра. На его землю пришел беспощадный и вероломный враг. Произошла битва, в которой победили мамлюки. Они оставили после себя руины прекрасных дворцов, поверженные крепости, слезы сирот и вдов. Тысячи пленников были уведены в Египет и среди

них кипрский король Янус, самый несчастный из европейских королей.

Принц Янус родился и рос в генуэзском плену... Боже, какое грустное начало у нашей повести. Ведь быть принцем – значит, иметь надежду стать королем. Но быть пленником – это потерять свободу и надежду на трон. А бедный Янус свободы не знал, ибо он, как мы уже сказали, в плену и родился. Адмирал Кафран, старый слуга отца, во время своих нечастых посещений Генуи, говаривал принцу: «Терпение, ваше высочество, терпение. Будет и на вашей улице праздник». В праздник верилось с трудом. Отца в конце концов генуэзцы отпустили домой, на Кипр, который Янус даже и не видел. После смерти его двоюродного брата Пьера II, бездетного короля Кипра, отца Януса провозгласили королем Кипра, Жаком I. А он, Янус, остался в

опостылевшей Генуе в качестве заложника. И находился он там до тех пор, пока старому Кафрану не удалось вызвать принца и привезти домой, на дотоле неведомый ему остров. Так начиналась история кипрского короля Януса...

В городе двуликого Януса.



Принца назвали Янусом в честь покровителя Генуи. Янус – божество дверей, входов и выходов, таинственных проходов. «Неужели однажды двуликий Янус не поможет найти мне выход из Генуэзской республики, и отыскать проход на родину предков, в неведомый, и оттого еще более любимый Кипр?» - так думал наш принц. Он не был одинок,

этот знатный пленник Генуи. Его свиту составляли благородные кипрские и генуэзские юноши, его крестным отцом стал генуэзский аристократ Антоний де Гоарко, с ним общались молодые отпрыски влиятельных семейств Фиески, Спинола, Дория, Гримальди. Кипрский аристократ Жан Бабин был его опекуном. Он же отвечал за образование принца. С ним занимались ведущие профессора. К своим 18-ти годам принц был блестяще образован: грамматика, математика, искусство, поэзия – все было ему ведомо. А любимым языком был греческий. Когда он слышал гордые звуки эллинской речи, когда сам читал по-гречески, то представлял себя в пурпурных одеждах византийского императора. И так ему хотелось быть королем свободного и славного государства, быть победителем. По-итальянски он говорил свободно, читал Боккаччо, с гордостью узнал, что великий поэт посвятил свою замечательную поэму «Генеалогия богов» его деду, великому королю Гуго IV. По-французски принц говорил с акцентом, поэтому опекун Жан Бабин укорял: «Не забываете, выше высочество, вы – франк. Вы - потомок крестоносцев, которые освободили Гроб Господень. И ваш предок был королем Иерусалима. Корона Иерусалима венчает главу и вашего батюшки». Юноша вздыхал и думал про себя: «Корона-то есть, а вот королевства нет, отобрали сарацины». Были Янусу разрешены прогулки по берегу Лигурийского моря, по улицам богатого города, в праздники он доходил до Порты Сопрано, городских ворот. Поднимался на видовую площадку. Но ощущение плена не покидало. Он жадно вглядывался в морскую даль. Ведь там, в морской синеве Средиземноморья, плывет по волнам времени его остров, заманчивый и недостижимый. А еще он хорошо знал, почему родился в плену.

Кипро-генуэзская война.

Все случилось еще до его рождения, но синьор Бабин столько раз рассказывал Янусу о той трагедии, что случилась на Кипре в 1372 году, что он прекрасно представлял день 12 октября, когда прозвучала грозная увертюра кипрской беды. В тот день в Фамагусте все готовились к коронации Пьера II де Лузиньяна. После церемонии в храме святого Николая ожидался роскошный прием гостей, рыцарский турнир и пышный бал. Великолепный праздник обернулся жестоким кровопролитием. Во время коронации в соборе Святого Николая венецианцы заняли место по правую сторону от короля, традиционно принадлежавшее генуэзцам. Последние громко выразили свой протест, однако конфликт удалось погасить. Во время последовавшего за коронацией пира произошла вооружённая стычка между генуэзцами и венецианцами, в результате которой были убитые и раненые. Недовольное засильем генуэзцев население Фамагусты стихийно вышло на улицы и начало грабить генуэзские склады, магазины, конторы и дома. Многие генуэзцы были убиты и ранены. Оправившиеся через несколько дней от шока генуэзцы потребовали от короля компенсации ущерба, возврата похищенных во время погрома финансовых документов и наказания виновных. Недолго думая, король, подстрекаемый опекунами, приказал арестовать всех генуэзцев, бывших на его коронации, обвинив их в том, что они явились на праздник с оружием. Король Пьер II, мальчик-подросток, конечно, не мог предвидеть, к чему приведет его неуместная гордость, а опекуны: королева - мать Элеонора Арагонская, дядя молодого короля Жак, отец Януса, и коннетабль (главнокомандующий) королевства, и принц Жан, - не оказались дальновидными. Впрочем, может быть, они рассчитывали на помощь Венеции, которая стала зачинщицей конфликта. Однако от

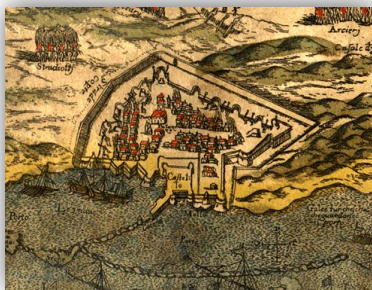
Венеции они помощи не дождались. Зато случилось неслыханное: в свое королевство пригласила интервентов королева Кипра Элеонора. Она давно мечтала освободиться от контроля братьев мужа, власть пьянила, сын, слабый и бесхарактерный был всецело в ее руках. И вот она обратилась к правительству Генуэзской республики за военной помощью, жалуясь на притеснения братьев мужа. Такая просьба – просто подарок для генуэзских правителей, которые только и мечтали захватить удобные для торговли кипрские порты. И вот уже весной следующего года к берегам Кипра подошла генуэзская эскадра. Ее командующий Каттанео, потребовал от кипрского короля уплаты компенсации ущерба размером в 350 тысяч дукатов и передачи Фамагусты под протекторат Генуи. Ничего не добившись, он начал грабить окрестности крепости. Кроме того, совершил грабительские рейды на Лимассол и Пафос, которые захватил и сжёг. В августе того же года к Фамагусте подошёл генуэзский флот в составе 36 галер под командованием адмирала Пьетро ди Кампофрегозо. Коннетабль королевства Жак нанес генуэзцам чувствительный удар, но не развил успех, а удалился в Никосию, где занялся укреплением государственной власти. Шестнадцатилетний король находился в то время с матерью в осажденной Фамагусте. Король Пьер II соглашается начать переговоры с Кампофрегозо в замке Фамагусты, однако во время этих переговоров генуэзцы вероломно захватывают замок, а после него и весь город. Король Пьер, королева-мать Элеонора Арагонская, дядя короля Жан и многие бароны королевства становятся пленниками генуэзцев. Генуэзские войска начинают захват острова. Попавшие в плен король и королева-мать сразу же выразили готовность к сотрудничеству с захватчиками, но были помещены под домашний арест. К концу 1373 года Кипр был захвачен.

Жак и Жан Лузиньяны: гибель и плен.

Когда Жана де Лузиньяна генуэзцы схватили и поместили в темницу, он сумел сбежать из плена, и укрепился в замке св. Иллариона на севере острова. Братья Жан и Жак решили сражаться против врага. Коннетабль Жак с семьей и вассалами из Никосии бежал Кирению, крепость на севере острова. Король, по наущению матери, малодушно приказал Жаку сдать крепость врагу, коннетабль гордо отверг капитуляцию. Братья не только оборонялись. Поддерживаемые населением острова они совершали успешные вылазки против врага. Жан де Лузиньян погиб. Поняв бесплодность своих атак, генуэзцы отступили от гор. За Лузиньянами, таким образом, осталась наиболее укрепленная северная часть Кипра с портом Кирении. И все же Кипрское королевство потерпело поражение. Ведь уже весь остров, кроме Кирении, был под контролем генуэзцев, а король и королева-мать были готовы признать власть Генуи на любых условиях. В октябре 1374 года было подписано кипро-генуэзское мирное соглашение. С того самого времени Фамагуста, морские ворота Кипра, принадлежала Генуе. (В результате подписания этого соглашения, король Кипра обязался в течение 12 следующих лет выплатить Генуэзской республике, в общей сложности, 4022400 золотых флоринов. Сумма совершенно неподъемная. Дядя короля Жак с семьей должен был пребывать в Генуе в качестве заложника и гаранта того, что кипрское королевство будет выплачивать репарации).

Мечты и планы.

Янус родился, когда его родители находились в плену.



После смерти Пьера II королю наследовал Жак Лузиньян, отец Януса. Он с супругой вернулся на Кипр, где и был коронован. А Янус оставался в неволе, разлученный с родными. Как это было обидно ему, наследнику престола, в чьих жилах

текла кровь Лузиньянов, защитников Гроба Господня. А как обидно было его отцу платить унижительные налоги Генуе. Принц горячо молился за отца и мать. Он беспрепятственно посещал собор святого Лоуренса, приставленный к нему генуэзский монах часто вызывал его на открытые беседы и внушал: «Киприотам необходим генуэзский капитал, королевская казна всегда пополнялась за счет торговых налогов. Генуэзцам, опытным мореплавателям и удачливым купцам, нужны кипрские порты. И вы, выше высочество, должны об этом помнить». Бывал Янус и на приемах во дворце дождей. Однажды он услышал разговор двух знатных генуэзцев: «Как покойный король Пьер обеспокоился, когда генуэзцы стали покидать Фамагусту! Приказал отсекал правую руку каждому своему подданному, кто притеснит генуэзца!» Гнев закипал в душе принца, но он сдерживал свои чувства, отвечая на учтивые поклоны хитрых генуэзцев, угадывая насмешку в их льстивых речах. Он думал: «О, надменный и коварный народ, вы мечтаете весь Кипр прибрать к рукам. Но этому не бывать, мне бы лишь добраться до кипрских берегов! Пер-

вое, что я предприму – отвоюю Фамагусту. Только бы вернуться».

Возвращение.

Приезд адмирала Кафрана – всегда была для принца радостью, а в этот раз радость особенная. Склонившись в учтивом поклоне, старый адмирал прошептал: «Ваше высочество, кажется, ваш плен завершен. Едем домой!» Впоследствии юноша узнал, что боевой соратник его отца заплатил геноуэцам выкуп из своих собственных средств. А пока высокий, красивый светловолосый принц стоял на корме галеры, уносящей его к кипрским берегам. Там, в порту Скалы его ждала счастливая встреча с отцом и матерью. Кафран рассказывал ему новости. Между прочим, лукаво улыбаясь, сообщил, что его история тронула немало сердец в Европе. Особенный интерес проявляют при дворе правителя Милана Бернабо Висконти, а у того подрастает дочь с красивым именем Англезия... Янус смущенно слушал адмирала, но больше интересовался положением дел на Кипре. Дядюшка Кафран тяжело вздыхал: «Ваше высочество, мы все в долгах...». Шел 1392 год.

В ожидании Шарлотты.

...Король Янус не поехал в Скалу, чтобы встретить свою невесту, французскую принцессу Шарлотту де Бурбон, хотя ему этого очень хотелось. Канцлер Кипрского королевства и сенешаль, распорядитель дворцовых дел, предложили ему и парламенту такую церемонию, которая предусматривала встречу жениха и невесты из Франции в Никосийском дворце Лузиньянов. Теперь он ждал гонцов, которые должны были прибыть с вестью о том, что корабли причалили в порту Скалы. Наверное, сейчас Шарлотта с палубы галеры с волнением вглядывается в морскую даль,

гадает, что ждет ее на кипрских берегах. Не так ли и он 18 лет назад, томимый неизвестностью, стремился на Кипр, ликовал, когда на горизонте показались голубые хребты Троодосских гор, а затем залив Скалы, городская крепость и колокольня монастыря св. Бенедикта, который стоял недалеко от пристани. Шесть лет он наслаждался семейным счастьем, в кругу родителей. Но в 1398 году с малой лодки королевского дворца Никосии глашатай провозгласил: «Король Жак умер. Да здравствует король Янус!» После смерти отца Янус был коронован коронами трех королевств: Кипра, Иерусалима и Армении. Титул звучал амбициозно и торжественно, но в реальности и Армения, и Палестина принадлежали египетским мамлюкам. И иерусалимской короной он не мог короноваться в Фамагусте, как это было принято у Лузиньянов. Коронация совершилась в Никосии, ведь Фамагуста была под властью генуэзцев. Все его помыслы были направлены на освобождение Фамагусты, чтобы сбросить ярмо бесконечных выплат, которыми его королевство было опутано, как цепями. Он и женился в 1400 году на Англии Висконти, дочери правителя Милана лишь потому, что Миланское герцогство успешно противостояло влиянию и экспансии Генуи. Увы, Англия оказалась бездетной. Парламент не мог позволить, чтобы у короля не было наследника, последовал развод. Миланцы обиделись, и помощь оказывать не собирались. Зато Венеция была готова к услугам, конечно, небескорыстно, под большие проценты король всегда мог занять деньги у Венецианской республики. Но сколько можно брать в долг?! Дважды он пытался отбить Фамагусту: в 1401 и 1404 г.г. Осада во второй раз продолжалась три года, впервые кипрское королевство применило артиллерию: у Венеции были закуплены пушки. Однако, генуэзцы были непоколебимы. Слава Богу, в 1410 году удалось отбить Лимассол... Ему

было 36 лет, законного наследника не было, как не было и надежных союзников, королевство было опутано долгами. Выплатить долги не представлялось возможным, оставалось еще и еще раз пытаться отбить важнейший для Кипра порт. Вот тогда-то и возникла кандидатура Шарлотты де Бурбон на брак с королем Янусом. Она была дочерью знатного французского аристократа, крестницей французского короля Карла VI. Ее брат Жан участвовал в крестовом походе против турок. Был храбрым и искусным воином. Одно это вызывало в королевской семье восхищение, все еще помнили победные походы короля Пьера I, дяди Януса. Второй брат невесты, Людовик, был камергером Франции. В случае брака с Шарлоттой Лузиньяны надеялись обрести сильного союзника, храбрых французских наемников. А еще было известно, что невеста считается самой красивой принцессой в Европе, умна, начитана, музыкальна и вообще обворожительна.

Первая встреча.

Их свадьба состоялась в 1411 году. Мы можем представить, как выглядели молодые. Мне доводилось видеть их изображение во Франции, в Вандомской часовне Шартрского собора. Это прекрасный парный витражный портрет. А еще есть фреска на Кипре, в селении Пирга в часовне св. Екатерины. И витраж, и фреска передают сходство супругов, словно перед нами изображение брата и сестры. Их брак был счастливым, но непродолжительным. Одиннадцать лет спустя, оставив мужу малолетних детей, королева Шарлотта скончалась во время эпидемии чумы, которая посещала Кипр в средние века не единожды. Может быть, это и к лучшему, что будущего нам знать не дано. Кто же в 1411 году мог представить, что ждет эту счастливую и красивую пару в будущем?! Шарлота всегда с особым

волнением вспоминала свою первую встречу с Кипром. В порту Алики (так тогда называли прибрежную часть Ларнаки) будущую королеву и ее свиту торжественно встречали сенешаль и канцлер королевства, знатные кипрские бароны и рыцари. Они сопровождали свою будущую королеву до самой столицы. По пути ей показывали королевские дворцы, окруженные садами, живописные холмы, оливковые рощи. Недаром философ Никифор Григора писал: «Земля Кипра и приветлива, и светла, и приносит радость не только телу, но и душе». Принцесса полюбила Кипр и это была любовь с первого взгляда. Наконец, путешественники прибыли в Никосию. Огромное впечатление на французскую принцессу произвел королевский дворец. Королевская гвардия выстроилась в почетном карауле в ожидании гостей из Франции. На лоджии дворца стояли фанфаристы, которые встретили кортеж торжественным звуком фанфар. Открылись «Гран порта» - великие ворота дворца - и кареты въехали во внутренний двор. На лестнице, ведущей в тронный зал, гостей встречали братья короля Эд и Филипп Лузиньяны, занимающие высокие посты в королевстве. А король встречал невесту, восседаая на троне. Впрочем, он поднялся, чтобы поприветствовать Шарлотту. Ей показали дворец, его роскошные покои, увидела она и пока пустующие покои королевы, украшенные гобеленами, зеркалами, прекрасными картинами. Французы перешептывались: «Да здесь не хуже, чем в Версале». А Шарлотта изредка бросала смущенные взгляды на красавца-короля и смущенно улыбалась. Было видно, что король и принцесса понравились друг другу.

На кипрском троне.

Шарлотта прибыла на Кипр в сопровождении целого эскорта певцов, поэтов и композиторов. При дворе кипрских

королей музыку тоже очень любили. И королевский менестрель запел старинную песню на слова французского поэта Гильома Кобестаня:

«Когда впервые вас я увидел,
То, благосклонным взглядом награжден,
Я больше ничего не пожелал,
Как вам служить – прекраснейшей из донн.
Вы, Донна, мне одна желанной стали,
Ваш милый смех, и глаз лучистый свет
Меня заставили забыть весь свет».

С тех самых пор эта песня стала самой любимой и супруги ее часто певали вместе по аккомпанемент лютни, играть на которой молодая королева была мастерицей. Шарлотта украсила Кипр своим недолгим посещением. Она, словно солнечный луч, блеснула на темном небосклоне кипрской истории, омраченном проигранной войной и неудавшимися военными походами, потерей части территории и наиболее доходных отраслей экономики. Кипрский королевский двор обогатил европейскую музыкальную культуру. Спустя годы, когда Янус будет выдавать замуж за графа Женевского свою дочь Анну, ей в приданное будет дан целый сборник чудесных мелодий светской и духовной музыки, в том числе и органные концерты. В королевском дворце стоял прекрасный орган.

Морские пираты.

Став королевой Кипра и матерью шестерых детей, Шарлотта много увидела и поняла. Ее муж не жалел сил, чтобы вернуть Кипрскому королевству былой блеск и прежнюю славу. Гостям королевства он стремился продемонстрировать изысканность и пышность двора. Однако реальность была далеко не столь благостной. Отношения с Генуей бы-

ли весьма прохладными, всегда на грани вооруженного столкновения. Еще одной головной болью были каталонские пираты. Они избрали прибрежные кипрские острова своей базой. Нападали пираты и на мусульманские корабли, и на европейские. Глядя на них, некоторые киприоты тоже стали заниматься рискованным, но весьма прибыльным делом: грабежом. Король старался не замечать пиратские рейды, может быть, надеялся подчинить себе пиратов, чтобы использовать их в операции по возвращении Фамагусты. Но пираты вышли из-под контроля. Стали грабить египетские корабли и захватывать многочисленных пленников. Султан Египта Аль-му-Айяд предложил Янусу положить конец пиратству и подписать мирный договор. Но ситуация и после подписания соглашения оставалась опасной и была весьма шаткой.

Двойной портрет в капелле святой Екатерины.



Королева Шарлота разделяла все тревоги мужа. Были и семейные печали. Она родила близнецов, которые умерли сразу по рождении. Правда, в те времена дети умирали во младенчестве часто. Они очень ждали наследника и дождались. В 1418 году Шарлотта порадовала супруга рождением наследника. Мальчика назвали в честь деда – Жаком

(он пережил мать на четыре года). Наследником, а затем и королем Кипра, стал второй сын Януса и Шарлотты - Жан). Блеск двора не затмевал духовных устремлений. Супруги совершали паломничества к святым местам Кипра. А однажды, по дороге в Ставровуни, они остановились в селении Пирга. И так им понравилась местность, невысокие холмы, звенящие ручьи, сосновые леса, обилие цветов. В тот погожий ноябрьский день был праздник св. Екатерины. Супруги решили в Пирге построить капеллу в честь любимой святой. В капелле у Распятия они заказали художнику изобразить их двойной портрет. И сегодня различимы их фигуры на стене часовни. Смиренные, кающиеся, словно предчувствующие скорую разлуку, и надежду на встречу в Царствии Небесном. И в этом была правда жизни. Но была и иллюзорная мечта. Они изображены в роскошных пурпурных одеждах так похожих на одеяния византийских императоров. Мантии с золотыми полосами, растительным зеленым узором. Супруги в королевских коронах, украшенных драгоценными камнями. На королеве изысканная вышитая пурпурная туника. В этой же тунике и хоронили молодую королеву в 1422 году в усыпальнице королей династии Лузиньянов в аббатстве св. Доминика в Никосии.

Черная смерть. Безрассудность и отчаяние.

Эпидемия чумы случилась в первой половине XIV века. Корабли, идущие с востока, в своих трюмах завезли в Европу черных крыс, разносчиков страшной болезни – чумы. Зараза распространялась мгновенно. Кипр – форпост Европы на востоке. Остров принял первым удар эпидемии. От чумы умерла молодая королева. Старшему сыну было восемь, крошке Мари не было и двух лет. За год до этой утраты, король похоронил еще и свою мать. Эти потери

сломили короля. И его тяжелое психологическое состояние не могло не отразиться на политике государства. Она приобрела черты безрассудства и отчаяния. В 1422 году по приказу короля был захвачен корабль, посланный султаном Египта с подарками турецкому султану Мураду II.

Ярость Барсбей и битва при Хирокитии.

Султан Египта Барсбей нервно ходил по залу приемов. Солнце огненным шаром закатилось, осветив золотыми отблесками минареты дворцового квартала. Из окна были видны узорчатые башни дворца, но не радовала красота дворцовых покоев султана. Барсбей был султаном мамлюков, они гордился, что его имя было созвучно с именем первого султана-мамлюка Бейбарса, недаром носившего титул Маликаз-Захира («Победителя»). Барсбей считал, что быть мамлюком – это особая честь. Пусть по-арабски «мамлюк» значило «принадлежащий». Те времена, когда мамлюки были рабами, давно прошли. Их корни – далеко от Египта, ведь первые мамлюки были военной гвардией, формировавшейся из пленных христианских мальчиков, черкесов, родина которых Кавказские горы. В 50 годы 13 века черкесские мамлюки добились власти в Египте. Они построили свое государство, государство военных со строгой дисциплиной. Их отличала необычайная энергия и военное искусство. Им удалось разбить монгольские орды. В мусульманском мире их слава была неоспорима, слава покорителей мусульман и неверных, среди которых числились и христиане-франки. Именно они были причиной плохого настроения султана. Он раздраженно спросил эмира Тагриберды:

-Скоро ли?

-С минуту на минуту, светлейший,- склонившись в низком поклоне, отвечал эмир.

Действительно, не прошло и получаса, как сахид-берид (начальник гонцов) доложил, что привезли сирийских беглецов. Их ввели в зал приемов, при виде султана мужчины повалились ему в ноги. Эмир стал задавать вопросы, сирийцы сбивчиво отвечали. Чем больше подробностей узнавал Барсбей, тем больше хмурился. Было заметно, султан гневается. А беглецы говорили:

-Кипрские пираты напали на наш берег. Ими руководили знатные люди.

- Мы выяснили, светлейший,- вставил эмир,- это были байло Лимассола Филипп де Пиккини и комендант крепости Алики Жан Газел.

Беглецы продолжали:

- Нам удалось бежать на рассвете, вплавь добрались до берега, остальных увезли на Кипр.

Султан яростно вскричал:

- Сначала захватили корабль с подарками, теперь взяли моих подданных в полон. А что же король Кипра, принес ли нам объяснения, повинился?

- Нет, превосходнейший, - отвечал эмир.- Франки нарушают договор, который сами подписали в 1414 году.

Султан сурово произнес:

- Что ж, эмир, вот мой приказ: арестовать всех европейских купцов в Сирии и Александрии. Наша месть будет беспощадной.

Заметим: то, что мамлюки разрозненными группами то и дело нападали на кипрские берега, убивали киприотов, грабили имущество и похищали людей – султана несколько не волновало.

Разведка боем.

В августе 1425 года султан отдал приказ начать военные действия. Вначале корабли султана направились к берегам

Фамагусты. С удивлением мамлюки увидели над крепостью развивающийся флаг своего султана. Причем, флаг мамлюков (белый полумесяц на золотом фоне) был выше флага Генуи и казался особенно ярким на фоне ослепительного синего неба. На ладьях прибыли к кораблям должностные лица Фамагусты. Речи генуэзцев были льстивы, подарки приятны. Поэтому свои корабли мамлюки отвели на южное побережье острова. Войска мамлюков высадились на берег, начались военные действия от Ларнаки до Пафоса. Ларнака была сожжена, Лимассол разграблен. Исследователи выяснили: «Королевская армия практически не оказала врагам никакого сопротивления. Многие киприоты были взяты в плен. Их продали на египетских рынках. Выручка от продажи, если верить арабским авторам, составила 18800 динаров». Почему королевская армия не оказала никакого сопротивления – остается только гадать. Целью мамлюков в августе 1425 года были не только пленные, это была разведка боем. И она показала со всей очевидностью слабость Кипрского королевства, неспособность противостоять внешнему нападению.

Письмо шейха.

Когда на Кипр с письмом от шейха Дамаска прибыл его единственный сын, то его встречали совсем не так, как почетных гостей из Европы. Без промедления доставили в Никосию, показав разрушительные следы мамлюкских нападений. Король Янус встретил посланника весьма сурово. Чтение письма рассердило короля. В письме, написанном по поручению Барсбея его духовным наставником шейхом, Янус обвинялся в нарушении мирного договора. Была в письме и угроза: «Возьмите, ваше величество, карту мира. Взгляните на владения блистательного Султана мамлюков. Его владения, его богатство, сильная армия намного

превосходят все, чем владеете вы. Смиритесь, иначе Кипр будет завоеван великолепным Барсбеем». Казалось бы, предостережение должно было, по крайней мере, насторожить кипрское правительство. Вместо этого Янус и его приближенные сделали неверный вывод: «Послал ходатаев, хлопочет, значит, боится нас. Смиряться мы не собираемся», - так думал Янус, презрительно оставив письмо шейха без ответа. И все же он обратился за поддержкой к Милану и Венеции, но отовсюду получил вежливый отказ.

Хирукития.

Есть на юге Кипра селение Авдиму. В июне 1426 года его жители увидели у своих берегов то, что вселило в них ужас. Сотни галер под флагами султана приближались к кипрским берегам. Вел их эмир ибн-Тагриберды. Причалив, эмир тотчас же послал письмо к королю Янусу в Никосию с последним предложением о мире. В Никосии послов пытали и казнили. Дорого обошлась Янусу и его приближенным эта самоуверенность. Из-за нее пострадал и народ Кипра. Но в тот момент король не хотел, и думать о возможных последствиях. Его дерзкое поведение сейчас трудно объяснить, только во главе отряда из 1600 рыцарей он двинулся навстречу врагу, за рыцарями шла пехота. Пока они двигались, мамлюки разграбили Лимассол, и вышли навстречу королевской армии. Стояла небывалая жара. Передовой отряд мамлюков, элитная конница султана двигалась в свободном порядке, изнемогая от жажды и зноя. Стремилась мамлюки к Никосии, где и ожидали встретить королевские войска. Неожиданно встреча произошла при Хирукитии. Мамлюки не стали ждать, пока к ним присоединятся основные войска. С криками «Аллах акбар!» они бросились на королевскую армию. Киприоты несколько отступили, но продолжали сопротивление. В те времена

Хирукития была владением рыцарей – госпитальеров. Король послал гонца с призывом о помощи, но госпитальеры проигнорировали королевскую мольбу. Между тем, к мамлюкам подошли основные силы. Увидев, как на них надвигается грозная туча врагов, киприоты бросились бежать. Отчаянная попытка короля остановить бегущих ни к чему не привела. Мамлюки окружили армию Януса, многие погибли, в том числе и брат короля. Янус был ранен и схвачен врагом. Победив в Хирукитии, египетская армия вступила в поход, и вскоре столица Никосия пала без сопротивления. Жителям мамлюки коварно пообещали безопасность, предложили заниматься своими обычными делами, но тут же стали поджигать город, убивать стариков, женщин и детей. Многие были схвачены и увезены в плен. Прекрасный дворец Лузиньянов был безжалостно сожжен.

Триумф Тагрибиды.

Эмир Тагрибиды с триумфом возвращался в Каир. В процессии победителя ехал верхом на муле с непокрытой головой босой с обнаженной спиной несчастный пленник, Янус Лузиньян, на глазах которого волокли по земле поверженное знамя его королевства. После публичного унижения за пленного монарха султан потребовал огромный выкуп: двести тысяч дукатов. Кипр становился данником султана, и пять тысяч дукатов должно было королевство платить ежегодно. Кроме того, отныне каждый новый король должен был получать одобрение египетского султана. Европейские государства собрали необходимую сумму, чтобы выкупить бедного кипрского короля. Через десять месяцев Янус вернулся на Кипр надломленным и больным. Он умер через шесть лет, успев озаботиться судьбой своего наследника, сына Жана. Он даже приискал ему невес-

ту, польскую принцессу Ядвигу. Но это, как говорится, совсем другая история

Иллюстрации.

**Король Янус и королева Шарлотта (витраж в Вандомской капелле Шартрского собора (Франция)- стр.118*

**Панорама Генуи (средневековая миниатюра)- стр.119*

**Фамагуста, План города (средневековая миниатюра)- стр.124*

**Король Янус и королева Шарлотта (фреска XIVвека в королевской часовне в д. Пирга (Кипр)- стр.130*



Глава девятая

Палеологины

«Ах, королева, вопросы крови – самые сложные вопросы в мире! Есть вещи, в которых совершенно не важны ни словесные перегородки, ни даже границы между государствами».

(М.С. Булгаков «Мастер и Маргарита», глава «При свечах»).

Палеологи и Палеологини.



Династия последних византийских императоров принадлежала к очень известной греческой фамилии, давшей Византии немало энергичных и даровитых людей. В 1204 году во время четвертого крестового похода латиняне захватили Константинополь, земли Византии были поделены между феодалами Западной Европы.

Основателю династии Михаилу Палеологу принадлежит честь изгнания крестоносцев из Константинополя в 1261 году и воссоздания Византийской империи. Рассвет царствования Палеологов окружен блеском, радостью национального торжества. Из долгой борьбы греческая нация вышла не раздавленной, но сплоченной. Православная Церковь, вынесшая на своих плечах борьбу, стала еще более родной и дорогой. Два столетия оставалось цвести золотой Византии. Закат царствования Палеологов – трагичен. При защите столицы империи во время штурма города турками (1453 г.) последний царь ромеев Константин Па-

леолог погиб с оружием в руках. Эта была самая продолжительная династия на протяжении всей Византийской истории. В начале царствования Палеологи прилагали энергичные усилия, чтобы вернуть утраченные земли. Такой землей был в первую очередь полуостров Пелопоннес, который назывался в ту эпоху Мореей. В этой земле и родилась наша героиня. Она была внучкой императора Мануила Палеолога и его супруги Елены, славянки из Сербии.

Дочь деспота Морей.

Девочку звали Еленой. Мистическое имя для земли древней Спарты. И, как положено, Елена ждала своего Париса, который бы увез ее за высокие горы и синие моря. Правда, город, в котором она росла, назывался не Спарта, а Мистра. Однако, дочь правителя Морей, деспота Феодора, хорошо знала историю своей земли и своего народа. На Пелопоннесе начиналась история великой Эллады. Здесь творил Гомер, Солон создавал свои мудрые законы, кипели споры в Афинском собрании, была пролита кровь в Маратонской битве, блистал век Перикла. Здесь зажегся светильник европейской цивилизации. А когда Святой Дух коснулся души эллинского народа, этот светильник преобразился в Светоч, который воссиял чистым пламенем. Историю древней Греции она постигала на уроках учителя, мудреца Плифона, которого в семье деспота уважали и горячо любили. Мудрец Плифон часто бывал при дворе деспота, куда приглашались выдающиеся поэты, музыканты, ученые. И центром этого блестящего высокоинтеллектуального общества была мать Елены, деспотисса Клеопа Малатеста, урожденная итальянская принцесса. С замечательной красотой деспотисса сочетала высокие нравственные качества. Будучи католичкой, она вскоре перешла в православие, стала любимицей всех жителей Морей. Пра-

вославная вера вошла в душу ее дочери Елены с рождения, ведь супруг деспотиссы, отец Елены Феодор, тоже был склонен к занятиям богословием, и даже одно время подумывал о том, чтобы принять монашество. Дед Елены, император Византии Мануил, глубоко изучал Священное Писание, за два дня до смерти он постригся в монахи с именем Матфей.

Вот в такой обстановке протекала детство маленькой Елены. Не в обычаях семьи Палеологов было воспитывать дочерей затворницами. Византийские принцессы всегда славились своей образованностью, великолепными манерами, тактом, дипломатичным расчетом. И еще женщинам рода Палеологов была присуща внутренняя свобода. Этот был тот византизм, которому выучиться было невозможно, но можно было обрести лишь при царском дворе. Двор же деспота Морейского не уступал царскому.

Увы, детство царевны Елены не было безоблачным. Когда дочери едва исполнилось десять лет, умерла Клеопа Малатеста. Образ матери, нежной, кроткой, преданной, уважительной дочь сохранила на всю жизнь в своем сердце. С ее смертью блеск двора деспота померк, да не только в светском блеске дело. Господь определяет людям жить на своей земле в разные эпохи: кому - в период подъема, кому - в период упадка, а некоторым - в трагичный период падения. Византия приближалась к своему концу, православная Атлантида погружалась в пучину. Черная турецкая туча надвигалась неуклонно, Византийская империя была обречена. И это не могло не отразиться на внутреннем мире людей, для которых Византия была Родиной. Человеку свойственно надеяться на лучшее, верить и мечтать. Особенно, когда тебе шестнадцать лет, и так хочется любить и быть любимой. Своего Париса Елена дождалась. Действительность даже превзошла ее девичьи ожидания: он оказался

не принцем, а королем! Звали его Жан, Иоаннис по-гречески. Король Кипра Жан Лузиньян уже был женат на девушке из рода Палеологов, младшей ветви царской семьи. Два года назад его супруга умерла, за это время случился у него роман с красавицей - гречанкой Мариеттой, и она родила королю сына Якова. На свадебном пиру во дворце Лузиньянов в Никосии до чуткой Елены донесся шелест слов: «Яков – бастард». Оставалось только смириться. Знала бы королева, какую роль сыграет в ее дальнейшей судьбе Яков, когда станет взрослым. Ей выпал жребий быть супругой человека доброго, мягкого, слабовольного. Юная королева приступает к государственным делам. При этом она демонстрирует недюжинные способности. В течении шестнадцати лет она участвовала в управлении страной так успешно, что ей было доверено возглавлять верхнюю Палату законодательного собрания Кипра.

Как причудливо порой тасуется колода карт судьбы! Судьба Елены Палеолог на Кипре – это судьба ее матери Клеопы в Морее наоборот. На этот раз православная королева правит в стране, которая принадлежит католикам с 1192 года. На королевском гербе Лузиньянов - короны Армении, Иерусалима и Кипра. Генеалогическое древо рода Лузиньянов украшают имена знатнейших семейств Европы. Однако за пышным и нарядным фасадом нетрудно было разглядеть глубокие трещины, неустроенность. В то время как поколение за поколением кипрские короли бесплодно стремились вернуть себе земли Иерусалимского королевства, расчетливые венецианские и генуэзские купцы прибирали Кипр к своим рукам. И незадолго до приезда Елены король Жан с большим трудом при помощи Римского папы откупился от Египетского султана, который не раз совершал на Кипр опустошительные нападения.

«Самая мужественная и преданная».

В маленькой византийской церковке старый монах тихо говорит с королевой Еленой. Он рассказывает ей о святой царице, чье имя носит правительница Кипра. «Какой она была?»,- спрашивает Елена. Монах говорит; «Она всем помогала, каждый день творила добрые дела». Ей кажется, что старец мог видеть святую Елену, такой он старенький, согбенный под тяжестью лет. Церковь в предгорьях Троодосских гор тоже очень древняя. Елена – имя судьбоносное для Кипра. Королева чувствовала, что Бог привел ее сюда, чтобы защищать православие. И она это делала. Она видела умаление православной церкви на Кипре, переживала так, как переживает любой православный человек, видя страдания своей матери. Можно многое рассказывать о том тяжком периоде в истории Кипрской Православной Церкви, которому Елена Палеолог была свидетельницей. Но пусть говорят документы:

«Большое количество католического духовенства прибыло на Кипр. Католическая церковь стремилась через суровую и фанатичную политику латинизировать коренное православное население. В дополнение к издевательствам, преследованиям, репрессиям и различным ограничениям, которым с самого начала подвергли Кипрскую православную церковь папские завоеватели, жесточайшие меры были предприняты к кипрским православным монастырям». Это строки из книги «Монастырь святого Креста», написанной насельниками обители Ставровуни. Святая Елена старалась помочь православному народу страны, и благодарила Господа, что муж-король ее не препятствовал ей, видя, что украшения, балы, блестящие приемы не являются в жизни Елены главным. Был у нее и союзник в нелегкой работе, ее сводный брат Фома, который служил при дворе короля Жана. Возник план у королевы возвысить его до карди-

нальского звания. Тут вознегодовал сам папа Римский. Не складывались отношения со Святейшим престолом у Елены, также когда-то и мать ее, католическая принцесса Клеопа, вызвала ярый гнев папы, перейдя в православие, став женой православного деспота Мореи. Между тем, у королевской четы родилась дочка Шарлота. Малютка была смышленным и подвижным ребенком, обещала быть красавицей. Впоследствии ее портрет будет увековечен на стенах Сикстинской капеллы. Подрастала дочка, подрастал и незаконнорожденный сын короля Жана Яков. Тревожные мысли о будущем дочери стали одолевать Елену. Яков не любил мачеху. Энергичный, одаренный юноша был обожаем отцом. Заговорил голос крови, заглушая доводы разума: «Удали своего бастарда!», - однажды властно бросила Елена резкие слова в разговоре с мужем. Но тут, всегда мягкий и податливый, король не только не подчинился своей умнице жене, но возвысил сына. Молодому Якову доверили финансовые дела архиепископии. Он приобретал все больший вес при дворе кипрского короля. Хотя катастрофы ждали, черный май 1453 года был внезапным, как удар грома. Пал Константинополь. Дядя Константин, последний император ромеев, был убит. Все померкло. Отступили на какое-то время все мелкое и суетное перед великой трагедией, обрушившейся на ее народ. Елена никогда не чувствовала себя так близко к православию, к простым людям. Она организовывала помощь беженцам, которые хлынули на Кипр. Ей так нужны были соратники и единомышленники. Где человек в первую очередь ищет сочувствия и помощи в трудную минуту? Конечно, в семье. Увы, она была одинока. Шарлота вышла замуж за внука португальского короля. Блестящий брак не порадовал Елену, в зяте она нашла фанатичного католика, который не только не проявлял сочувствия к трагедии, кото-

рую переживал народ острова, будучи народом греческим. Зять позволял себе дерзкие выпады против православной веры, был дерзок и неуважителен. Разразился скандал и вскоре молодая чета покинула дворец. Через некоторое время португальский принц, муж Шарлоты был найден мертвым. В убийстве принца был обвинен брат Фома, который был опорой и надеждо Елены. Вот тут-то Яков смог взять реванш, и отомстить ненавистной мачехе за все унижения, которые выпали на его долю, долю бастарда. В Шарлоте он нашел союзницу, ее настроили против матери. С Фомой жестоко расправились. Все это подточило силы королевы. О ее кончине, и о кончине ее мужа можно сказать, перефразируя известное выражение: «Они были несчастливы, и умерли почти в один день». Как между Шарлоттой и Яковом началась война за корону, как Яков стал мужем венецианки Екатерины Корнаро, и умер при весьма загадочных и подозрительных обстоятельствах, - Елена не увидела. Ее земная жизнь завершилась вместе с гибелью Византии. С грустью вновь перелистываю страницы несуществующей повести под названием «Жизнь Елены Палеологини». Какой прекрасный женский характер, цельный, сильный, способный на самопожертвование. Сколько не реализованных возможностей. Промысел поместил эту удивительную женщину в кипящий поток страстей, в хитросплетения интриг, неутоленных амбиций. Что ж поделать, эпоху не выбирают, в ней живут. Перед мысленным взором проходит галерея кипрских королей из династии Лузиньянов. Неясны черты большинства из них, память стирает воспоминания о кипрских королях. Но прекрасное и звонкое имя доносится до нас из далекого XV века: Елена Палеологиня. «Благородная византийская царица, королева Елена была самой мужественной личностью кипрской истории. Она была мудрой, имела глубокий и острый

ум. Она всей своей душой была предана православию», - так сказал о ней видный кипрский историк Клеантис Георгиадис.

Иллюстрация:

**Елена Палеолог с дочерьми Шарлоттой и Клеофой.
Деталь фрески в церкви Архангела Михаила,
деревня Педулас, Кипр- стр. 138*



Глава десятая

Игры вокруг престола

Главные героини этой повести две королевы Кипра Шарлотта Лузиньян и Катерина Корнаро. О Катерине, супруге незаконнорожденного короля Якова II, написаны книги, ее портреты писали великие художники, о ней создавались поэтические строки и музыкальные произведения. А вот титулярная королева Кипра Шарлотта всегда оставалась в тени. Образ Шарлотты привлек меня не только трагизмом ее судьбы, ее имя оказалось мне близким, и вот по какой причине. Есть у меня четыре внушки, и самую младшую ее английский папа назвал в честь своей любимой бабушки Шарлоттой. Наша Шарлотта еще совсем малышка. Но, я надеюсь, когда она вырастет, прочтет эту повесть, и ее представление о европейской истории станет более глубоким. А еще, может быть, судьба Шарлотты Лузиньян поможет моей внучке, как и всем читателям повести, правильно выбирать жизненные приоритеты.

Пассажирка.

В Остии много памятников минувшему, напоминающих о величии древнего Рима. Но не до памятников было моей героине. Здесь, в устье Тибра она оказалась в 1478 году, чтобы отправиться в путь на Восток. Путешествие в Александрию не радовало и не сулило особенных надежд. Это была ее последняя попытка. Все остальные были безуспешны. Лицо женщины было прикрыто вуалью. Но капитан был, безусловно, извещен о том, какая высокородная пассажирка будет совершать путешествие в Египет на его галере. Бывалый генуэзец, старый морской волк, склонил-

ся в церемонном поклоне, а пассажирка в сопровождении небольшой свиты быстро прошла в отведенную ей каюту, едва отвечая на приветствие капитана и команды. Во всем облике женщины чувствовалось напряжение. Один из купцов, который тоже плыл на корабле, сказал своему попутчику:

- Джованни, ты знаешь, кто с нами плывет? Это ведь кипрская королева Шарлотта.

Тот, кого называли Джованни, усмехнулся и саркастически произнес:

- Королева без королевства.

Пассажирка, а это и была кипрская королева, услышала слова купцов, и, едва закрылась дверь каюты, рухнула на мягкую тахту, которая занимала почти все пространство каюты. Служанки начали распаковывать вещи, необходимые в пути. Между тем, капитан подал сигнал, был поднят якорь, гребцы взялись за весла. Галера покидала гавань Остии. Дул попутный ветер, были распущены паруса и корабль полетел по волнам навстречу Александрии.

По волнам памяти.



Для Шарлотты не слишком дальний путь был одним большим воспоминанием. Все время пути королева была во власти дум о прошедшем. Горечи добавляло и то, что морская дорога должна была пройти вблизи кипрских берегов. Когда-то ее предок, король Пьер Лузиньян, плыл в Александрию во главе армады кораблей, совершая крестовый поход на Египет. Поход оказался победоносным, мамлюки вынуждены были платить дань Кипрскому королевству. И вот

не прошло и ста с небольшим лет, и она, королева Кипра, Армении и Иерусалима, плывет в столь ненавистную ей Александрию, чтобы униженно просить помощи у султана. Семнадцать лет назад королева покинула свою отчизну, солнечный Кипр. Покинула не по своей воле. Тогда султан не поддержал ее, помог египетский властитель ее сводному брату, бастарду Якову. А она, законная королева, потеряла Кипр.

Разговор о Кипре.

Горестные размышления были прерваны, доложили о приходе капитана. Капитан отвесил церемонный поклон и осведомился, всем ли довольна королева, не нужно ли чего ее величеству. Вместо ответа королева спросила:

- Синьор капитан, вы давно были на Кипре?

Генуэзец понимающе вздохнул и ответил, тщательно подбирая слова:

- Теперь мы бываем там нечасто. Все привилегии ваш брат передал венецианским торговцам.

Шарлотта перебила:

- Не брат, а бастард и самозванец.

Капитан вновь склонился в поклоне и поправился:

- Бастард Джакомо изгнал нас, генуэзцев, нарушая все договоренности. Но слухами земля полнится. И о Кипре я Вам готов рассказать. Что интересует Ваше величество?

- А что слышно о венецианке?

Капитан прекрасно понял, что королева завела речь о вдове ее сводного брата Екатерине Корнаро, которая была коронована после странной смерти мужа и ныне правила на Кипре.

- Кажется, она уже немного утешилась после смерти мужа и маленького сына Ги. Если в первые годы своего правле-

ния Катерина еще жаловалась на недостаток власти, то затем свыклась с этим и стала довольствоваться громким королевским титулом и высокими доходами. Она ведет настолько роскошную жизнь, что посетившая ее мать, родственница императоров Трапезунда, была просто поражена богатством дочери.

- Кто же правит действительно на Кипре?

- Говорят, что при королеве безотлучно находится некий предсказатель и два венецианских вельможи, они и управляют Кипром. А ими управляет венецианский дож.

- А что же мой народ?

- Народ... народ на Кипре своеобразный. Кажется им все равно, кто ими правит. Слышал я от своих приятелей, что сейчас на Кипре на всех зданиях на башнях дворцов развиваются флаги не только королевства, но и Венеции. Так сказал, а сам подумал: «А что народу остается делать. Не все равно, кому налоги платить. Ну попытались кипрские крестьяне вскоре после смерти сына Катерины в 1474 году поднять восстание с целью провозгласить королем графа де Руха. Только заговор был раскрыт, а графа подвергли заключению в Венеции».

-Наш остров столь прекрасен, что стал яблоком раздора, все жаждут владеть Кипром: венецианцы и испанцы, мамлюки и турки, и только законной королеве нет там места, - проговорила королева с горечью.

Качка стала усиливаться, капитан, извинившись, поспешил покинуть свою высокородную пассажирку, чтобы встать у руля галеры.

Роковая Мариэтта.

Перед отъездом до Шарлотты дошли вести о женщине, одно упоминание о которой заставляло королеву содрогнуться. Ее имя, Мариэтта де Патрас, было королеве ненавист-

но. Так вот и Мариэтта, мать бастарда, была изгнана из Кипрского королевства вместе с его детьми. Четверо маленьких племянников - они дети бастарда, но при некоторых обстоятельствах и они — кандидаты на трон, в их жилах хотя бы капля крови Лузиньянов, а у венецианки Катерины и этой капли нет. А вот стала королевой. Однако мысли Шарлотты вновь унеслись в Падую, где и поселилась Мариэтта. Нашла покровителей и называет себя королевой-матерью. Какая неслыханная дерзость! В Мариэтте видела Шарлотта корень зла, которое разбило ее мечты и планы, убило ее первого мужа и сына. Мысли о прошлом вновь захватили Шарлотту, она не могла забыть хотя бы коротким сном. Воспоминания теснились в голове, в воображении вновь предстал Кипр, любимый дворец, ее девичьи покои. Она была принцессой, любимой и единственной наследницей, ибо ее младшая сестренка Клеопа умерла в младенчестве. Правда еще в детстве узнала принцесса, что у нее есть брат. До женитьбы на матери Шарлотты ее отец, король Иоанн, имел связь с красавицей гречанкой Мариэттой, которая родила от короля сына Якоба. Знала юная принцесса и то, что брат Якоб, как бы не настоящий, незаконнорожденный. Он был на шесть лет старше Шарлотты. Рос красивым, высоким. Был спутником отца на охоте, стрелял из лука лучше всех рыцарей. Отец любил своих детей, ласкал обоих. Но принцесса рано поняла, что со временем она станет королевой Кипра, а вот Яков королем никогда не будет, ибо он бастард. Это слово часто произносила мать Шарлотты королева Елена. Воспоминания о матери были противоречивыми. Елена по-своему любила дочь, выучила ее греческому языку. Рассказывала ей о золотой Византии. Брала королева свою маленькую дочь и на православные службы. Впрочем, при дворе многие были этим недовольны. Королева была православной,

муж – правоверным католиком, что не мешало им жить дружно. Отец был слабохарактерным, мать обладала сильной волей. Но в одном отец никогда не уступал. Когда дело касалось Якоба, Иоанн был непреклонен, окружая сына почетом, подарками, искренне любя его. Шарлотта тогда не испытывала ревности, даже любила старшего брата. Это не радовало Елену. Девочка замечала, что любой разговор о Якове раздражает мать, всегда добрую и приветливую. А однажды принцессе позволили присутствовать на балу, и в толпе гостей она увидела женщину, лицо которой скрывала легким облачком вуаль. Но под вуалью можно было увидеть повязку, которая закрывала часть лица. По залу прошелестело: «Мариэтта-коммутена». Шарлотта знала греческий. «Коммутена» - значит, «отрезанный нос». Но почему так называли эту странную женщину? Вскоре одна из служанок рассказала девочке, что на балу тогда появилась мать Якоба Маритэтта де Патрас. Недавно на нее напали и нанесли ей раны, изуродовавшее ее лицо. Позднее до девочки дошли слухи, что в этой расправе многие обвиняли королеву Елену. Впрочем, скоро все интриги, обвинения и подозрения отошли на второй план. В 1453 году турки захватили Константинополь. Дядя матери император Константин погиб с оружием в руках, защищая свою столицу. Мать, как и другие греки, одела траур. А на Кипр хлынули толпы беженцев. И мать отдавала все силы помощи несчастным беглецам. Все это Шарлотта хорошо помнила. Как помнила и тот день, когда родители объявили ей о том, что принято решение о ее браке.

Свадьбы и похороны.

1456 год, на Кипр прибывает посольство из далекой Португалии. В результате переговоров, которые король Иоанн

и королева Елена вели с представителями португальского короля, достигнуто соглашение о женитьбе инфанта Хуана, сына Педро Португальского и внука короля, на принцессе Шарлотте. Ей двенадцать лет. И этот возраст считается вполне подходящим для брака. Лузиньяны знали историю своей династии, а в этой истории были случаи и более ранних браков. Шарлотта полна прекрасных ожиданий. Грядут празднества, балы, новые наряды, и, наконец, главное – приезд инфанта. Отец Шарлотты чувствует ухудшение здоровья и спешит оставить трон надежному наследнику. Шарлотта – слабая девочка-ребенок, она должна опираться на твердое мужское плечо. А инфанту двадцать пять лет, он взрослый воин, участвовал в боевых действиях, помогая отцу. Пережил плен и изгнание. Вместе с братом Жайме, будущим архиепископом Лиссабонским, и сестрой Беатрисой нашел убежище при дворе Филиппа III Бургундского. Герцог, мечтая об очередном крестовом походе, придумал устроить брак Жуана с наследницей Кипра Шарлоттой де Лузиньян. Свадьба состоялась накануне Рождества 1456 года. Португалец получил титул князя Антиохии и стал регентом Кипра. Все Рождественские дни прошли в празднествах и увеселениях. Радовался король, видя в зяте представителя Европы, который достойно будет нести в будущем сладкое и горькое одновременно бремя властителя Кипра. Радовалась и королева, мечтая найти в зяте помощника и противовес влиянию Якоба-бастарда. И только сам Яков был в ярости: прощай, надежда на трон. Отец, чтобы подсластить пилюлю, сделал неожиданный для всего двора шаг: назначил Якова архиепископом Никосийским.

- Как это возможно, ведь из Рима прислан архиепископ Исидор, - недоумевали бароны. Однако король стоял на своем:

- Яков будет архиепископом *in commende* (управляющим), будет контролировать финансы архиепископии, - заявил король, выступая в Палате представителей.

- Это в пятнадцать-то лет, - возмущались приближенные.

Когда весть достигла народных низов, Якова тут же прозвали «апостолом». В прозвище была спрятана язвительная насмешка. Досада, гнев, обида обуяли подростка. Эти чувства вылились в скандал, в результате которого был убит некий Якопо Ури, камердинер. И Яков, который был замешен в убийстве, опасался наказания. На корабле своего покровителя, каталонца Хуана Тафура, юноша бежит на Родос. Впрочем, он пристально следит за всеми событиями на Кипре. А события разворачиваются с драматической скоростью. Король серьезно болен, и Елена ищет сближения с зятем. Но, увы, муж Шарлотты правоверный католик, который, поближе познакомившись с религиозной жизнью Кипра, обнаруживает, что королева-мать - еретичка. Португалец был возмущен: теща-королева ходит в православные церкви, Символ веры читает по-другому, причащается по-своему. Да и королевство ему досталось странное – большая часть вовсе не католики, на него смотрят со скрытой неприязнью. Он имеет на свою девочку-жену такое сильное влияние, что она во всем подчиняется мужу. Между зятем и тещей происходит резкий разговор, прозвучали оскорбления и молодые переехали из главного дворца в другую резиденцию. И вскоре происходит несчастье. Хуан, молодой, полный сил и надежд, внезапно умирает. На юные плечи Шарлотты свалилось горе, и нашлись люди, которые нашептали: «Королева Елена отравила инфанта». Шарлотта поверила, ведь, по слухам, и ранее ее мать была замешена в расправе над Мариэттой. На Кипре вновь появился Яков, теперь он ищет дружбы с сестрой, настраивая ее против матери. И бастард преуспел. Но тут

грянул год 1458 год, и практически одновременно умирают король Иоанн и королева Елена.

Пятнадцатилетняя королева.

Высокопоставленные придворные берутся за устроение коронации. Шарлотту торжественно коронуют в Никосии короной Кипра, Киликийской Армении и Иерусалима. И пусть из трёх королевств, входивших в её титул, реально она могла править только Кипром, она была законной королевой, представительницей династии де Лузиньянов. И это делало пятнадцатилетнюю королеву-вдову завидной невестой. Вскоре был приискан и жених. Особенно активны в попечении о юной королеве и выборе жениха для нее были представители Генуэзской республики. Кипрские бароны внушали юной королеве, что есть только две силы, на которые она может рассчитывать, кто ее поддержит и не изменит ей. Это Генуэзская республика и папа Римский. Конечно, обе эти силы имели свои интересы. Трудно сказать, понимала ли корыстные намерения своих радетелей юная Шарлотта. Она была хорошо образована и знала историю своего королевства. Генуя в 1373 году начала военные действия против Кипра. В этой войне Лигурийская республика победила, и Фамагуста была оккупирована генуэзцами. Они запретили иностранным кораблям приближаться к кипрским берегам, минуя Фамагусту. С каждого корабля отныне взималась плата – коммеркий, что служило интересам Генуи, а по кипрской экономике был нанесен ощутимый удар. Генуэзцы хотели, чтобы и при новой королеве порядок оккупации оставался прежним. Почти десять лет Фамагустой владеет генуэзский банк св. Георгия, и он готов потратить некоторые суммы для того, чтобы «приручить» молоденькую королеву и подкупить баронов, которые и решают все за девочку-правительницу. Прихо-

дят новости и из Рима. В год смерти родителей Шарлотты на папский трон вошел Эней Сильвий Пикколомини под именем Пия II. В следующем году папа созывает собор христианских правителей Европы и призывает всем миром совершить поход против турок, захвативших Константинополь. Папа знает о судьбе Шарлотты, ему нужен Кипр в случае похода как опорная база христиан-крестоносцев, и поэтому он хочет видеть рядом с Шарлоттой мужественного спутника. Переговоры о супруге для Шарлотты велись далеко от Кипра в Савойе. Герцогство Савойское в XV веке было небольшим, но славным государством, история которого была захватывающе интересной. Шарлотте Савойя была хорошо известна потому, что там проживала и благоденствовала ее родная тетя Анна. Когда-то кипрская принцесса, сестра короля Иоанна, бесстрашно отправилась в столицу Савойи Шамбери, где была обвенчана с герцогом Людовиком Савойским. У Анны было двадцать пять детей (!) Многие умерли в детстве. В мужья Шарлотте прочили сына Анны Людовика. Жених прибывает на Кипр и 4 октября 1459 года, женится на своей кузине, 15-летней королеве Шарлотте Кипрской. Людовик Савойский стал королём Кипра, а также приобрел формальные титулы короля Иерусалима и Киликийской Армении. Свадьба пышно отпраздновали, причем расходы взяли на себя представители Генуэзской республики, они же официально пообещали молодым свою поддержку в случае борьбы за корону с её сводным братом Жаком. Кстати, Жака-то и не было на свадьбе и вообще было неизвестно, где этот мятежный бастард обретается, что он задумал и что он затевает. Молодые были совершенно счастливы, чувствуя поддержку Папы и европейских властителей. Они понимали, что в Европе придавали большое значение Кипру, ставшему основным торгово-посредническим центром, который поддер-

живал торговлю между христианской Европой и мусульманским Востоком. Венеция, Генуя, Барселона - эти крупнейшие города Средиземноморья соперничали между собой за право иметь торговые привилегии на острове.

Письмо султану и последствия.

После коронации Шарлотте и Людовику предстояло весьма неприятное дело. Надо было отправлять посольство в Александрию. Во-первых, отослать богатые дары, а во-вторых, подтвердить, что молодая королевская чета - верноподданные султана, его вассалы и готовы продолжать выплачивать ежегодную дань. Было это очень унижительно, но что поделаешь, ведь после разгрома кипрской армии при Хирокитии король Янус был вынужден признать свое зависимое положение от султана. Посольство прибыло в Александрию, и тут послы-киприоты узнали, что Яковбастард их опередил. Он явился ко двору султана и предложил вдвое больше золота в качестве выплаты налогов при условии признания его королем. Султану, видимо, бастард пришелся по душе. Тот факт, что он рожден не от Елены, законной жены короля, султана ничуть не удивил, у самого султана было много жен, да еще и целый гарем в придачу. А дальше произошло и вовсе неожиданное: бастард высадился на кипрский берег вместе с египетской армией. Королева с супругом и преданными баронами бежала на север острова. В 1460 году Яков захватил Фамагусту и Никосию и блокировал Шарлотту и Людовика в замке Кирения на три года. В 1463 году супруги бежали в Рим и поселились в Палаццо дей Конвертенди в районе Трастевере под покровительством Папы Пия II. Яков же был коронован коронами Кипра, Иерусалима и Армении.

А в это время в Фамагусте...



Жаркая средиземноморская ночь. Крупные звезды отражаются в спокойных в это время года водах моря. Шарлотта выходит на палубу, только ночью она укрыта от нескромных взглядов. Корабль приближается к египетским берегам, а взоры Шарлотты направлены в другую сторону. Она жадно вглядывается в морскую даль, там, на севере от Египта, находится ее королевство,

ее Кипр... Шарлота и не подозревала, что на кипрских берегах другая женщина в это же время печально смотрела вдаль. Здесь, в Фамагусте, она проводила много времени. Вот и сегодня она приехала из Никосии в этот город-крепость, чтобы завтра придти на мессу в храм святого Николая. С этим городом и храмом связано столько событий в ее жизни, и счастливых, и трагичных. Мерный прибой ударяет о стены мощной крепости, она неприступна, и Екатерина себя чувствует защищенной в своем роскошном дворце. Утром колокола храма святого Николая призовут к мессе, и она отправится на службу. И в молитвах будет произносить дорогие имена. В храмовой усыпальнице похоронены ее супруг и малютка-сын. Здесь в Фамагусте она к ним ближе, чем в Никосии. Морской прибой мерным шумом успокаивает биение сердца. Королева протягивает руку к конверту, на котором изящно выведены ее имя и титул. Это письмо от матери, донны Фьоренцы. Катерина открывает конверт и перечитывает несколько раз читанное письмо. Мать пишет весьма дипломатично, но между строк Катерина читает настоятельный совет вернуться в отечество. Где-то там, на западе, за морскими далями ее

родина, Венеция. Но возвращаться на родину ей, кипрской королеве Катерине, совсем не хочется. Она вкусила сладость власти, окунулась в роскошь. Казалось, что и самостоятельной была полностью, во всяком случае, так ей это казалось. Об этом говорили ей и кипрские бароны, и народ ее любил, вспоминая короля, которого так несправедливо забрала у нее судьба. Кипр ей стал родным. Ведь она и только она законная королева Кипра. Конечно, о существовании Шарлотты она знала, но и мысли не допускала, что эта женщина, которая была изгнана с Кипра ее супругом, королем Кипра Яковом, имеет какое-либо право на кипрскую корону.

Да здравствует Катерина!



Катерина Корнаро родилась в 1454 году в день святой Екатерины. Ее семья – известнейшая в Венецианской республике. И называли Корнаро «евангелической семьей», подчеркивая таким почетным именем древность и благородство рода Корнаро. По линии матери, которая была внучкой византийского им-

ператора, Катерина имела родство с благороднейшими византийскими родами. Семейство имело много собственности в Венеции, имело владения и на далеком Кипре, ибо оказывало важные слуги королевскому дому Лузиньянов. Андреа Корнаро, дядя Катерины, был вхож в королевский дворец, дружил с королем Яковом. Однажды во время встречи с королем дядя Андреа случайно выронил свой

платок и маленькую акварель, на которой был изображен портрет любимой племянницы. Король галантно наклонился, чтобы поднять упавшие вещи и увидел портрет. Красота юной девушки поразила Якова. Вот тогда-то и возникла идея брака представительницы рода Корнаро и кипрского короля. Вскоре в июле 1468 года в Венецию прибыли послы Кипрского королевства, дабы сделать венецианцам предложение от имени короля Якова. Король просил руки юной Катерины Корнаро. Сенат на своем заседании рассмотрел предложение и постановил ответить согласием, было решено также, что Катерине будет даден титул «дочери Венецианской республики» (дочери святого Марка), дававшийся дочерям патрициев Венецианской республики, выдаваемым замуж за иностранных монархов. Вокруг кипрского престола начиналась сложная игра, в условия и задачи которой были посвящены взрослые, а нашей героине было всего четырнадцать лет! Знала ли она историю короны Кипра и своего будущего королевства? Ведала ли Катерина, вольнолюбивая дочь Венеции, что ее будущее новое отечество не свободно, является вассальным королевством и платит с 1426 года дань египетскому султану? Наверное, знала, но особенного значения не придавала. Она от старших узнала другое: ее супруг правил железной рукой островом, он прогнал генуэзцев, вечных соперников Венеции, которые оккупировали Фамагусту после смерти великого короля-воина Пьера. Он подавлял восстания непокорных. Король мужественно преодолевал удары судьбы: эпидемии чумы и неурожая. Ее отечество, блистательная Венеция, всемерно помогало королю, который так нуждался в поддержке. Так думала Катерина, о хитросплетениях дипломатической политики республики Венеция девочка не думала. Новости она узнавала от отца. синьора Корнаро. Однажды он торжественно объявил:

- Дочь моя, сообщаю тебе, что в Венецию прибыл посол его величества короля Кипра Якова II синьор Филипп Мистачиел. И мы начинаем готовиться к твоей помолвке с королем. В наш дворец прибудет сам дож Кристофоро Моро и он сопроводит тебя во Дворец Дожей, где и будет проходить помолвка. Его величество король очень занят, поэтому его представлять и будет синьор Филипп Мистачиел. Сенат нашей Республики планирует впоследствии провести Акцию удочерения Катерины Корнаро.

- Удочерения? Я же не сирота, зачем же меня удочерять? – недоумевала девочка.

Отец строго сказал:

- Это государственное дело. И Акт «*Propriam suam filiam adoptivam*» означает, что Венеция, твое отечество, будет твоею Матерью и наследницей всех твоих прав.

Конечно, юной девушке было лестно, что из-за нее, Катерины, собирались серьезные люди и решали взрослые дела. За ней прибудет сам Кристофоро Моро. Было, отчего разволноваться. Начались суматошные дни, покупались роскошные ткани и шились наряды, украшался дворец Корнаро на Гранд Канале. Вскоре состоялась помолвка. Дож прибыл за Катериной и на украшенной ладье они прибыли во Дворец дожей, который по случаю помолвки кипрского короля и Катерины Корнаро был украшен флагами Кипра и Венеции. Юную невесту сопровождали сорок знатнейших благородных дам из лучших семей Венеции. Бережно вел ее под руку сам великий дож. Кристофоро Моро освятил обручальное кольцо, и Филипп Мистачиел почтительно надел его на палец Катерине от имени кипрского короля.

Четыре года прошли в ожидании. Король был очень занят делами своего королевства. А Катерина в окружении любящей семьи выросла и хорошела. Ей было восемна-

дцать, когда до нее дошла волнующая новость: в Венецию едут кипрские послы. Началась подготовка к событию, невесте шились роскошные платья, готовились апартаменты для кипрских гостей. А в июле 1472 года три великолепные галеры прибыли с Кипра в Венецию. Какая счастливая суматоха, какие веселые дни. Она хранила каждый из них в своем сердце, один из самых ярких: Акт удочерения. Событие проходило в соборе святого Марка. Когда процессия вышла из собора св. Марка, люди, вышедшие на площадь, горячо приветствовали ее, раздавались ликующие крики: «Да здравствует Катерина, королева Кипра!!»

Конечно, венецианцы имели причины ликовать. Не только гордость за свою землячку, которая скоро станет королевой, переполняла сердца. Люди говорили: «Республика без войны завоевала королевство, слава Милости Божией! Слава Катерине Корнаро! Слава Венеции!» Уже все знали, что кипрский король торжественно пообещал не облагать венецианских торговцев налогами, обещал ежегодно присылать в Венецию две галеры с командами гребцов. Празднества, фейерверки, звуки музыки наполняли прекрасный город. А 19 сентября 1473 года венецианский дож, которым теперь был Николо Трон, вновь прибыл в Палаццо Корнаро на Гранд-канале, теперь для того, чтобы с королевской невестой покинуть ее родной очаг и сопроводить на кипрский корабль, который унесет ее к кипрским берегам.

Катерина – королева Кипра.

Быстро пролетели несколько дней пути. В дороге киприоты рассказывали Катерине о Якове: «Он красив и высок. Его любит народ. Про него киприоты поют песни, называя его «Якомус», что значит «огромный Яков». Он смел и справедлив. Мужественно сражается с врагами, нанося

удары. Но с друзьями щедр и благороден. О нем народ слагает легенды, в которых рассказывается, как король при необходимости какой-то волшебной силой мгновенно переносится с одного берега Кипра на другой, - так говорили киприоты, и Катерине хотелось верить в эти рассказы. И вот долгожданное прибытие на Кипр и волнующая встреча с Яковом. Она оказалось счастливой. Катерина полюбила мужа и вскоре уже носила под сердцем его наследника, которого они решили назвать именем короля - Яковом. Скучала ли она по отчому дому? Нет, ибо, как шутили при дворе, сама Венеция прибыла на Кипр вместе с Катериной. Яков выглядел влюбленным, беспокоился, что после утонченной Венеции юной королеве на Кипре будет несколько скучно. Кипр находится вдали от европейских центров культуры, здесь было все весьма просто, провинциально. Но скучать Катерине не пришлось. Для молодой и очаровательной королевы, привыкшей проводить свой досуг за книгой или в общении с галантными, получившими европейское образование людьми, супруг придумывал развлечения. Впрочем, она узнала, что король уделял достаточно большое внимание образованию. В то время в Никосии существовала Академия, где учились выходцы из знатных семей. Была и Семинария или, по-другому, Университет для представителей разных сословий. О многом говорит и тот факт, что были открыты школы для изучения иностранных языков. Из разных мест в Никосию в этот период переселялись представители различных профессий, связанных с искусством. Не для того ли, чтобы юной королеве было не так тоскливо вдали от родины? Проводившая большую часть времени в стенах королевского дворца в окружении нарядных придворных, Катерина вряд ли видела голодные глаза кипрских крестьян. Остров в это время страдал от засухи и участвовавшихся налетов саранчи, к тому

же в течение двух с половиной лет здесь свирепствовала эпидемия чумы. Но эти беды обходили королевскую чету стороной.

Увы, очень скоро в королевскую семью пришла черная беда. Историк Дж. Иоахим пишет: «Всего лишь год после свадьбы прожил король Яков с молодой женой. Летом 1473 года, вернувшись домой с охоты, он занемог и вскоре скончался, завещав Катерине кипрское королевство. Торжественных похорон, по причине отсутствия в стране воска, не устраивали, тело лишь забальзамировали и погребли в одном из храмов Фамагусты. Несчастья продолжали преследовать королеву: через год она потеряла новорожденного сына, которого называли в честь отца Яковом. Похоронили малютку в одной могиле с отцом. Годы спустя некий путешественник описал, что могилу короля накрыли прозрачным стеклом. И можно было видеть останки маленького Якова, которые лежали подле останков его отца-богатыря. И эта трогательная картина была последним трагичным аккордом в истории династии Лузиньянов». После смерти короля страной стал управлять Совет из восьми человек, большинство из которых составляли испанцы, набравшие силу при покойном короле. Главным же в Совете был дядя королевы Андреа Корнаро. Стремясь ограничить влияние венецианцев на королеву, испанцы во главе с архиепископом подготовили заговор, обвинив дядю Катерины и его друзей в отравлении короля. Вскоре заговорщики убили Андреа Корнаро и его племянника. Чтобы не потерять свои позиции на острове, Венецианская республика отправила на Кипр эскадру, состоящую из десяти кораблей. Узнав о ее приближении, испанцы сбежали с острова, не забыв прихватить значительные ценности. Их сторонники были арестованы прибывшим адмиралом. Годы шли. Катерина свыклась со своим вдовьим положением. Полно-

била вновь празднества, наряды и особенно драгоценности. О будущем не думала, жила сегодняшним днем. Знала только одно, этот прекрасный остров стал ее второй родиной, здесь она ощутила вкус роскоши и власти, и возвращаться в Венецию она совсем не хотела. В 1486 году на Кипр прибыла повидаться с дочерью ее мать, высокородная донна Фьоренца. Она потратила немало сил, чтобы внушить дочери мысль о необходимости возвращения на родину. Но Катерина, которая за прошедшие годы повзрослела, стала лучше разбираться в окружающих ее людях и происходивших событиях, отвергала самую мысль о возвращении. Медленно текут ночные часы. Катерина думает о будущем, оно туманно, что ждет ее впереди? Она не забыла, хотя и пыталась забыть, что когда-то юной девушкой, почти ребенком, она подписала Акт «*Propriam suam filiam adoptivam*». Слова отца «Теперь твое отечество будет наследницей всех твоих прав» пульсировали в крови. Наследницей? Но наследство передается наследнику после кончины собственника, владельца или владелицы. Мысль о смерти полоснула по сердцу острым кинжалом. Черное крыло небытия уже накрыло ее мужа, малютку-сына. От рук каталонских сподвижников мужа погибли любимый дядя Андреа и двоюродный брат Марк. Их обвинили в смерти короля Якова. Что остается ей, покориться судьбе и сдаться на милость победительнице – Венецианской республике, или бороться за корону, за любимый остров, за свое королевское будущее? В голубоватом предрассветном сумраке из окон уже видна мерцающая гладь моря, суровые бастионы Фамагусты, и над одним из них развивается флаг с изображением Льва, флаг Венеции. С моря прилетел свежий ветерок, Катерина вдохнула полной грудью. Еще не все потеряно, она еще молода, тридцать лет всего, может быть, все еще впереди...

Пути судьбы.

Так или почти так проводили летнюю ночь 1478 года две кипрские королевы, одна – правящая, другая – изгнанная. Кроме королевского титула их объединяло многое. Две незаурядные женщины в жестоком мире, где правили и властвовали мужчины, они пытались достичь цели, которая казалась им наиважнейшей: обладать короной и властвовать. Обе королевы перенесли трагичные потери мужей и маленьких сыновей. Несбывшиеся мечты манили их и влекли до самого последнего часа. Их талантливые натуры положили все свои душевные силы на алтарь власти. В борьбе за кипрскую корону они шли на компромиссы, несли потери и, наконец, сдались, проиграв. Ведь вокруг кипрского трона плелись такие изощренные интриги, зрели и совершались хитроумные заговоры, проливалась кровь. В борьбу за обладание Кипром вступили реальные игроки: Венеция, Османская Турция, Египетские мамлюки. А наши героини были лишь инструментами, марионетками в этой борьбе. Вначале верх одержит Венеция, сто лет уйдет у Турции, чтобы победить республику, и в 1572 году на землю Кипра придут турецкие войска, чтоб в течение трех веков обладать островом. Но это сегодня известно нам, и неведомо было нашим героиням, как, впрочем, неведомо и нам наше будущее. Привилегия историка состоит в том, что нам ведомы исторические события прошлого. Старинные хроники, архивные материалы дают нам ясную картину минувшего. И мы знаем, что Шарлотта Лузиньян благополучно придёт в Александрию. Но ее постигнет неудача. Ее опять опередят, на этот раз хитроумные венецианцы. Она с огорчением увидит, как подле трона мамлюкского султана, как у себя дома, обосновались лъстивые посланцы Венеции. И султан Саиф ад-дин Кайт-Бей благосклонен к ним, и особенно благосклонен к бесконечным дарам вене-

цианцев. Униженные просьбы титулярной королевы Кипра не вызвали сочувствия султана, он проявил полное равнодушие к судьбе Шарлотты. Пребывание в Александрии окажется совершенно бесплодным. Шарлотта вернется в Рим в 1482 году, поселится в Палаццо дей Конвертенди, которое предоставит ей папа Римский. Вскоре последует смерть ее супруга. Ей еще не было и сорока, но жизнь потеряла всякий смысл, через три года она продала права на кипрскую корону двоюродному племяннику Карлу I Савойскому. А 16 июля 1487 года в Риме в Соборе святого Петра в часовне свв. Андрея и Георгия небольшая группа людей в траурных одеждах присутствовала на отпевании и погребении королевы Кипра Шарлотты Лузиньян. Организатором и благотворителем церемонии выступил Римский папа Иннокентий VIII.

Наверняка Катерина узнала о кончине своей соперницы. Успокоения ей эта кончина не доставила, так как Оранская династия постоянно напоминала о незаконности пребывания на троне Кипрского королевства, как покойного Якова, так и ее, Катерины. Впрочем, и она недолго продержалась на Кипре. В 1486 году кипрскую королеву Катерину посетила мать, высокородная синьора Фьоренца. На этот раз мать уже не осторожничала, а прямо высказала дочери мнение Республики: Кипр надо передать Венеции, а самой вернуть на родину. Катерина упорствовала. В Венеции с нетерпением ждали решения королевы. Не дождавшись, созвали «Совет Десяти» (Орган управления Венецианской республики, главной обязанностью которого было обеспечение безопасности Венеции. Совет был аналогом спецслужб современных государств. В некоторых случаях Совет Десяти имел право выносить исключительные решения даже без судебного заседания). Заседание состоялось 22 октября 1488 года. Для спешки были причины. Вот, что

пишет историк Галина Росси: «Скрывавшиеся в Египте сторонники короля Якова, не оставляли надежды вернуться на родину, а для этого решили выдать Катерину замуж за неаполитанского принца. Их планы представляли серьезную угрозу для венецианцев. На Кипр срочно за большое вознаграждение прибыл брат королевы с целью уговорить ее передать остров под власть Венецианской республики. Но сделать это было необходимо так, чтобы не возбудить подозрений султана, пристально следившего за событиями, происходящими на острове». Четыре месяца хватило для уговоров, открытого давления на королеву, а главное на возбуждение патриотических чувств, которые несколько притупились в кипрской неге.

- Наконец, ты никогда не должна забывать, что прежде всего ты – венецианка! – однажды воскликнул Джорджо Корнаро, - корону Кипра ты не потеряешь, но передашь своей отчизне. Честь быть дочерью Венеции, благодарной и благородной, ты сохранишь навсегда.

Именно эти слова, наконец-то возымели действие. Когда 1488 году официальное отречение, к которому так стремились венецианцы, было, наконец подписано, Катерина Корнаро — последняя королева Кипра, покинула остров. На ее глазах были слезы... Что она оплакивала, мечты, которым так и не суждено было сбыться, или неизвестность будущего? Этого никому не дано узнать. Все еще прекрасная в свои 35 лет, одетая в черное бархатное платье, подчеркивающее ее красоту, Катерина предстала перед восхищенными венецианцами, устроившими ей торжественную встречу. Отныне бывшая королева Кипра навсегда поселяется в подаренной ей провинции Азоло, где ведет роскошную жизнь в окружении любезных ее сердцу представителей искусства: художников, музыкантов, поэтов, писателей и философов. В результате войны с Италией Венеция

лишилась Азоло и Катерина приезжает в Венецию, чтобы завершить свой земной путь в родовом дворце Сан-Кассиано на Гранд канале. Похороны в церкви Святых Апостолов были торжественными, площадь Каннареджо была переполнена толпами людей, пришлось даже построить специальный понтонный мост. Люди сочувственно отнеслись к женщине, которая прославила Венецию, став королевой Кипра, а затем добровольно отказалась от короны в пользу своего отечества. В толпе правда перешептывались, что Катерина, хотя ей было уже 56 лет, не только не оставила надежд вернуться на столь любезный ее сердцу Кипр, но и предпринимала некоторые попытки для этого. А когда о намерениях Катерины стало известно Сенату, у кипрской экс-королевы внезапно случились желудочные колики, от которых она и умерла в три дня. Так это было или нет, теперь уже никто не скажет наверняка. В 1584 году в венецианской церкви святого Сальвадора был сооружен склеп, в который и перезахоронили дочь Венеции, королеву Кипра Катерину Венето Корнаро...

Время и память.

Итак, жизнь наших героинь завершилась, кончина их бесславна, имена в истории Кипра неярки. И все же я вспоминаю двух королей с сочувствием. Пленницы судьбы, две талантливые и красивые женщины прошли свой путь в суровом мужском мире кипрского средневековья, испив свои чаши страданий до дна. Мне симпатичны они и потому, что любили Кипр как могли, в соответствии со своим представлениями и мировоззрениями. Да и как не любить эту землю, голубые горы и зеленые кедровые леса, лазурное Средиземное море и богатство исторического наследия, частицей которого мои героини стали. А повесть эта

написана для того, чтобы напомнить читателям о нескольких страницах истории Кипра и пополнить историческую память тех, кому Кипр дорог и интересен. Ведь сказал однажды замечательный поэт Иосиф Бродский (кстати, живший в Венеции): «Время, столкнувшись с памятью, узнает о своем бесправии».

Иллюстрации

**Портрет Шарлотты, королевы Кипра- стр.147*

**Портрет Катерины Корнаро - стр.157*

**Катерина Корнаро и Якоб, король Кипра - стр.158*



Глава одиннадцатая

Паоло и Мадлен: эхо пяти веков



События, о которых рассказывается на страницах этой главы, происходили в начале XVI века. Наш рассказ – это попытка реконструкции образа кипрского аристократа Паоло Захариди, ставшего ктиторм (лицом, пожертвовавшим средства на строительство храма) в маленькой горной деревеньке на острове Кипре. Имя Захариди вошло в историю мировой живописи, так как храм был расписан выдающимся кипрским художником Симеоном Аксентисом. Его фрески – яркая страница итало-византийского искусство средневекового Кипра. В очерке содержатся малоизвестные факты из истории Кипра в период Венецианского правления на острове.

Освящение храма святого Созомена.

Это происходило 3 сентября 1513 года в горной деревне Галата на острове Кипр. У недавно построенного храма собрались жители окрестностей. Сегодня освящался храм св. Созомена. На освящение обители, посвященной кипрскому святому, собралось множество народа. Но особое внимание привлекла чета владельцев казалии (поместья) Галата, монсеньора Паоло и его супруги Мадлен. Это была прекрасная пара, и не залюбоваться ими было невозможно. Монсиньор Паоло Захариди внимательно слушал проповедь священника. Благородные черты лица были освещены мерцающим пламенем свечи, которую он благоговейно держал в руках. Ранняя седина обрамляла его лицо, и пряди волос на черном бархате камзола казались посеребренными. Рядом, чуть поодаль, стояла его супруга, госпожа Мадлен. Иконописец Симеон Аксентис знал, что Мадлен – дочь франкского вельможи, католичка. Но здесь, в православном храме, она смиренно склонила голову, и только четки темного дерева в ее руках словно говорили: «Я покорна воле мужа, но я помню свою веру». Собравшиеся обращали внимание на эти четки, непривычные в руках у женщины - не монашки. Но Мадлена и не думала их прятать. Кого ей здесь стесняться, среди простого люда деревеньки Галата? Эта деревня и жители – владение ее мужа, Паоло Захариди, сама она из рода Лузиньянов, которые триста лет правили на Кипре. Она взглянула на мужа, он здесь счастлив, он здесь дома, осеняет себя Крестным знаменем, внимает священнику отцу Иоанну. Мадлен по-гречески понимает хуже, чем по-итальянски, но тоже, склонив голову, слушает.

Помни имя свое.

А художник укоряет себя, что никак не сосредоточится на молитве. Он не может оторвать взгляд от супружеской пары. «Вот бы написать их портрет, вот так, в профиль. И эту вуаль из белого шелка, которая плавно ниспадает у синьоры с головы и струится по плечам и спине, касаясь пола, и опушку белоснежного меха, которая подчеркивает красоту платья». Так думает Симеон и тут же обрывает себя, вспоминая заветы своего старого учителя: «Никакого самочинства. Бери за образец старых византийских мастеров, или кипрских, вон, как писал Феодор Апсевдис. Это католики удумали «Мадонна с щеглом», «Мадонна с цветком». Все не икона, а так, картина. Ты - иконописец, агиограф. Помни имя свое, не забывай и корни». Он работал над росписями этой церкви целый год. Никогда еще не испытывал он такой радости от работы. Что так его вдохновляло? Эта маленькая деревушка, которая утопала в зеленых садах, или цвет неба, который здесь не голубой, а темно-синий? А может быть, родниковая вода, которой он утолял жажду, когда спускался с лесов, завершив дневной труд? Обычно он не любил, когда люди приходили смотреть, как он работает. Но в церкви святого Созомена все было не так. Частенько крестьяне заглядывали в храм, смотрели, как художник работает, приносили гостинцы: горсть сочных слив, гроздь спелого винограда, питу с халуми, овечьим сыром. Рассказывали деревенские новости, приглашали на чашку кофе в сельскую таверну, которая располагалась поблизости, чуть ниже нового храма. Симеон узнал, что построить церковь решили жители деревни. Двенадцать крестьян обратились к православному епископу за благословением, а потом к судье Иоаннису. Он был образованным человеком и проживал в соседнем селе Тембрия. Когда депутация из Галаты пришла за советом, судья расчув-

ствовался и сказал, что тоже примет участие в строительстве храма. Их стало тринадцать, ктиторов храма. Храм строился, зодчие трудились усердно. А когда строительство подходило к концу, ктитория обратились к иконописцу Симеону Аксентису с просьбой расписать храм, украсить его фресками.

Святой Георгий и дракон.



Работа завершена, но не чувствует художник усталости, душу переполняет радость от свершенного. Не гордыня, а именно радость. Как не радоваться. Служба завершается, богомольцы подходят под благословение к батюшке. Он указывает своим духовным чадам на слова, написанные над западным входом

храма. «Помните, дети мои, - напутствует уходящих священник, - Церковь – это Небеса на земле, где наш Господь сияет во славе, вечно пребывает, являя Свое Распятие, кончину и Воскрешение во Христе». Но не все уходят. Вот молодой крестьянин с женой и детьми осторожно поддерживают старого отца, ведут его к фреске, изображающей святого Георгия-Победоносца. Художник хорошо помнит, как однажды во время работы подошел этот крестьянин и представился: «Я - Йоргос, сын Максима из Галаты. Вот, есть немного денег. Можно попросить икону святого Георгия написать на стене?» - Йоргос протянул художнику молистую ладонь, в которой блеснули безанты. Симеон очень старался, дракон получился зеленым, с алыми крыльями. Царевна связала чудище не своим пояском, как

обычно изображали иконописцы, а крепкой цепью. Йоргос показывал детям фреску, объяснял. Детишки довольно поглядывали, старый отец тоже был доволен особенно тем, что под фреской Симеон аккуратно вывел: «Георгий, сын Максима, с семьей - благодетель этой иконы».

Отречение Петра.

Паоло Захариди тоже услышал слова священника. Он был образованным человеком и знал, что над входом в храм были написаны слова патриарха Германа, жившего в седьмом веке. Это сколько же лет прошло, и вот здесь в дальней деревушке православный священник читает слова патриарха, которым более восьмиста лет. Да, Православная Церковь крепко бережет свою Веру. Захариди внимательно осматривал росписи храма. Смешанные чувства охватили его. Было отраднo, что подданные его столь благочестивы. «Ведь вовсе не роскошествуют, живут далеко не богато. Платят налоги, ходят отрабатывать барщину, еще сдают и масло, и вино, и зерно приказчику моему. А ведь взяли и построили храм», - думал он. Возникла и другая мысль: «Жаль, что эта идея не пришла мне раньше в голову. Мог бы и я выступить в роли благодетеля». Священник указал ему на художника, расписавшего храм. Тот в храме стоял в дальнем уголке, не смел, приблизиться к монсеньору. «Видно, что иконописец изрядный», - размышлял Захария, рассматривая фрески. Особенно понравился цикл об отречении апостола Петра. Монсеньор так углубился в красочный мир фрески, что, казалось, и сам услышал крик петуха. «О чем фреска, - размышлял Захария, - о предательстве или о раскаянии? О предательстве. Почему же так взволновал меня этот сюжет? Мои предки не предавал никого, верно служили. Сначала королеве Екатерине, потом Венеции». Его семью называли «белыми венецианцами».

Ведь были они на службе у Венецианской Республики, выполняли важные поручения. Могли в случае притеснения жаловаться Консулу республики, который был на Кипре. И все же чувствовал себя Паоло Захариди, словно был между двух огней. С одной стороны, его православная вера, вера его предков, с другой – служба Венеции и жена - истая католичка. Незадолго до смерти, его дед Захарий говорил ему, своему любимому внуку: «Ты, конечно, надел бархатный камзол, берет с пером, и жена у тебя франкского рода, и говоришь ты по-латински, но ты грек-киприот Павлос Захаридис, и это забывать нельзя». Дед рассказывал о падении Константинополя, которое произошло еще до рождения внука. Рассказывал и о православной королеве Елене Палеологине, которая принимала беженцев из столицы ромеев. Его рассказы всегда завершались словами: «Держись за православную веру, в ней спасение». Сегодня он это почувствовал особенно остро. Наверное, поэтому и сказал священнику, уходя: «Угощение для народа за мой счет. И пусть завтра художник ко мне в замок придет, есть для него заказ». Сказал и удалился, выходя из храма, перекрестился и взглянул на стену. Художник неутомимый. Даже здесь, на внешней стороне стены написал сцену Страшного суда и изобразил Семь вселенских соборов. Невольно задержался подле сцены, изображающей Первый Вселенский собор. Улыбнулся, увидев знакомый лик Спиридона Тримифунтского в его ивовой шапочке, нахмурился, увидев, как мучаются в аду еретики. «Господи, спаси и сохрани», - произнес вслух, Мадлен удивленно взглянула на мужа и вышла вслед за ним, гордо неся свою голову, укрытую белой шелковой вуалью.

Киприот - «белый венецианец».

Утром следующего дня монсеньор Паоло Захария работал в своем кабинете. Вначале пришел его байло, старый приказчик, который много лет верой и правдой служил семье Захаридисов. Прежде всего, управляющий передал хозяину благодарность от крестьян села за угощение, которым монсеньор пожаловал своих подданных по случаю освящения храма. Отчет приказчика удовлетворил хозяина вполне. Казалия давала неплохой доход. Было у семьи поместье и в пафосских краях. В свое время за женой он взял приличное приданое. Там имелись плантации сахарного тростника, варили сахар, выращивали хлопок, так что было, чем торговать. Благосостояние семьи росло. Он добился гражданства Венеции и получил право называться «белым венецианцем». Это право давало возможность участвовать в крупных торговых операциях на правах младшего компаньона венецианских купцов. Несколько раз довелось побывать и в самой Венеции. Была задумка со временем перебраться в Венецию. «Настали тревожные времена,- рассуждал Паоло,- Кипр платит налоги египетскому султану, даже королева Кипра, Екатерина Корнаро, называла султана своим господином, а себя его рабыней. Пираты беспокоят кипрские берега, и неизвестно, устоит ли Венеция, если турки возмечтают захватить остров? Вся надежда лишь на Господа Иисуса и Пречистую Деву».

Капелла – семейная часовня.

Об этом думал Паоло, и еще одна мысль со вчерашнего дня не давала покоя.

- Как тебе новая церковь? - спросил он управляющего. Морщинистое лицо старика расцвело в улыбке:

- Уж больно художник хорош, доложу вам. Каждый уголок заполнил красотой.

Паоло кивнул и проговорил:

- Вот, думаю семейную капеллу построить. И заказать этому Аксентису ее расписать

.Приказчик уточнил:

- Капелла – это церковь? - Паоло кивнул (он иногда переходил с греческого на итальянский, не замечая того). Впрочем, почти все киприоты, а не только знатные аристократы и богатые купцы, могли объясниться на греческом, итальянском, франкском и арабском языках. Это значило жить на перекрестке торговых путей. Но старый приказчик не был полиглотом. Он спросил:

- Где строить изволите, господин? Подле замка?

- Нет, на въезде в село, пусть любой, прибывающий в Галату, прежде помолится Богородице.

Приказчик откланялся, а вскоре объявили о приходе иконописца. Симеон Аксентис впервые был в таком богатом доме. Когда его ввели в кабинет хозяина – застыл от изумления: на стенах висели красочные картины в позолоченных рамках, книги в кожаных переплетах теснились на полках громоздких шкафов. Монсеньор объяснил, зачем позвал художника. Показал набросок небольшой часовни, которую сам начертал на листе бумаги тушью.

- Часовенка будет семейная, небольшая. Не внешним видом должна удивлять, но внутренней красотой. А мне твоя работа в церкви святого Созомена понравилась. Пусть и в нашей часовне фрески будут не хуже. Только одно дополнение: моя супруга желает, чтобы на иконе Деисуса у ног Господа и Богородицы была изображена наша семья. Что скажешь?

В этот момент слуга доложил о приходе сеньоры Мадлен.

Семейный портрет на иконе.

Она вошла стремительно в сопровождении старшей дочери, юной девушки, похожей на мать. Едва кивнув художнику, Мадлен заговорила, словно продолжая ранее начатый разговор:

- Вы, мой супруг, ведь бывали в Пирге? (Маленькое селение у подножья горы Ставровуни на Кипре – прим. авт.) Там, в королевской часовне, у Распятия изображен король Янус с супругой. И это не тщеславие, это упование на Господа, смирение и пример подданным. Если вы прикажете изобразить нашу семью преклоненной перед Господом, это будет и нашим детям важным уроком, да и память у них о родителях останется.

Старшая дочка монсеньора хранила молчание, ждала, когда мать закончит свою речь, а потом проговорила тихо, но отчетливо:

- Матушка, герб!

Мадлен твердо сказала:

- Да, и герб нашего рода необходимо изобразить!

Для нее, в чьих жилах текла кровь Лузиньянов, это было важным условием. Мадлен знала, что совсем недавно, в 1487 году, в Риме скончалась законная королева Кипра Шарлотта, последняя из рода Лузиньянов. С этой смертью все мечты о возвращении Лузиньянов на трон были развеяны в прах. Незаконнорожденный сын короля, бастард Якоб, женившись на венецианке Катерине Корнаро, способствовал тому, чтобы Венеция стала хозяйкой Кипра. Он умер при загадочных обстоятельствах, его маленький сын тоже умер, и Катерину отправили в Венецию. Ничего не изменишь, но дети Мадлен, ее потомки должны знать и помнить, что в их жилах течет королевская кровь. Аксентис внимательно смотрел на знатную даму, ее дочь, монсеньора. Взгляд художника подмечал мельчайшие подроб-

ности, чтобы потом на стене храма, на фреске Деисусного чина у ног Господа он смог изобразить семью Паоло Захариди.

Ключи от храма.



Уже через полтора года храм был построен и расписан, а 17 января 1514 года освящен. На освящении присутствовали только члены семьи и самые близкие родственники. С того самого 1514 года монсеньор Паоло – Павлос Захаридис – крепко держит в руках ключи от храма, посвященного Богородице. Так изобразил его Симеон Аксентис.

И всю семью изобразил подле него: сын, три дочери и красавица-супруга. Как сложилась их судьба? Где потомки Паоло встретили турецкое нашествие? Нам неизвестно. Но знаем точно: ключи от храма Паоло никому не отдал. Ведь он был частью своего народа, который тоже никому не отдал ключи от своих храмов: ни хитромудрым венецианцам, ни жестоким иноверцам, ни христианам с берегов туманного Альбиона. И спустя пять веков после того памятного январского дня 1514 года, мы с вами можем отправиться на встречу с Павлосом Захаридисом и увидеть гордый профиль Мадлен. А главное - приклонить колени пред чудными живыми ликами святых, в кипрской земле просиявших, которые были созданы полтысячелетия назад талантом и трудом уникального художника Симеона Аксентиса. Можем увидеть образы святых, ощутить силу веры, которую бережно хранит кипрский народ в своих сердцах,

Автор надеется, что найдутся заинтересованные читатели, которые захотят увидеть старинные средневековые храмы, полюбоваться дивными фресками и познакомиться с творчеством выдающегося иконописца Симеона Аксентиса. Это несложно, если живете на Кипре или проводите здесь свой отпуск. Надо приехать в деревню Галата, что располагается недалеко от известного кипрского селения Какопетрия. В центре деревни есть кофения, оттуда можно позвонить сотруднику сельского совета Поликосу, потомку тех самых крестьян, которые однажды построили храм св. Созомена. А после осмотра вас проводят до храма Богородицы (его еще называют храмом Архангела), там вы увидите большую фреску Деисусного чина и семейный портрет Захаридисов.

Иллюстрации.

**Ктитеры храма Богородицы в д.Галата
семья Паоло Захариду (фреска)- стр.170*

**Святой великомученик Георгий(фреска в храме
св. Созомера в д. Галата)- стр.173*

**Деисусный чин. Фреска в храме Богородицы
в д. Галата- стр.179*



Послесловие.

Перевернута последняя страница книги. Средневековое окошко Музея-лапидария приоткрыло нам эпоху Лузиньянов. Надеюсь, прочитав рассказы в этой книге, вы сохраните в памяти некоторые эпизоды кипрского средневековья. Вам стало известно содержание только нескольких глав чудесной красочной книги, название которой «История Кипра». Думаю, вам захочется прочитать и другие главы книги. А если это так, то задача автора выполнена.

В добрый час и до новых встреч!



Историческая справка.



В 1184 году на Кипре, который до этого момента входил в состав Византийской империи, захватил власть двоюродный брат императора Андроника Комнина - Исаак. В 1191 году Кипр был завоёван Ричардом I Львиное Сердце, королём Англии. Ричард продал Кипр ордену тамплиеров за 100 тысяч безантов, затем, после того как киприоты восстали против тамплиерского правления, в 1192 году выкупил остров обратно и перепродал бывшему иерусалимскому королю Ги де Лузиньяну, ставшему в результате первым сеньором Кипра. Умершему в 1194 году Ги наследовал его старший брат Амори (Амальрих), который в 1195 году признал над собой сюзеренитет Священной Римской империи и взамен получил от императора Генриха VI титул короля Кипра. 22 сентября 1197 года в Никосии прошла торжественная коронация первого короля Кипра Амори. Династия Лузиньянов прервалась в 1267 году, когда прекратилась мужская линия Лузиньянов. Престол перешёл к принцу из антиохийского княжеского дома Гуго III, сыну сестры короля Генриха I Изабеллы и Генриха Антиохийского, сына князя Бозмунда IV. Наивысшего политического и экономического могущества Кипрское королевство достигло в период правления королей Гуго IV (1324 -1358 гг.) и Петра I (1358 -1369 гг.), власть которых распространялась не только на Кипр, но и на часть территории Анталыи. Свидетельством достаточно высокого уровня культуры в Кипрском королевстве является то, что при королевском дворе в первой половине XV века историком Леонтием Махера была создана «Кипрская хроника». Однако последовавшая за убийством Петра I кипро-генуэзская война 1373 - 1374 годов настолько подорвала экономико-политическое положение королевства, что

Кипр полностью лишился какого-либо влияния на внешнеполитической арене. Кроме того, что Кипрское королевство потеряло все свои материковые владения, король вынужден был передать генуэзцам главный кипрский торговый порт - Фамагусту. С 1426 года Кипрское королевство находилось в вассальной зависимости от египетского султана, которому оно обязано было выплачивать ежегодную дань в 8000 дукат. Аквитано-Норманно-Лузиньянская династия правила до 1489 года. В 1473 году после смерти короля Якова (Жака) II-го у него родился сын Яков (Жак III), но и он через год умер. С этого времени Кипр попал под власть Венецианской республики. Номинально королевой считалась вдова Якова II-го Катерина Корнаро, происшедшая из знатного венецианского рода. Она завещала Кипр Венеции, которая в 1489 году официально включила остров в состав своих владений. Взамен бывшая королева получила владение в округе Азоло в Венецианской республике. Прямое вторжение Венеции помогло ликвидировать вассальную зависимость Кипра от египетских султанов, установленную в 1426 году, но снять османскую угрозу Венеции было уже не под силу.



Правители Кипрского королевства (имена и хронология).



Ги, ум. 1194 г., первый сеньор Кипра с 1192 года
Амори, ум. 1205 г., король с 1194 года
Гуго I (король Кипра), ум. 1219 г., король (1205 – 1218)
Генрих I (король Кипра), король (1218 – 1253)
Гуго II (король Кипра), король (1253 – 1267)
Гуго III король Кипра (1267 - 1284) (сын Изабеллы, дочери Гуго I, и Генриха Антиохийского из Аквитанского дома)
Жан I, король Кипра (1284 - 1285)
Генрих II король Кипра (1285 - 1324)
Амори II Тирский, регент (1306 - 1310)
Гуго IV король Кипра (1324 - 1359)
Петр (Пьер) I, король Кипра (1359 - 1369)
Петр (Пьер) II, король Кипра (1369 - 1382)
Иоанн (Жан) де Лузиньян, регент
Яков (Жак) I король Кипра (1382 - 1398)
Янус, король Кипра (1398 - 1432), а также Армении и Иерусалима (номинально)
Иоанн (Жан) II король Кипра (1432 - 1458), а также Армении и Иерусалима (номинально)
Шарлотта Лузиньян, королева Кипра (1458 - 1464), королева Армении и Иерусалима (номинально)
Яков (Жак) II король Кипра (1464 - 1473), король Армении и Иерусалима (номинально)

После смерти Жака II и умершего в том же году его новорождённого сына Кипр, а также королевские титулы Армении и Иерусалима перешли к вдове Жака, Катерине Корнаро, передавшей их в 1489 году Венеции.



Об авторе.



Зыкова Наталия Владимировна - историк, педагог, журналист и общественная деятельница. Родилась в 1952 году в семье военнослужащего. В 1975 году окончила Рязанский государственный педагогический институт по специальности преподавание истории, английского языка, Основ государства и права, обществознания. В 1975-1980 гг. преподавала историю и английский язык в ряде учебных заведений Москвы. В 1980-1985 г.г. служащая Советской армии в пограничном районе (по месту службы супруга, офицера Вооруженных сил). Заведовала библиотекой в воинской части, организовывала культурные мероприятия патриотической направленности среди военнослужащих. В 90-е годы экскурсовод и методист экскурсионного отдела ВДНХ. С 1995 года проживает на Кипре, поступила и в 1997 году окончила магистратуру Колледжа Нью-Джерси (кипрский филиал). Затем преподавала в ряде учебных заведений Кипра английский язык и всеобщую историю. В Музы-

кальном центре Нефен Михаилиду преподавала Историю музыки, активно занималась журналистикой. Зыкова – автор более пятиста публикаций в русскоязычных СМИ Кипра, а также в кипрских газетах и журналах в переводе на греческий язык. Неоднократно ее материалы были опубликованы в СМИ России, других европейских стран. В 2000-2002 г.г. училась в докторантуре английского университета г. Бат (Bath University). При Московской Патриархии окончила курсы преподавателей Основ православной культуры. В 1997 году Зыкова при поддержке супруга и членов семьи создает на Кипре Русский православный образовательный центр (РПОЦ). Центр проводит большую просветительскую работу по благословению священноначалия Кипрской Православной Церкви, при поддержке Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата и Посольства Российской Федерации в Республике Кипр. За время работы Центр провел более двадцати международных фестивалей и выставок, стал инициатором, организатором и вдохновителем проведения на Кипре Дней славянской письменности и культуры. Центр координирует свою деятельность с русскими православными приходами и другими общественными организациями российских соотечественников на Кипре. Наталия Зыкова – автор книг, посвященных истории Кипра, Кипрской Православной Церкви, духовным связям кипрского и русского народов. В течение четверти века Наталия Зыкова трудится в храме святого Лазаря г. Ларнака, организуя паломничества православных соотечественников в эту жемчужину православия. Наталия Зыкова считается ведущим специалистом в области культурологи и истории российско-кипрских отношений. При поддержке Посольства России на Кипре РПОЦ поддерживает и проводит мемориальные мероприятия, посвященные памятным датам, важным для народов

дружественных стран. В 2012 году Патриарх Московский и всея Руси Кирилл во время своего визита на Кипр лично наградил писательницу Орденом Святой преподобной Евфросинии великой княгини Московской во внимание к трудам на благо Русской Православной Церкви. В 2016 году Верховный Атаман Союза казаков России наградил Зыкову медалью «Алексий Человек Божий» за вклад в укрепление духовных связей между народами России и Кипра и за просветительскую работу среди молодежи, направленную на изучение истории казачества. Зыкова - дипломант Международной литературной премии им. Петра Ершова. В 2017 году награждена Почетной Грамотой правительства города Москвы за сохранение и продвижение русского языка, духовных ценностей, формирование и сплочение русской диаспоры на Кипре.

Другие книги автора.



- «В гостях у музы Клио».** Сборник очерков по истории древнего Кипра
- «Василий Григорович-Барский: путешествие на Кипр XVIII-го века»**
- «Поместные православные церкви»** (в соавторстве)
- «Посланник Киевской Руси»** (повесть о прибытии на Кипр первого известного русича игумена Даниила)
- «Святая Кипрская Земля»** (книга написана по благословению приснопамятного Патриарха Московского и всея Руси Алексия II)
- «Наследники святого Ираклидия»**
- «О человеке, в котором все было прекрасно»** (О христианских мотивах в творчестве Антона Чехова)

- «**Михаил Бутчик: судьба русского офицера**» (повесть).
- «**Слово о Кипре**» (рассказы об истории античного и византийского Кипра).
- «**Паломничество на Кипр православный**» (По стопам Василия Григоровича-Барского).
- «**Сказки бабушки Марулы**» (десять кипрских народных сказок для детей), книга награждена Дипломом Международного литературного конкурса имени Петра Ершова.
- «**Лампадка**» (рассказы для детей о кипрских святых). Книга написана по благословению Архиепископа всего Кипра и Новой Юстинианы Хризостома II.
- «**На службе России**» (книга посвящена истокам дипломатических отношений между народами России и Кипра, изучению начала истории Российского дипломатического присутствия на острове и увековечиванию памяти трудов самых первых консулов, представляющих интересы Российской империи на Кипре).
- «**Друг Христа и его Кипрская обитель**» (книга посвящена духовному подвигу Друга Христа Св.Лазаря, первого епископа Китионского и истории его обители на Кипре).
- «**Золотой венец Лефкосии**» (рассказы о древних храмах столицы Кипра)
- «**Годы странствий**» (сборник очерков о европейской культуре)
- «**Искра Божия. Рассказы о талантливых людях**» (очерки о выдающихся деятелях русской культуры).

Содержание

От автора	3
Пролог	
Три века Лузиньянов	5
Глава I	
Короны Кипрского королевства.....	8
Глава II	
Свеча светозарная.....	32
Глава III	
Битва при Агриди - неизвестный триумф	39
Глава IV	
Король и узурпатор	50
Глава V	
Святой крест и королева Алиса.....	64
Глава VI	
Пьер или Петрас, кипрский король	76
Глава VII	
Дар Адмирала Пьетро де Кафрана.....	106
Глава VIII	
Бедный Янус	118
Глава IX	
Палеоогиня	138
Глава X	
Игры вокруг престола	146

Глава XI	
Паоло и Мадлен: эхо пяти веков	170
Послесловие	181
Историческая справка	182
Правители Кипрского королевства.....	184
Об авторе	186

Иллюстрация на обложке

Коллаж: «Герб, корона и флаг Кипрского королевства»

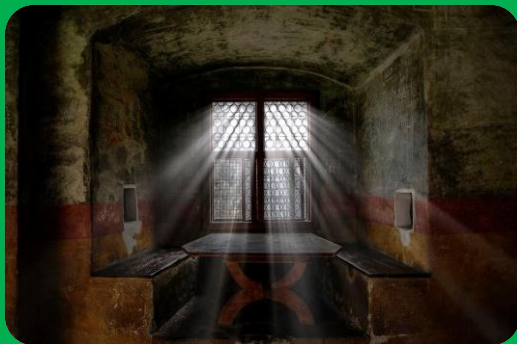
На снимке на стр. 186

*Автор книги с Блаженнейшим митрополитом
Китионским Нектарием.*

На задней стороне обложки:

Средневековый интерьер.





Книга историка и литератора Наталии Зыковой «Меч, крест и корона» посвящена теме, которая мало изучена - истории средневекового Кипра. Впервые главы из книги были опубликованы в кипрском еженедельнике «Европа-Кипр». В очерках автор рассказывает о важных событиях, заметных исторических деятелях, о достижениях и потерях эпохи кипрского королевства франкской династии Лузиньянов. Интересная фактологическая сторона повествования, стиль изложения делают чтение книги познавательным и доступным для широкого круга читателей, любящих историю.

ISBN 978-9925-7498-3-6